В. БЕРЕЖКОВ

С ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИЕЙ В БЕРЛИН

1940
1941

ТЕГЕРАН

1943

ВАЛЕНТИН БЕРЕЖКОВ

С ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИЕЙ В БЕРЛИН 1940—1941 ТЕГЕРАН 1943

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»
ТАШКЕНТ — 1971

9(С)2
Б 48

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор этой книги Валентин Михайлович Бережков — журналист-международник, заместитель главного редактора внешнеполитического еженедельника «Новое время».

В 1940—1945 гг. В. М. Бережков находился на дипломатической работе. С декабря 1940 г. вплоть до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз был первым секретарем посольства СССР в Берлине. Вернувшись в Москву, работал в центральном аппарате Министерства иностранных дел СССР. Участвовал во многих международных встречах и переговорах, в том числе в Тегеранской конференции глав великих держав.

После окончания войны, в 1945 г., занялся журналистикой. В качестве специального корреспондента журнала «Новое время» освещал важнейшие международные совещания. Побывал в США, Англии, Франции, Швейцарии, Китае, Венгрии, Югославии и других странах.

Валентин Бережков — автор двух книг, предлагаемых читателю, и большого числа статей, корреспонденций, очерков и путевых заметок.

Бережков Валентин.

С дипломатической миссией в Берлин 1940—1941, Тегеран 1943. Т., «Узбекистан», 1971.

224 стр.

1-11-1
1971

9(С)27

С ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИЕЙ В БЕРЛИН 1940—1941

Под нами медленно проплывал Кавказский хребет. Казалось, что крыло самолета вот-вот заденет заснеженный склон Казбека. Внизу зеленели альпийские луга, темнели массивы пихтовых лесов, поблескивали горные озера и реки. Накренясь, самолет повернул вправо, немного снизился, и вдруг перед нами открылось Дарьяльское ущелье...

Подходил к концу наш долгий путь из столицы гитлеровского рейха в Москву. Прошел первый месяц Великой Отечественной войны. Около полутора тысяч советских граждан, работавших в Германии и в советских учреждениях на оккупированных гитлеровцами территориях Европы, завершали последний отрезок пути на Родину. Отдохнув несколько дней в Стамбуле на стоявшем там советском теплоходе «Сванетия», большинство из них отправилось поездом в СССР через Ленинакан.

За группой советских дипломатов в Анкару прибыл из Москвы специальный самолет. Мы вылетели на нем из столицы Турции утром, переночевали в Тбилиси и к вечеру 22 июля приземлились в Москве...

Под мерный рокот моторов я вновь и вновь мысленно возвращался к драматическим событиям последних месяцев, свидетелем которых мне довелось быть. Я оказался причастен к ним с памятного для меня осеннего дня 1940 года. С него я и хочу начать свой рассказ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПОЕЗД

Вечером 9 ноября 1940 года от перрона Белорусского вокзала в Москве вне расписания отошел необычный поезд. Он состоял из нескольких вагонов западноевропейского образца. Его пассажирами были члены и сотрудники советской правительственной делегации, направлявшейся в Берлин для переговоров с германским правительством.

Сейчас Советский Союз поддерживает прямое железнодорожное сообщение со многими государствами. Сев в вагон на московском вокзале, пассажир может доехать в нем до Берлина. Но перед второй мировой войной советские составы шли только до нашей государственной границы. Там пассажиры переходили в поезд, который доставлял их до первой зарубежной станции, где снова надо было пересаживаться в состав, шедший в Западную Европу. Эти сложности вызывались разницей в колее, а смена тележек под вагонами в то время широко не практиковалась. В этом отношении поезд, поданный для советской делегации, был также необычным. Ему предстояло пройти весь путь от Москвы до Берлина: на границе нас ожидали тележки западноевропейского типа.

Не спеша поужинав в вагоне-ресторане, я вернулся в свое купе и растянулся на постели. Однако сон долго не приходил — очень уж взбудоражили меня события этого дня. Только утром я узнал о предстоящей поездке. Надо было закончить дела на работе, пройти через все формальности, связанные с получением заграничного паспорта, наскоро собраться и быть на вокзале за час до отъезда.

Это была не первая моя поездка за рубеж. Весну и лето 1940 года я проработал в советском торгпредстве в Берлине и основательно поколесил не только по Германии, но и побывал в Бельгии, Голландии, Польше. Поскольку моя специальность инженера-технолога дополнялась хорошим знанием немецкого языка, меня часто привлекали к участию в ответственных экономических переговорах. Осенью 1940 года я был вызван в Москву и зачислен в референтуру Наркомата внешней торговли. В тех случаях, когда нарком (им тогда был А. И. Микоян) лично вел переговоры с немецкими экономическими делегациями, я выполнял роль переводчика.

По роду своей работы я знал, что в последние месяцы германская сторона задерживала поставки Советскому Союзу важного оборудования и в то же время настойчиво требовала увеличения советских поставок нефти, зерна, марганца и других материалов. Можно было ожидать, что все эти вопросы будут обсуждаться в Берлине. Но состав советской делегации, в которую входили дипломатические и военные эксперты (она возглавлялась Народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым), давал основание полагать, что прежде всего предстоят политические переговоры. Видимо, было сочтено, что и на этих переговорах я могу быть полезен. Так я оказался в числе пассажиров специального поезда.

Международная обстановка в то время была весьма сложной. Предпринимавшиеся на протяжении ряда лет попытки Советского правительства договориться с Англией и Францией о совместном отпоре гитлеровской агрессии не увенчались успехом. Летом 1939 года стало очевидным, что западные державы думают лишь о том, как бы изолировать Советский Союз и направить агрессию третьего рейха против нашей страны, а затем объединиться с Гитлером в антикоммунистическом походе. В этих условиях правительство СССР сочло необходимым принять предложение Берлина и заключить пакт о ненападении с германским правительством. Это давало возможность Советскому Союзу на какое-то время отвратить от своего народа опасность войны, выиграть время для подготовки к отпору фашистской агрессии в будущем.

Идя на заключение договора с Германией, Советский Союз тем самым срывал вынашивавшиеся в реакционных кругах Запада планы объединения англо-французской

реакции с германским фашизмом в общий антисоветский фронт. Предотвращение такого объединения — основной положительный результат этого договора. Важное значение имело и то, что в результате воссоединения западных областей Украины в одно государство с Советской Украиной и Западной Белоруссии с Советской Белоруссией, а также вступления в состав Советского Союза прибалтийских республик — Литвы, Латвии и Эстонии — значительно отодвинулась на Запад государственная граница нашей страны.

Между тем война в Западной Европе стала фактом. Одна за другой следовали операции гитлеровского «блицкрига». Оккупация Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и, наконец, Франции, правительство которой, подписав в Компьене капитуляцию, перебралось на юг страны в курортный городок Виши. После этого план «Морской лев», предусматривавший вторжение на Британские острова, стал пылиться на полках германского генерального штаба. Военные операции довольно вяло происходили лишь в Северной Африке. В остальном вторая половина лета и осень 1940 года прошли довольно спокойно.

Всех нас, конечно, тревожил вопрос — что же дальше? Как долго еще будет соблюдать Гитлер свои обязательства по советско-германскому пакту о ненападении? Не повернет ли он на Восток? К осени 1940 года Берлин предпринял ряд акций, осложнивших советско-германские отношения. В Финляндии высадились германские войска, в Румынию прибыла германская военная миссия. Берлин оказывал нажим на Болгарию. Сроки поставок немецкого оборудования Советскому Союзу систематически срывались. Важно было прощупать подлинные намерения Гитлера, и это была одна из целей дипломатической миссии, отправившейся в Берлин в ноябре 1940 года по приглашению германского правительства.

На следующее утро в специальном поезде начался обычный трудовой день. Мы были связаны по радио с Москвой и внимательно следили за международными событиями. О поездке советской правительственной делегации в Германию было уже объявлено, и мировая пресса широко комментировала ее.

В вагоне референтов систематизировалась вся информация, готовились краткие сводки для членов делегации.

Машинистки тут же отстукивали их в нескольких экземплярах. У экспертов были свои заботы. Они еще раз просматривали взятую с собой документацию по истории русско-германских и советско-германских отношений, отмечали то, что может понадобиться для подкрепления нашей аргументации при переговорах.

За окном вагона мелькали осенние белорусские леса. В этих краях было еще тепло. Сквозь рваные тучи проглядывало солнце, проблескивала влажная трава. Через равные промежутки в четыреста-пятьсот метров у насыпи появлялась одинокая фигура красноармейца: в руках — винтовка с примкнутым штыком. Железнодорожное полотно по маршруту нашего поезда специально охранялось. Но лишь немногие из этих часовых стояли по стойке «смирно». Большей частью они сидели на пеньках, покуривая, или, раскинув шинель на траве, лежали, жуя соломинку и с любопытством поглядывая на мчавшийся мимо них состав с необычными вагонами...

ИНЦИДЕНТ В ЭЙДКУНЕНЕ

Ночью поезд подошел к границе и, миновав ничейную зону, остановился. Смолк стук колес, и за окном раздался выкрик: «Bahnhof Eidkunen!» — «Вокзал Эйдкунен!». Некоторое время было совсем тихо. Потом мимо вагона быстро протопали кованые сапоги, и в отдалении послышались возбужденные голоса. О чем-то шел спор, но слов нельзя было разобрать. Я вышел на платформу и сразу же окунулся в кромешный мрак: здесь уже действовали строгие правила затемнения. Постепенно глаза привыкли, и я пошел в ту сторону, откуда раздавались голоса. В группе споривших оказался начальник нашего состава. Он что-то втолковывал немецкому офицеру в длинном кожаном пальто. Переводчик офицера — щупленький человечек в штатском — с трудом изъяснялся по-русски, и я предложил свои услуги.

Оказалось, что немцы приготовили в Эйдкунене свой состав и предлагали всем нам в него пересесть. Начальник нашего поезда возражал: он имел инструкцию доставить делегацию в советских вагонах до самого Берлина и на границе уже произвел замену тележек. Немцы не соглашались, ссылаясь на то, что габариты наших вагонов не соответствуют стандартам германской железной доро-

ги. В этом не было никакого резона, поскольку наш состав сформировали из вагонов западноевропейского типа. Но немцы упирались, и в конце концов было решено отцепить один вагон и пропустить его через специальное приспособление, измеряющее габариты. Подогнали маневровый паровоз, защелкали стрелки. Мы вскочили на подножку вагона, который медленно покатился по какой-то боковой ветке в темноту ночи. Вот и трапеция, под которой должен пройти вагон, не задев ни одного из свисающих с нее шариков. Но один шарик слегка тронул крышу вагона. Немецкий офицер ликовал:

— Вот видите, ваш состав не пройдет. Придется всем пересесть в немецкие вагоны...

Однако у нашего начальника поезда оказался в запасе еще один аргумент: салон-вагон, в котором ехали члены советской делегации, был намного меньше других вагонов. В этом можно было убедиться невооруженным глазом. Видя, что руководство делегации пересадить в немецкий поезд не удастся, гитлеровцы отступили. В конце концов порешили прицепить к нашему составу два немецких салон-вагона.

Немецкие вагоны оказались весьма комфортабельными: одноместные спальные купе, ресторан с отличным баром, радиофицированные салоны. Не были забыты даже букеты свежих роз. Но, разумеется, не забота о нашем удобстве руководила гитлеровцами, когда они так упорно настаивали на своем. Несомненно, этот состав располагал не только пивным баром, но и специальной аппаратурой для подслушивания. Под утро двинулись дальше. Поезд шел с непривычной тогда для нас скоростью. Слышно было, как протяжно воет ветер. Когда рассвело, стало видно, что вдоль железнодорожной насыпи выстроены солдаты вермахта. Они стояли спиной к поезду, широко расставив ноги и держа автоматы на перевязи. Восходящее солнце зловеще поблескивало на стальных шлемах.

Постояв у окна, я отправился в бар немецкого вагона-ресторана коротать время за кружкой баварского пива.

ОТЕЛЬ БЕЛЬВЮ

Утром 12 ноября поезд подошел к Ангальтскому вокзалу Берлина. Моросил дождь. На перроне среди встречавших находились министр иностранных дел Риббентроп и

фельдмаршал Кейтель. Они поздоровались с советскими представителями. Риббентроп произнес несколько слов о том, что он рад от имени фюрера и от себя лично приветствовать советскую правительственную делегацию в столице третьего рейха. Затем все двинулись по крытому перрону к зданию вокзала. В первом же помещении у стены были укреплены советский и германский флаги, под которыми стояла большая задрапированная в розовую ткань корзина цветов. И флаги, и цветы подсвечивались небольшим прожектором.

Выйдя на привокзальную площадь, мы увидели, что дождь усилился. На асфальте стояли лужи. Косматые серые тучи нависли так низко, что, казалось, задевают крыши домов. Вслед за весьма сдержанными взаимными приветствиями перед собравшимися, шлепая по воде, продефилировала рота почетного караула. Заиграл оркестр. Стало как-то особенно тихо, когда исполнялся гимн Советского Союза. Пожалуй, впервые с 1933 года, с момента прихода Гитлера к власти, в Берлине громко звучал «Интернационал». За исполнение этой боевой песни пролетариата гестапо бросало людей в лагеря смерти, а тут, на площади Ангальтского вокзала, под звуки гимна коммунистов стояли навытяжку германские генералы и высшие чины нацистского рейха! И еще одна деталь врезалась в память: справа высился кирпичный корпус какого-то предприятия, и из его окон рабочие махали нам красными платками и косынками...

По окончании официальной церемонии все разместились в черных «мерседесах», и кортеж, сопровождаемый мотоциклистами в стальных шлемах, помчался по немноголюдным улицам города к отелю Бельвю, где остановилась советская делегация. Это был старинный дворец, предназначенный для гостей германского правительства. Здание, построенное в конце XIX века и принадлежавшее некогда семье кайзера, окружал тенистый парк с раскидистыми деревьями и экзотическими растениями. К подъезду вела длинная аллея, обсаженная липами. Парадные залы поражали помпезностью. По всем комнатам разливался тонкий аромат роз — в каждом углу в высоких фарфоровых вазах стояли огромные букеты. Стены украшали гобелены и картины в тяжелых золотых рамах. В вычурных горках красовались статуэтки и посуда из тонкого фарфора. Возможно, сюда уже попало кое-что из сокровищ, награбленных гит-

леровцами в оккупированных странах. Старинная мебель, лакеи и официанты в расшитых золотом ливреях — все это настраивало на торжественный лад.

Нас разместили на втором этаже, где находились гостевые номера с ванными. Мне досталась скромно обставленная небольшая комната с деревянной кроватью, простым письменным столом и стенным шкафом. Единственным украшением была висевшая на стене гравюра Дюрера.

Наскоро побрившись и переодевшись, я спустился в парадные залы. В большой столовой, отделанной темным дубом, было накрыто несколько круглых столов. Церемониал завтрака во всех деталях продумали заранее. Каждый гость имел свое место. Его надо было найти по лежавшей у прибора карточке с фамилией. Когда все расселись, официанты в белых перчатках стали неторопливо разносить закуску, вина, кофе, сладкое. Всем заправлял высокий седой метрдотель, грудь которого украшала тяжелая золотая цепь с огромной медалью. Он не произносил ни слова, а как бы дирижировал официантами едва заметным жестом или взглядом. В конце завтрака подали сигары и коньяк.

Встав из-за стола, советские делегаты в сопровождении экспертов сразу же отправились в имперскую канцелярию, где должна была состояться первая встреча с Гитлером. Переводить и протоколировать эту беседу было поручено В. Н. Павлову — в то время первому секретарю нашего посольства в Берлине — и мне.

Вереница черных лимузинов, экскортируемых мотоциклистами, выехала из усадьбы на Шарлотенбургское шоссе, миновала Бранденбургские ворота и, свернув на Вильгельмштрассе, помчалась дальше. Здесь публики было побольше. В некоторых местах берлинцы заполнили весь тротуар. Они молча разглядывали красный флажок с золотым серпом и молотом, укрепленный на радиаторе первого лимузина. Кое-кто несмело махал рукой.

В ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Сбавив скорость, машины въехали во внутренний двор новой имперской канцелярии. Это здание, выстроенное в «нацистском» стиле, представлявшем собой смесь классики, готики и древних тевтонских символов, выглядело от-

нюдь не привлекательно. Квадратный мрачный двор походил скорее на плац казармы или тюрьмы. Он был обрамлен высокими колоннами из темно-серого мрамора и устлан такими же серыми гранитными плитами. Распростертые орлы со свастикой в лапах, нависший над колоннами гладкий портик, застывшие фигуры часовых в серо-зеленых шлемах — все это производило какое-то зловещее впечатление.

Высокие, украшенные бронзой двери вели в просторный вестибюль, а дальше открывалась анфилада тускло освещенных комнат и переходов без окон. Вдоль стен шпалерами стояли люди в разнообразной форме. Словно автоматы, они выбрасывали вверх правую руку в нацистском приветствии и гулко щелкали каблуками. У входа нас встретил статс-секретарь Отто Мейснер. Он повел нас дальним путем, чтобы произвести впечатление всем этим декорумом.

Наконец мы очутились в круглом, ярко освещенном вестибюле. В центре стоял стол с прохладительными напитками и закусками. Вдоль стен — длинные диваны. Тут находились немецкие чиновники, эксперты, офицеры охраны. Между ними бесшумно двигались официанты. Здесь же остались и эксперты нашей делегации. В примыкавший к круглому залу кабинет Гитлера прошли только глава советской делегации В. М. Молотов, его заместитель и переводчики.

Этот момент гитлеровцы обставили со всей присущей им дешевой театральностью: два высоких перетянутых в талии ремнями белокурых эсэсовца в черной форме с черепами на фуражках щелкнули каблуками и хорошо отработанным жестом распахнули высокие, уходящие почти до потолка двери. Затем, став спиной к косяку двери и подняв правую руку, они как бы образовали живую арку, под которой мы должны были пройти в кабинет Гитлера.

Это было огромное помещение, походившее скорее на банкетный зал, чем на кабинет. Стены украшали гигантские гобелены. Центральную часть закрывал толстый ковер. Справа от входа располагалась как бы гостиная — низкий стол, диван, несколько кресел. Слева, в противоположном конце зала, стоял громадный полированный письменный стол. В углу на массивной подставке из черного дерева был укреплен большой глобус.

ВСТРЕЧА С ГИТЛЕРОМ

Гитлер сидел за письменным столом, и в этом огромном зале его небольшая фигура в гимнастерке зеленовато-мышиного цвета была едва заметна. Рукав его гимнастерки охватывала красная повязка с черной свастикой на круглом просвете. На груди красовался железный крест.

Раньше я уже видел Гитлера — на парадах и митингах. Теперь же мог рассмотреть его поближе. Когда мы вошли, фюрер молча посмотрел на нас, затем резко поднялся и быстрыми мелкими шагами вышел на середину комнаты. Здесь он остановился, поднял руку в фашистском салюте, как-то неестественно загнув при этом ладонь. Не произнося по-прежнему ни слова, он подошел к нам вплотную, поздоровался со всеми за руку. Его холодная влажная ладонь напоминала прикосновение лягушки. Здороваясь, он как бы сверлил каждого буравчиками лихорадочно горевших зрачков. Над коротко подстриженными усиками нелепо торчал острый угреватый нос.

Сказав несколько слов о том, что он рад приветствовать советскую делегацию в Берлине, Гитлер предложил расположиться за столом, в той части кабинета, которая представляла собой гостиную. В это время в противоположном углу комнаты из-за драпировки, видимо, скрывавшей еще один вход, появился министр иностранных дел Риббентроп. За ним шли личный переводчик Гитлера Шмидт и хорошо знавший русский язык советник германского посольства в Москве Хильгер. Все расположились вокруг стола на диване и в креслах, обтянутых пестрой тканью.

Гитлер предложил Молотову занять место на диване, а сам опустился в кресло по другую сторону стола. По правую руку от него сидел Хильгер, далее Риббентроп и, наконец, Шмидт, сразу же по-деловому разложивший на коленях большую жесткую папку, обтянутую темно-синей кожей. На диване, слева от Молотова, сидел его заместитель, справа — я, а в кресле, между мной и Гитлером, — Павлов.

Беседа началась с длинного монолога Гитлера. Возможно, у него даже был приготовлен какой-то текст, но он им не пользовался. Речь его текла гладко, без заминок. Подобно актеру, отлично знающему роль, он четко произносил фразу за фразой, делая паузы для перевода.

С немецкой стороны роль переводчика выполнял Хильгер. Он много лет провел в Советском Союзе, русский знал не хуже своего родного языка. Он даже внешне походил на русского. Когда по воскресеньям в косоворотке и соломенной шляпе, с пенсне на носу он рыбачил где-нибудь под Москвой на Клязьме, прохожие принимали его за «чеховского» интеллигента. Хильгер даже хвастал, что, беседуя с другими рыбаками, нередко добывал интересную информацию. Теперь он сидел затянутый в черную парадную форму германского министерства иностранных дел и выглядел так, словно проглотил аршин. Рядом с ним, держа на коленях блокнот, переводчик Шмидт вел запись беседы. Отлично владея несколькими западноевропейскими языками, он не знал русского и поэтому теперь ограничился ролью протоколиста. Мы с Павловым поочередно переводили и записывали выступления участников переговоров.

Смысл рассуждений Гитлера сводился к тому, что Англия уже разбита и что ее окончательная капитуляция — лишь вопрос времени. Скоро, уверял Гитлер, Англия будет уничтожена с воздуха. Затем он сделал краткий обзор военной ситуации, подчеркнув, что германская империя уже сейчас контролирует всю Западную Европу. Вместе с итальянскими союзниками, продолжал фюрер, германские войска ведут успешные операции в Африке, откуда англичане вскоре будут окончательно вытеснены. Из всего сказанного, заключил Гитлер, можно сделать вывод, что победа держав оси предрешена. Поэтому, мол, настало время подумать об организации мира после победы.

Тут Гитлер стал развивать такую идею: в связи с неизбежным крахом Великобритании останется ее «бесконтрольное наследство»— разбросанные по всему земному шару осколки империи. Надо распорядиться этим имуществом. Германское правительство, заявил фюрер, уже обменивалось мнениями с правительствами Италии и Японии и теперь хотело бы узнать соображения Советского правительства. Более конкретные предложения на этот счет он намерен сделать в дальнейшем.

Когда Гитлер заговорил о «разделе британского наследства», Риббентроп стал одобрительно кивать головой и делать какие-то пометки в своем блокноте. Вообще же он сидел почти неподвижно, скрестив руки на груди и

глядя на Гитлера. Лишь изредка он клал обе руки на стол, слегка постукивая по нему пальцами, а потом, обведя всех ничего не говорившим взглядом, снова принимал прежнюю позу.

Переводчик Шмидт, владевший стенографией, быстро рисовал значки на больших линованных листах бумаги, зажатых специальной прищепкой. Мы с Павловым тогда еще не изучили стенографию, но каждый из нас имел свой опыт быстрой записи. Для этого мы пользовались нами же придуманным шифром. Этот приём, хотя и примитивный, давал возможность с большой точностью воспроизводить текст беседы, особенно, если расшифровка делалась сразу же.

Когда Гитлер окончил речь, которая вместе с переводом заняла около часа, слово взял Молотов. Не вдаваясь в обсуждение предложений Гитлера, он заметил, что следовало бы обсудить более конкретные практические вопросы. В частности, не разъяснит ли рейхсканцлер, что делает германская военная миссия в Румынии и почему она направлена туда без консультации с Советским правительством? Ведь заключенный в 1939 году советско-германский пакт о ненападении предусматривает консультации по важным вопросам, затрагивающим интересы каждой из сторон. Советское правительство также интересует вопрос о том, для каких целей направлены германские войска в Финляндию? Почему и этот серьезный шаг предпринят без консультации с Москвой?

Эти вопросы подействовали на Гитлера, как холодный душ. Несмотря на актерские способности, фюреру не удалось скрыть растерянности. Скороговоркой он объявил, что немецкая военная миссия направлена в Румынию по просьбе правительства Антонеску для обучения румынских войск. Что касается Финляндии, то там германские части вообще не собираются задерживаться: они лишь переправляются через территорию этой страны в Норвегию.

Однако это объяснение не удовлетворило советскую делегацию. У Советского правительства, заявил Молотов, на основании сообщений его представителей в Финляндии и Румынии создалось совсем иное впечатление. Войска, высадившиеся на южном побережье Финляндии, никуда дальше не двигаются и, видимо, собираются надолго задержаться в этой стране. В Румынии дело также не огра-

ничилось одной лишь военной миссией. Туда прибывают все новые германские воинские части. Их уже слишком много для одной миссии. Какова же цель этих перебросок германских войск? В Москве подобные мероприятия не могут не вызвать беспокойства, и германское правительство должно дать четкий ответ на эти вопросы.

Тут Гитлер предпринял испытанный дипломатический маневр: сослался на свою неосведомленность. Пообещав поинтересоваться вопросами, поставленными советской стороной, Гитлер заявил, что считает все эти дела второстепенными. Сейчас, сказал он, возвращаясь к своей первоначальной теме, настало время обсудить проблемы, вытекающие из скорой победы держав оси.

Затем Гитлер стал снова развивать свой фантастический план раздела мира. Англия, уверял он, в ближайшие месяцы будет разбита и оккупирована германскими войсками, а Соединенные Штаты еще многие годы не смогут представлять угрозы для «новой Европы». Поэтому пора подумать о создании нового порядка на всем земном шаре. Что касается германского и итальянского правительств, продолжал фюрер, то они уже наметили сферу своих интересов. В нее входят Европа и Африка. Японию интересуют районы Восточной Азии. Исходя из этого, пояснил далее Гитлер, Советский Союз мог бы проявить заинтересованность к югу от своей государственной границы в направлении Индийского океана. Это открыло бы Советскому Союзу доступ к незамерзающим портам. . .

Здесь советский делегат перебил Гитлера, заметив, что он не видит смысла обсуждать подобного рода комбинации. Советское правительство заинтересовано в обеспечении спокойствия и безопасности тех районов, которые непосредственно примыкают к границам Советского Союза.

Гитлер, никак не реагируя на это замечание, снова стал излагать свой план раздела британского «бесконтрольного наследства». Беседа стала приобретать какой-то странный характер, немцы словно не слышали, что им говорят. Советский представитель настаивал на обсуждении конкретных вопросов, связанных с безопасностью Советского Союза и других независимых европейских государств, и требовал от германского правительства разъяснения его последних акций, угрожающих самостоятельности стран, непосредственно граничащих с советской

территорией. А Гитлер вновь и вновь пытался перевести разговор на выдвинутые им проекты передела мира, всячески стараясь связать Советское правительство участием в обсуждении этих сумасбродных планов.

Беседа длилась уже два с половиной часа. Вдруг Гитлер посмотрел на часы и, сославшись на возможность воздушной тревоги, предложил перенести переговоры на следующий день.

Все поднялись со своих мест. Риббентроп спросил, нет ли возражений против того, чтобы пригласить прессу. Никто не возражал. Шмидт вскочил из-за стола, подошел к двери, высунул голову в вестибюль и что-то сказал. Кабинет тут же заполнился людьми с фотокамерами и киноаппаратами. Среди них был и фотокорреспондент «Правды» М. М. Калашников. По просьбе репортеров все участники переговоров снова заняли места за столом, и их стали фотографировать с разных точек. Затем было сделано несколько групповых снимков. Вероятно, все это продолжалось бы без конца, если бы Риббентроп не предложил репортерам покинуть кабинет.

Гитлер пожелал советским представителям хорошо провести время в Берлине. Молотов напомнил, что вечером в посольстве будет прием, и пригласил Гитлера. Тот неопределенно ответил, что постарается прийти. Попрощавшись, мы покинули кабинет Гитлера. Нас снова провели через анфиладу залов во внутренний двор имперской канцелярии.

На город уже спустились ранние осенние сумерки. Дул пронизывающий ветер, улицы опустели. Черные «мерседесы» быстро доставили нас во дворец Бельвю. Там за опущенными тяжелыми шторами ярко горел свет, было тепло, и воздух был напоен ароматом новой партии свежесрезанных роз. Сразу же был составлен отчет о состоявшейся беседе. Его зашифровали и отправили телеграфом в Москву.

Вечером в особняке посольства СССР на Унтер ден Линден был устроен большой прием по случаю пребывания в Берлин советской правительственной делегации. В мраморном зале стоял стол в виде огромной буквы «П». Его украшали яркие гвоздики и старинное серебро. Был извлечен сервиз на 500 персон, с незапамятных времен хранившийся в посольстве для особо торжественных случаев. Гитлер не явился на прием, из этого делали вывод,

что он «недоволен» ходом переговоров. Зато присутствовали многие другие высокопоставленные нацисты во главе с рейхсмаршалом Герингом. Его грузная фигура, напоминавшая огромного разукрашенного павлина, привлекала всеобщее внимание. Пристрастие Геринга к мишуре, показной роскоши и театральности было поистине невероятным. Получив чин рейхсмаршала — единственный в третьем рейхе—он придумал для себя специальную форму из серебряной ткани. От плеч и по пояс его грудь украшали ордена, медали и пестрые ленты, как и чемпиона-тяжеловеса. На каждом пальце его рук красовалось по нескольку колец с драгоценными камнями и брильянтами. Рассказывали, что дома он любил одеваться в римскую тогу и носил сандалии, украшенные брильянтами. Его многочисленные виллы поражали своей роскошью.

Экстравагантность Геринга придавала ему своеобразную «респектабельность» в глазах западных политиков. Его считали «спортсменом» и «человеком света», что облегчало Чемберлену и другим мюнхенцам распространять на Западе перед войной версию о том, будто в нацизме есть нечто «порядочное».

Между тем Геринг был одним из подлейших нацистских преступников. Наркоман и психически неуравновешенный человек, он до прихода Гитлера к власти провел несколько лет в сумасшедшем доме. Когда же нацистский переворот вознес его на вершину власти, Геринг дал волю своим причудам и низменным страстям. Именно он был создателем концентрационных лагерей в первые годы нацистского рейха. Уже позднее их передали в ведение Гиммлера. Инициатива использования иностранных рабочих в качестве рабов на немецких предприятиях также принадлежала Герингу...

На приеме в посольстве присутствовал также Рудольф Гесс, считавшийся третьим человеком в рейхе после Гитлера и Геринга (в начале войны Гитлер объявил, что в случае его гибели первым наследником становится Геринг, а если и он погибнет, то фюрером должен быть Гесс).

Едва были произнесены первые тосты, как послышался рев сирен. Воздушная тревога возвещала о приближении к Берлину английских бомбардировщиков.

В здании посольства не было убежища, и гости стали поспешно тесниться к выходу. Первыми покинули посольство высокопоставленные нацисты. Прощаясь с советскими

представителями, Геринг, несмотря на весь свой апломб, явно испытывал неловкость. Ведь он столько раз хвастал, что находящаяся под его началом «люфтваффе» сотрет Англию с лица земли. Между тем английская авиация все чаще подвергала бомбежке Германию. А нынешний налет на Берлин был особенно неприятен нацистским заправилам, поскольку они всячески пытались создать впечатление, будто с Англией покончено.

В сопровождении своих адъютантов Геринг, Гесс и Риббентроп второпях спустились по широкой мраморной лестнице к посольскому подъезду, где их ожидали черные «мерседесы». Когда они укатили, ушли и другие гости. Большинство из них, пройдя по Унтер ден Линден до Бранденбургских ворот, укрылись в метро.

Советская делегация возвратилась во дворец Бельвю, где в подвалах было оборудовано комфортабельное бомбоубежище. Здесь, так же как в залах дворца, на стенах висели дорогие картины и гобелены. Официанты подавали прохладительные напитки. Через два часа послышался сигнал отбоя, и все разошлись по своим комнатам.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ

На следующий день — это было 13 ноября — состоялась вторая встреча с Гитлером. К тому времени из Москвы уже поступила шифрованная депеша. Отчет о вчерашней беседе был рассмотрен, и делегация получила инструкции на дальнейшее. Советское правительство со всей категоричностью отвергло германское предложение, отклонив попытку Гитлера втянуть нас в дискуссию по поводу раздела «британского имущества». При этом вновь подтверждалось указание настаивать на том, чтобы германское правительство дало разъяснение по вопросам, связанным с проблемой европейской безопасности, и по другим вопросам, непосредственно затрагивающим интересы Советского Союза.

На этот раз беседа с Гитлером длилась почти три часа, причем порой принимала весьма острый характер.

Когда после взаимных приветствий все расселись за столом в кабинете рейхсканцлера, слово взял советский представитель. В соответствии с указаниями, полученными из Москвы, он изложил позицию Советского правительства, а затем перешел к вопросу о пребывании германских

войск в Финляндии. Советское правительство, сказал он, настаивает на том, чтобы ему были сообщены истинные цели посылки германских войск в страну, непосредственно граничащую с таким крупным промышленным и культурным центром, как Ленинград. Что означает фактическая оккупация Финляндии германскими войсками? По имеющимся у советской стороны данным, немецкие войска не собираются передвигаться оттуда в Норвегию. Напротив, они укрепляют свои позиции вдоль советской границы. Поэтому Советское правительство настаивает на немедленном выводе германских войск из Финляндии.

Теперь, спустя сутки после того как этот вопрос был перед ним впервые поставлен, Гитлер уже не мог отговориться ссылками на неосведомленность. Тем не менее он принялся отрицать факт оккупации Финляндии германскими войсками. Гитлер продолжал голословно утверждать, будто речь идет лишь о транзитной переброске воинских частей в Норвегию. Затем, прибегнув к старому способу, согласно которому лучшая защита — это нападение, Гитлер попытался изобразить дело так, будто бы Советский Союз угрожает Финляндии.

— Конфликт в районе Балтийского моря, — заявил он,— осложнил бы германо-русское сотрудничество...

— Но ведь Советский Союз вовсе не собирается нарушать мир в этом районе и ничем не угрожает Финляндии, — возразил советский представитель. — Мы заинтересованы в том, чтобы обеспечить мир и подлинную безопасность в данном районе. Германское правительство должно учесть это обстоятельство, если оно заинтересовано в нормальном развитии советско-германских отношений.

Гитлер уклонился от прямого ответа и вновь повторил, что предпринимаемые меры направлены на обеспечение безопасности в Норвегии и что конфликт в районе Балтики повлек бы за собой «далеко идущие последствия». Здесь уже звучала прямая угроза, которую нельзя было оставлять без ответа.

— Похоже, что такая позиция вносит в переговоры новый момент, который может серьезно осложнить обстановку, — заявил Молотов.

Тем самым Гитлеру было дано понять, что Советский Союз намерен и дальше настаивать на своем требовании о выводе из Финляндии германских войск.

Были веские основания ставить этот вопрос с такой настойчивостью. Правящие круги Финляндии в то время откровенно заявляли, что считают мир, заключенный с Советским Союзом в марте 1940 года, лишь «перемирием» передышкой, которую, дескать, следует использовать для подготовки к новой войне против Советской страны, причем на этот раз уже совместно с гитлеровской Германией.

В октябре 1940 года правительство Рюти-Таннера заключило с Берлином соглашение о размещении германских войск на финляндской территории. В это же время в Финляндии начала осуществляться кампания по вербовке шюцкоровцев. Их отправляли в Германию, где в дальнейшем предполагалось сформировать так называемый «финский эсэсовский батальон».

Все эти приготовления давали основание считать, что Гитлер при пособничестве тогдашних правителей Финляндии хочет использовать эту страну в качестве плацдарма для операций против Советского Союза. Действительно, к моменту нападения гитлеровской Германии на Советский Союз на севере Финляндии была сосредоточена армия в составе четырех немецких и двух финских дивизий. Ее задача заключалась в том, чтобы оккупировать Мурманск. Южнее — от озерной системы Оулуярви до побережья Финского залива — были развернуты Карельская и Юго-Восточная финские армии в составе 15 пехотных дивизий (одна из них немецкая), двух пехотных и одной кавалерийской бригад. Эти армии продвижением к Ленинграду и реке Свирь должны были содействовать немецкой группе армий «Север» в захвате Ленинграда. Когда Гитлер вероломно вторгся в пределы Советского Союза, германские войска вместе с финскими «братьями по оружию» пересекли советскую государственную границу и с территории Финляндии...

Но вернемся к переговорам в имперской канцелярии. Дискуссия вокруг германских войск, размещенных в Финляндии, накалила атмосферу, что никак не входило в расчеты гитлеровцев. Риббентроп, считая, видимо, нужным както разрядить обстановку, несколько раз порывался вставить слово, но не решался перебить Гитлера. Он то и дело привставал с кресла, чтобы обратить на себя внимание. Наконец Гитлер заметил беспокойство рейхсминистра и сделал жест рукой, как бы приглашая его включиться в беседу.

— Разрешите, мой фюрер, высказать соображения на этот счет,— начал Риббентроп.

Гитлер утвердительно кивнул и, вынув из кармана черных брюк большой платок, провел им по верхней губе. Риббентроп продолжал:

— Собственно, нет оснований делать из финского вопроса проблему. По-видимому, здесь произошло какое-то недоразумение.

Гитлер воспользовался этим замечанием и быстро переменил тему. Он предпринял еще одну попытку вовлечь советскую делегацию в дискуссию о разделе сфер влияния.

— Давайте лучше обратимся к кардинальным проблемам современности, — сказал он примирительным тоном.— После того как Англия потерпит поражение, Британская империя превратится в гигантский аукцион площадью в 40 миллионов квадратных километров. Здесь для России открывается путь к действительно теплому океану. До сих пор меньшинство в 40 миллионов англичан управляло 600 миллионами жителей империи. Надо покончить с этой исторической несправедливостью. Государствам, которые могли бы проявить интерес к этому имуществу несостоятельного должника, не следует конфликтовать друг с другом по мелким, несущественным вопросам. Нужно без отлагательства заняться проблемой раздела Британской империи. Тут речь может идти прежде всего о Германии, Италии, Японии, России...

Советский представитель заметил, что все это он слышал вчера, что в нынешней обстановке гораздо важнее обсудить вопросы, ближе стоящие к проблемам европейской безопасности. Помимо вопроса о германских войсках в Финляндии, на который Советское правительство попрежнему ждет ответа, нам хотелось бы знать о планах германского правительства в отношении Турции, Болгарии и Румынии. Советское правительство считает, что германо-итальянские гарантии, предоставленные недавно Румынии, направлены против интересов СССР. Эти гарантии должны быть аннулированы.

Гитлер тут же заявил, что это требование невыполнимо. Тогда Молотов поставил такой вопрос:

— Что сказала бы Германия, если Советский Союз, учитывая свою заинтересованность в безопасности района, прилегающего к его юго-западным границам, дал бы га-

рантии Болгарии, подобно тому, как Германия и Италия дали гарантии Румынии?

Это замечание вывело Гитлера из равновесия. Он визгливо прокричал:

— Разве царь Борис просил Москву о гарантиях? Мне ничего об этом не известно. И вообще об этом я должен посоветоваться с дуче. Италия тоже заинтересована в делах этой части Европы. Если бы Германии понадобилось искать повод для трений с Россией, то ей для этого можно было бы найти такой повод в любом районе, — угрожающе добавил Гитлер.

Советский представитель спокойно возразил, что долг каждого государства — заботиться о безопасности своего народа так же, как и о безопасности соседних дружественных стран. Именно из этого исходит Советское правительство в своей внешней политике, будучи, в частности, обеспокоено и тем, чтобы связанная историческими узами с нашей страной Болгария сохранила свою самостоятельность и не была бы втянута в опасный конфликт. Тем самым советский представитель недвусмысленно давал понять Гитлеру, что Советское правительство выступает в защиту Болгарии от уже нависшей над ней тогда угрозы фашистской оккупации.

Затем советский делегат перешел к другим вопросам Он сказал, что в Москве весьма недовольны задержкой с поставками важного германского оборудования для Советского Союза. Такая практика тем более недопустима, поскольку советская сторона точно выполняет свои обязательства по советско-германским экономическим соглашениям. Срыв ранее согласованных сроков поставки германских товаров создает серьезные трудности.

Гитлер снова стал изворачиваться. Он заявил, что германский рейх ведет сейчас с Англией борьбу «не на жизнь, а на смерть», что Германия мобилизует все свои ресурсы для этой окончательной схватки с британцами.

— Но мы только что слышали, что Англия фактически уже разбита. Какая же из сторон ведет борьбу на смерть, а какая — на жизнь? — спросил Молотов.

Воцарилась напряженная тишина. Риббентроп заерзал в кресле и с беспокойством посмотрел на Гитлера. Потом перевел сосредоточенный взгляд на свои руки, лежавшие на столе. Пальцы его слегка вздрагивали. Хильгер, весь вытянувшись, замер в кресле. Шмидт перестал писать, но

так и застыл, склоненный к листу бумаги. Видимо, все они ждали истерического взрыва Гитлера. Но тот овладел собой и сделал вид, что не замечает иронии. Однако в его голосе чувствовалось еле сдерживаемое раздражение, когда он ответил:

— Да, это так, Англия разбита, но еще надо кое-что сделать...

Затем Гитлер заявил, что, по его мнению, тема беседы исчерпана и что, поскольку вечером он будет занят другими делами, завершит переговоры рейхсминистр Риббентроп.

После этого Гитлер распрощался со всеми, каждый раз поднимая руку в фашистском приветствии.

Так закончилась последняя встреча советской делегации с Гитлером. Стало ясно, что Гитлер не пожелал считаться с законными интересами Советского Союза, диктовавшимися требованиями его безопасности в Европе. Но о том, что гитлеровское правительство задолго до берлинской встречи приняло решение напасть на Советский Союз и вело практическую подготовку к этому, тогда, конечно, не было известно.

Из секретных архивов германского правительства, а также из дневников высокопоставленных нацистских чиновников и документов Нюрнбергского процесса над гитлеровскими военными преступниками мы теперь знаем, что и после заключения осенью 1939 года советско-германского пакта о ненападении Гитлер продолжал вынашивать планы войны против Советского Союза. Через два месяца после того как был подписан этот пакт, Гитлер дал указание командованию вооруженных сил рассматривать оккупированные Германией польские районы как «плацдарм для будущих германских операций». Об этом имеется соответствующая запись в дневнике Гальдера от 18 октября 1939 года.

23 ноября 1939 года, выступая перед своими генералами с пространной речью о готовящемся походе на Запад, Гитлер коснулся также и операции против Советского Союза. Он заявил: «Мы сможем выступить против России только после того как развяжем себе руки на Западе...»

В то время Гитлер обусловливал начало агрессии против Советского Союза победой на Западе, то есть разгромом Англии. Но война с Советским Союзом была для него делом решенным. Как свидетельствует в сво-

ем дневнике начальник генерального штаба германской армии генерал Иодль, «еще во время похода на Запад Гитлер изложил свое принципиальное решение... напасть на Советский Союз весной 1941 года». 29 июля 1940 года на совещании представителей командования вооруженных сил Гитлер заявил, что намерен выступить против Советского Союза весной 1941 года, причем уже не делал прежних оговорок. Наоборот, он стал склоняться к тому, чтобы напасть на Советский Союз до окончательного разгрома Англии. 31 июля 1940 года в своей резиденции в Бергхофе Гитлер при встрече с представителями вермахта объявил о решении отложить высадку на английских островах. Он заявил:

— Все надежды у Англии на Россию и Америку. Если надежда на Россию отпадает, то отпадает и надежда на Америку, поскольку выход России из строя в огромной степени изменит роль Японии в Восточной Азии. Когда Россия будет разбита, рухнет последняя надежда Англии...

Генерал Гальдер в своем дневнике следующим образом подытожил это совещание. «Постановили: для того чтобы решить проблему, Россия должна быть уничтожена весной 1941 года. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше».

После этого, то есть за три месяца до берлинской встречи, начались тайные приготовления к агрессивному походу против Советского Союза. Угроза, нависшая над Англией, миновала.

Таким образом, уже самый факт существования мощной социалистической державы — Советского Союза — отвратил от Англии опасность германского вторжения. Гитлер решил сперва покончить с Советским Союзом, а потом уничтожить Англию. Но он просчитался. Героическое сопротивление советского народа фашистской агрессии и последующий разгром третьего рейха навсегда похоронили эти планы.

Итак, Гитлер вел двойную игру. Уже приняв решение о нападении на Советский Союз, он вместе с тем, стараясь выиграть время, пытался создать у Советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений.

Видимо, в представлении нацистов, этим же целям должна была послужить и встреча в Берлине, к которой

гитлеровское правительство проявляло большой интерес, начиная с лета 1940 года.

В переписке, которая в те месяцы велась между Берлином и Москвой, немцы делали намеки на то, что было бы неплохо обсудить назревшие вопросы с участием высокопоставленных представителей обеих стран. В одном из немецких писем указывалось, что со времени последнего визита Риббентропа в Москву произошли серьезные изменения в европейской и мировой ситуации, а потому было бы желательно, чтобы полномочная советская делегация прибыла в Берлин для переговоров. В этих условиях Советское правительство, которое неизменно выступало за мирное урегулирование международных проблем, ответило положительно на германскую инициативу о проведении в ноябре 1940 года совещания в Берлине.

В БУНКЕРЕ РИББЕНТРОПА

Вечером того же дня, когда закончились переговоры с Гитлером, состоялась встреча в резиденции Риббентропа на Вильгельмштрассе. Его кабинет, значительно меньший чем у Гитлера, был обставлен с роскошью. Узорчатый паркетный пол так блестел, что в нем, словно в зеркале, отражались все предметы. На стенах висели старинные картины, окна обрамляли портьеры из дорогой гобеленовой ткани, вдоль стен на подставках стояли статуэтки из бронзы и фарфора.

Державшийся в присутствии Гитлера в тени Риббентроп вел себя теперь совсем по-иному. Он разыгрывал вельможу-аристократа, но манеры его были скорее развязными, нежели величественными. Его окружала многочисленная свита и фоторепортеры, перед которыми он охотно позировал. Во время взаимных приветствий и общей беседы, длившейся несколько минут, Риббентроп стоял посреди комнаты, вытянувшись во весь рост, со скрещенными на груди руками и нагло задранной головой. Наконец он сказал, обращаясь к свите и репортерам:

— Господа, вам придется нас покинуть. Нам предстоят еще важные дела. Надеюсь, вы нас извините...

Все быстро откланялись и вышли из кабинета.

Риббентроп пригласил участников беседы к стоявшему в углу кабинета круглому столу, украшенному брон-

зовыми фигурками и греческим орнаментом, и, когда все расселись, заявил, что в соответствии с пожеланием фюрера было бы целесообразно подвести итоги переговоров и договориться о чем-то в «принципе». Затем он вынул из нагрудного кармана своего серо-зеленого кителя сложенную в четверть листа бумажку и, медленно развернув ее, сказал:

— Здесь набросаны некоторые предложения германского правительства...

Держа листок перед собой, Риббентроп зачитал эти предложения. Смысл их сводился все к тем же хвастливым рассуждениям о неизбежном крахе Великобритании и к тому, что теперь, дескать, настало время подумать о дальнейшем переустройстве мира. В связи с этим германское правительство предлагало, чтобы Советский Союз присоединился к пакту трех, заключенному между Германией, Италией и Японией. При этом Германия, Италия, Япония и Советский Союз должны дать обязательство взаимно уважать интересы друг друга. Все четыре державы должны также дать обязательство не поддерживать никаких группировок держав, направленных против одной из четырех стран. В дальнейшем участники пакта, с учетом взаимных интересов, должны будут решить вопрос об окончательном устройстве мира...

Советский делегат, выслушав это заявление, сказал, что нет смысла возобновлять дискуссии на эту тему. Но нельзя ли получить зачитанный текст? Риббентроп ответил, что у него только один экземпляр, что он не имел в виду передавать эти предложения в письменном виде, и поспешно спрятал бумажку в карман.

Неожиданно завыл сигнал воздушной тревоги. Все переглянулись, наступило молчание. Где-то поблизости раздался глухой удар, в высоких окнах кабинета задрожали стекла.

— Оставаться здесь небезопасно,— сказал Риббентроп.— Давайте спустимся вниз, в мой бункер. Там будет спокойнее...

Мы вышли из кабинета и по длинному коридору дошли до витой лестницы, по которой спустились в подвал. У входа в бункер стоял часовой-эсэсовец. Он открыл перед нами тяжелую дверь и, когда все участники переговоров вошли в убежище, плотно закрыл и запер дверь изнутри.

В одном из помещений был оборудован подземный кабинет Риббентропа. На полированном письменном столе находилось несколько телефонных аппаратов. В стороне стояли круглый столик и глубокие мягкие кресла.

Когда беседа возобновилась, Риббентроп снова стал распространяться о необходимости изучить вопрос о разделе сфер мирового влияния. Есть все основания считать, добавил он, что Англия фактически уже разбита. На это Молотов возразил:

— Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышатся даже здесь?

Риббентроп смутился и промолчал. Чувствуя неловкость положения, он вызвал адъютанта и велел принести кофе. Когда официант, поставив на стол кофейный прибор и разлив кофе, ушел, советский делегат поинтересовался, скоро ли можно ожидать разъяснения относительно целей пребывания германских войск в Румынии и Финляндии.

Риббентроп, не скрывая раздражения, ответил, что если Советское правительство продолжают интересовать эти, как он выразился, «несущественные вопросы», то их следует обсудить, используя обычные дипломатические каналы.

Снова воцарилось молчание. Все вопросы были исчерпаны, но приходилось оставаться в бункере: английские самолеты продолжали массированный налет на Берлин. Вновь и вновь слышались глухие удары разрывавшихся поблизости бомб. Подали сухое вино, и разговор перешел на общие темы. Риббентроп начал рассказывать о своих винных заводах, расспрашивая о марках вин, выпускаемых в Советском Союзе. Время тянулось медленно. Только глубокой ночью, после отбоя, мы смогли вернуться во дворец Бельвю.

Наутро советская делегация покидала Берлин. На привокзальной площади вновь был выстроен почетный караул. Но из высокопоставленных лиц на проводах присутствовал только Риббентроп. У перрона стоял советский железнодорожный состав. К нему прицепили два немецких вагона — ресторан и салон, в котором разместились представители протокольного отдела германского министерства иностранных дел, сопровождавшие советскую делегацию до границы.

ТАЙНЫЕ ЦЕЛИ НАЦИСТОВ

Каков был смысл разглагольствований Гитлера и Риббентропа насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским Союзом? Действительно ли германское правительство исходило тогда из предпосылки, что между Германией и Советским Союзом на протяжении длительного периода не возникнет конфликта? Могло ли быть, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его книге «Майн кампф»? Конечно, нет.

Гитлер рассматривал совещание в Берлине лишь как очередной отвлекающий момент. Об этом говорит, в частности, секретное распоряжение № 18, которое он издал 12 ноября 1940 года, то есть в день прибытия в Берлин советской правительственной делегации. В этом распоряжении говорилось: «Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начались. Независимо от того, какой будет исход этих переговоров, следует продолжать все уже предусмотренные ранее приготовления для Востока. Дальнейшие указания на этот счет последуют, как только мною будут утверждены основные положения операционного плана».

О каких «приготовлениях для Востока» шла речь, мы уже знаем.

Что касается Советского Союза, то его цель была ясна. Советское правительство, последовательно проводящее политику мира, стремилось предотвратить войну или по крайней мере как можно дальше оттянуть столкновение с гитлеровской Германией. Речь шла о том, чтобы еще на какой-то срок сохранить мирную жизнь для советского народа, получить дополнительное время для укрепления экономической и военной мощи социалистического отечества мирового пролетариата. К тому же в то время тайные намерения Гитлера не были ясны, и в Москве исходили из следующего: нужно попытаться хоть на какое-то время навязать Германии мир, не дать Гитлеру повода для оправдания антисоветской агрессии. Видимо, играло роль и то, что Сталин верил в подпись Риббентропа под пактом о ненападении. Это может казаться удивительным, но он почему-то считал, что Гитлер не решится начать войну.

Советское правительство продолжало поддерживать

дипломатический контакт с германским правительством и зондировать его намерения. 26 ноября 1940 года, то есть менее чем через две недели после берлинской встречи, германскому послу в Москве Шуленбургу было сообщено, что для продолжения переговоров, начатых в Берлине, германская сторона должна обеспечить выполнение ряда условий, в частности:

— немецкие войска должны немедленно покинуть Финляндию;

— в ближайшие месяцы должна быть обеспечена безопасность Советского Союза путем заключения пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией.

Шуленбург обещал немедленно передать советское заявление своему правительству. Но ответа из Берлина не поступило. Уже тогда это молчание казалось многозначительным. Теперь мы знаем его причину. Ознакомившись с советскими требованиями, Гитлер отверг их и вплотную занялся подготовкой агрессии против нашей страны. В дневнике генерала Гальдера воспроизводятся следующие слова Гитлера, сказанные по поводу телеграммы Шуленбурга:

— Россию надо поставить на колени как можно скорее...

Гитлер предложил генеральному штабу ускорить представление конкретного плана нападения на Советский Союз. 5 декабря, после длившегося четыре часа совещания с Браухичем и Гальдером, Гитлер утвердил этот план. Тогда он фигурировал под шифром «План Отто». Вскоре это наименование было заменено новым. 18 декабря Гитлер подписал директиву № 21, озаглавленную — «План Барбаросса». Директива эта начиналась следующими словами:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы еще до окончания войны против Англии разбить Советскую Россию в стремительном походе. Для этого армия должна пустить в действие все находящиеся в ее распоряжении соединения за исключением лишь тех, которые необходимы, чтобы оградить оккупированные районы от каких-либо неожиданностей. Приготовления должны быть закончены до 15 мая 1941 года. Особое внимание надо уделить тому, чтобы подготовку этого нападения было невозможно обнаружить».

Вспоминая сейчас ход советско-германских переговоров, состоявшихся в Берлине осенью 1940 года, нельзя не остановиться на тех инсинуациях, которые распространялись, да и сейчас еще появляются в западной прессе по поводу этой встречи. Уверяют, например, будто тогда в Берлине советская сторона выдвигала какие-то «территориальные претензии в направлении Индийского океана», будто Советский Союз был готов в этой связи заключить «новый пакт» с Германией. и так далее. Все это — либо плод досужей фантазии, либо заведомая злобная фальсификация, имеющая целью набросить тень на политику Советского государства.

В действительности берлинская встреча 1940 года рассматривалась советской стороной как возможность прощупать позицию германского правительства, выяснить дальнейшие планы третьего рейха.

Позиция Гитлера на этих переговорах, в частности, его упорное нежелание считаться с естественными интересами безопасности Советского Союза в Восточной Европе, его категорический отказ прекратить фактическую оккупацию Финляндии и Румынии — все это показывало, что, несмотря на все широкие жесты в отношении «глобальных интересов» Советского Союза, Германия практически была занята подготовкой восточно-европейского плацдарма против Советского Союза. Не может быть сомнений, что Гитлер добивался берлинской встречи, стремясь использовать переговоры с советскими представителями для того, чтобы поставить Советское правительство в неблагоприятные условия, которые в дальнейшем связали бы ему руки, предоставив в то же время свободу действий Германии, включая и возможное заключение соглашения с Англией.

Пытаясь навязать советской делегации на берлинской встрече дискуссию о «переустройстве» мира и разделе «британского имущества», Гитлер, видимо, рассчитывал изолировать Советский Союз на мировой арене и нанести ему коварный удар. Но он жестоко просчитался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НОВОГОДНИЙ ВЕЧЕР В ГРУНЕВАЛЬДЕ

Вскоре после возвращения в Москву я был направлен на работу в Наркоминдел референтом по германским проблемам. В это время в советско-германских отношениях наступило заметное затишье. В Москве между советскими представителями и германским послом Шуленбургом не было почти никаких контактов. Время от времени Шуленбург обращался с запросами о могилах немцев в разных районах СССР и других делах, которые могли интересовать скорее всего военную разведку вермахта, уточнявшую данные о театре намечавшихся военных действий. Естественно, что на это «любопытство» с германской стороны давались уклончивые или отрицательные ответы. Ничего существенного не поступало и от нашего посольства в Берлине, если говорить о сфере официальных отношений. В этой сфере господствовал холод.

Между тем из сообщений зарубежной прессы и донесений советских дипломатов было видно, что германское правительство развивает большую активность в вербовке новых союзников и привлечению их к пакту трех держав. Одно за другим следовали сообщения о «торжественном» подписании соответствующих документов. Перед Гитлером склоняли голову реакционные правители Венгрии, Румынии, Болгарии. Берлин торопился укрепить свои позиции в Юго-Восточной Европе.

В последних числах декабря мне предложили отправиться на работу в Берлин первым секретарем посольства. В. Н. Павлов, занимавший этот пост, отзывался в Москву и должен был остаться в центральном аппарате Наркоминдела. Выбор, как мне объяснили, пал на меня, поскольку,

присутствуя на ноябрьских встречах советских представителей с Гитлером и Риббентропом, я был в курсе текущих дел и мог быть полезен в Берлине.

Днем 31 декабря я вышел из вагона на перрон вокзала Фридрихштрассе в Берлине. Жилье мне было приготовлено в помещении нашего посольства на Унтер ден Линден. Здание это было построено еще в начале прошлого века и оставалось в своем первозданном виде (оно было разрушено во время одного из воздушных налетов на Берлин в конце войны). Большие залы посольства и зимний сад с экзотическими растениями отапливались с помощью калориферной системы, а в жилом корпусе высились белые кафельные печи. В моей комнате было тепло и по-домашнему уютно.

Я решил погулять по вечерним улицам Берлина, а затем встретить Новый год в какой-либо «бирштубе»— пивной. Но, спустившись в вестибюль, я наткнулся на одного старого знакомого, который, узнав о моих скромных намерениях, предложил присоединиться к нему.

— Мы целой компанией едем в Груневальд к нашему военно-морскому атташе адмиралу Воронцову. У него там большой особняк. Хорошо проведем время...

Я охотно согласился. Конечно, это было куда приятней, чем сидеть за кружкой пива в прокуренной пивной. К тому же мне представлялась возможность сразу познакомиться со многими из моих коллег.

Как и все дома в затемненном Берлине, особняк нашего военно-морского атташе снаружи казался нежилым. Но внутри было светло, тепло и оживленно. Хозяйка дома — высокая стройная брюнетка — подносила каждому новому гостю, зябко ежившемуся после промозглой берлинской погоды, чарку водки. Кое-кто, видимо, уже успел повторить эту процедуру: в комнате становилось шумно. Все чувствовали себя непринужденно, а в соседней комнате гостей ждал длинный, по-праздничному убранный стол.

Радио было настроено на Москву. За несколько минут до двенадцати Михаил Иванович Калинин поздравил советских людей с Новым годом. Мы сели за стол. Раздались выстрелы бутылок шампанского... В эти минуты все, казалось, забыли о повседневных делах и заботах. Отовсюду сыпались остроты, сопровождавшиеся взрывами смеха. Мы поздравляли друг друга с Новым годом, провозглаша-

ли тосты за то, чтобы наступающий год был для нашей Родины еще одним мирным годом. Мы не знали тогда, что в уже наступившем 1941 году начнется самая тяжелая и кровопролитная война в истории нашего народа. В ту ночь война, казалось, была где-то далеко. Налета английской авиации не было, мы приятно провели время и разъехались по домам лишь в шестом часу утра.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ РАУТЫ В СТОЛИЦЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Большой прием, который германское правительство устраивало для дипломатического корпуса в первый день Нового года, был на этот раз, «по случаю войны», отменен. Вместо этого 1 января дипломаты, аккредитованные в Берлине, расписывались в специальной книге в имперской канцелярии, где их от имени рейхсканцлера приветствовал сухой и длинный, как жердь, начальник канцелярии Ганс Ламмерс.

Однако в посольствах, находившихся в Берлине, число дипломатических раутов не уменьшилось. Дипломаты старались воспользоваться любым поводом для встречи со своими коллегами, чтобы обменяться информацией, слухами и прогнозами на будущее. А слухов в первые месяцы 1941 года ходило по Берлину невероятное множество. Они были связаны прежде всего с перспективами дальнейшего хода войны. Кто окажется следующей жертвой германской агрессии? Когда начнется вторжение в Англию? Скоро ли вступят в войну Соединенные Штаты? Куда двинется Япония? Будет ли нарушен нейтралитет Швеции и Турции? Захватят ли немцы нефтеносные районы Ближнего Востока? Все эти и другие вопросы были предметом споров, догадок, пророчеств и пересудов.

На больших приемах какой-нибудь новый слух облетал всех с молниеносной быстротой, хотя его, конечно, передавали под «строгим секретом». Тут можно было познакомиться с крупными промышленниками, высшими представителями нацистской иерархии, с такими тогдашними кинознаменитостями, как Ольга Чехова, Полла Негри, Вилли Форст. На таких приемах всегда было людно и шумно, и, чтобы пересечь зал, приходилось протиски-

ваться между гостями, а порой и работать локтями. Но разговоры здесь носили скорее светский характер.

Куда интереснее бывали встречи в более узком кругу, где собеседники обычно старались выудить друг у друга очередную сенсацию, хотя порой такой «сенсации» была грош цена.

Распространять подобные «новости» особенно любил турецкий посол Гереде. Впрочем, он никогда не настаивал на достоверности своей информации и обычно приговаривал:

— Не могу поручиться, что это так, но все может быть, и потому я решил вас проинформировать конфиденциально...

Посол Гереде был высокий, всегда щегольски одетый мужчина с черными густыми бровями и тяжелым носом. Он угощал душистым турецким кофе, таким густым, что в чашке чуть ли не торчком стояла ложка, рахат-лукумом и знаменитым измирским ликером. Гереде был поразительно разговорчивым человеком, и чаще всего встреча с ним выливалась в его монолог. В его посольском кабинете висела карта Ближнего Востока, и его излюбленной темой был разбор возможных вариантов операций немцев по захвату нефтяных районов Ирака и Саудовской Аравии.

— Турция,— начинал свои рассуждения Гереде,— не раз заявляла, что она не пропустит немцев через свою территорию. Если Германия попытается что-либо предпринять в этом отношении, мы будем сопротивляться. Они это знают...

— Значит, они уже обращались к вам с таким предложением?

— Что вы! Я этого не говорил. Просто им известно, что мы их не пропустим. Но им нужно позарез горючее для танков, авиации, подводных лодок. Следовательно, им придется высадить парашютный десант, чтобы захватить Мосул. А для этого нужны базы — Греция, острова в Эгейском море. Египет. Если немцы высадятся в Ираке, Турция будет зажата с двух сторон. Тогда нам будет трудно, очень трудно...

— Вы хотите сказать, что в таком случае Турция пойдет на уступки Берлину?

— Я этого не говорил. Мы не хотим ни с кем ссориться. Англичане — наши друзья. Англичане говорят, что ра-

ди захвата Ирака немцы готовы потребовать у вас согласия на их проход через Кавказ. Это — чепуха. Вы на такое дело не пойдете. И они ничего не сделают. У вас с Гитлером пакт о ненападении, и я знаю из авторитетных источников, что он твердо намерен его соблюдать. Тут все ясно. На нас немцам тоже нет смысла нападать. Поверьте мне — они теперь сосредоточатся на Египте, помогут Муссолини овладеть Грецией, а затем высадят десант в Ираке. Вот каковы их планы...

Развивая свою мысль, Гереде то и дело подходил к карте, старался убедить собеседника, что десант в Мосуле — это наиболее вероятный дальнейший шаг Гитлера. Прощаясь, он говорил:

— Если услышите что-либо о планах немцев на Ближнем Востоке, сообщите мне. Это очень важно.

Посол Гереде вовсе не был таким простаком, каким мог показаться с первого взгляда. Он поддерживал весьма близкие связи с нацистской верхушкой. Возможно, по уговору в Вильгельмштрассе, он даже играл определенную роль в гитлеровской кампании дезинформации: разговорами о предстоящих операциях на Ближнем Востоке отвлекать внимание от подлинных намерений Берлина.

Весьма своеобразной фигурой дипломатического корпуса был японский посол в Берлине генерал Хироси Осима. Хотя он всегда одевался «по протоколу» и даже носил цилиндр, это не могло скрыть его военной выправки. Плотный, низенького роста, он говорил отрывисто, словно подавал воинскую команду. При этом Осима сопровождал свою речь резкими движениями правой руки, как бы рубил невидимого противника самурайским мечом.

Осима не скрывал своих симпатий к нацистам. Гитлеровцы ценили это. Они часто возили японского посла-генерала по местам недавних сражений на Западе, и, возвращаясь в Берлин, он не уставал превозносить в беседах со своими коллегами «подвиги» германской армии. Не менее восторженно отзывался Осима и о гитлеровском «новом порядке в Европе».

— Гитлер,— заявлял он,— умеет держать в узде завоеванные страны. Это залог успеха планов переустройства мира, разрабатываемых державами оси...

В беседах с советскими дипломатами Осима не упускал случая напомнить, что в прошлом он служил в Квантун-

ской армии и хорошо знает Дальний Восток. В этой связи он старался внушить мысль о том, что Советскому Союзу нет необходимости держать крупные соединения на границе с Маньчжурией, оккупированной в то время японцами. Осима следующим образом аргументировал эту идею:

— Основные события сейчас происходят в Европе, и тут сосредоточены главные интересы Советского Союза. Между тем ваше внимание отвлекает также Дальний Восток. Туда выделяются значительные материальные средства и военные силы. В итоге вдоль маньчжурской границы противостоят большие массы хорошо вооруженных людей, что очень опасно. Как военный человек, я хорошо знаю, что когда на протяжении длительного времени друг против друга стоят оснащенные всеми видами оружия крупные армии двух стран, то всякое может случиться, даже если этого не хотят в высших инстанциях. Какая-либо из сторон может не выдержать напряжения, произойдет инцидент, а потом уже ничего нельзя будет поделать. Мне хорошо известен боевой дух советской Дальневосточной армии. Высок боевой дух и японской Квантунской армии. Нельзя допускать, чтобы эти армии долго стояли друг против друга. Это опасно. Я уже писал своему правительству, что полезно было бы сократить численность армий и отвести их в глубь территории, подальше от границы, чтобы они не соприкасались. Я бы и вам советовал высказать эти соображения своему правительству, чтобы оно как можно скорее предприняло шаги в этом направлении...

При каждой встрече с нами Осима возвращался к этой теме. Какую он мог преследовать цель? Быть может, он полагал, что его идея, в случае ее осуществления, позволит Японии высвободить силы для планировавшихся уже тогда в Токио операций в Юго-Восточной Азии? А может быть, Осима рассчитывал перехитрить Советский Союз, побудить его ослабить свою оборону на Дальнем Востоке, чтобы затем Япония в подходящий для нее момент могла неожиданно напасть на Советский Союз? В любом случае трудно поверить, что Осима всерьез рассчитывал на успех своей весьма примитивной агитации. Но он не переставал пропагандировать свой план взаимного отвода войск на Дальнем Востоке, несмотря на его нереальность и даже наивность в условиях того времени.

От обсуждения дальнейших военных акций Гитлера он обычно уклонялся, хотя, несомненно, знал о них больше, чем другие члены дипломатического корпуса.

Хочу также рассказать о встрече с югославским посланником Андричем, которая мне особенно запомнилась. Его резиденция находилась в Тиргартене, в новом районе, отведенном под дипломатические представительства. Район этот еще только застраивался. Уже было почти готово помпезное здание итальянского посольства, заканчивалось строительство японского представительства. Но дом югославской миссии с прилегающей к нему территорией был полностью готов. Построенный по проекту белградских архитекторов, он, как снаружи, так и внутри, производил очень приятное впечатление строгостью линий и современностью отделки и меблировки.

Встреча с Андричем, о которой идет речь, состоялась в самых первых числах апреля. В те дни нацистские газеты развернули бешеную антиюгославскую кампанию. Каждый день «Фолькишер беобахтер» и другие гитлеровские газеты писали о «преследованиях» немецкого меньшинства в Сербии, помещали фотографии, на которых были изображены группы «беженцев», или как их называли авторы статей, «жертвы югославского террора». На самом деле никто не преследовал немцев в Югославии. Это была очередная гитлеровская провокация. Инциденты в Югославии и бегство из страны немецких граждан были специально организованы нацистской агентурой. Гитлеру нужно было под предлогом «защиты» немецкого меньшинства вторгнуться в Югославию. Несомненно, что главная цель, которую Гитлер преследовал нападением на «строптивую» Югославию, заключалась в том, чтобы обеспечить свой тыл в Юго-Восточной Европе перед вторжением в Советский Союз.

В конце марта югославское правительство, возглавлявшееся Цветковичем, подписало в Вене документ о присоединении Югославии к пакту трех. Сразу же после этого в Белграде произошел государственный переворот и, хотя новое правительство генерала Симовича предложило заключить с Берлином пакт о ненападении, Гитлер, уже не доверяя Белграду, решил оккупировать Югославию, а заодно и помочь Муссолини справиться с Грецией.

Посланник Андрич, всегда сдержанный и внешне спокойный, на этот раз не мог скрыть волнения. Он понимал,

что замышляют гитлеровцы и что не сегодня-завтра его страна подвергнется нападению.

— Что им еще от нас нужно,— с горечью говорил Андрич.— Мы их не трогаем. Вся эта история с «преследованием» немецкого меньшинства подстроена от начала до конца. Мы хотим, чтобы нас оставили в покое. Но им мало того, что они уже захватили в Европе. Они жаждут и нашей крови. Но немцы напрасно рассчитывают, что им это сойдет с рук. Наш народ не покорится. Мы не прекратим борьбу, даже если им удастся оккупировать нашу страну. Они дорого за это заплатят...

Гитлеровские провокации вызвали в Югославии всеобщее возмущение. В стране спешно принимались меры по отпору германской агрессии. 5 апреля в Москве был подписан советско-югославский договор о дружбе и ненападении. Это вызвало взрыв истерии в гитлеровских кругах Берлина. Правда, практической помощи Советский Союз в тот момент уже не мог оказать югославскому народу. В ночь на 6 апреля германские войска вероломно вторглись в Югославию, сея на своем пути смерть и разрушение.

Запомнившиеся мне слова посланника Андрича оказались пророческими. Югославский народ не покорился. Перейдя к методам партизанской борьбы, он наносил все возрастающие удары по фашистским захватчикам...

В один из последних дней апреля меня пригласил на коктейль первый секретарь посольства США в Берлине Паттерсон. Он слыл весьма состоятельным человеком, снимал за свой счет роскошный трехэтажный особняк в районе Шарлотенбурга и мог запросто пригласить к себе на обед два-три десятка человек или устроить коктейль для трех сотен гостей. Поскольку Паттерсон жил довольно далеко от центра города и гости от него обычно расходились поздно, я взял в посольском гараже «эмку», небольшую легковую машину, выпускавшуюся в то время горьковским автозаводом. Из-за затемнения на улицах Берлина всегда царил кромешный мрак, но на этот раз ночь была лунная, и когда, выключив подфарники, я ехал по уже опустевшим улицам, казалось, что предо мной вымерший город какой-то незнакомой планеты. Вскоре я подъехал к особняку Паттерсона, у которого уже стояла вереница машин.

В большой гостиной было людно. Сразу нельзя было разглядеть присутствовавших. Комната освещалась ка-

мином, в котором весело потрескивали дрова, и несколькими тусклыми свечами бра, вделанными в противоположную стену. Когда глаза несколько привыкли к полумраку, я заметил, что гости уже разбились на группы и оживленно беседуют, держа в руках бокалы и рюмки.

Поздоровавшись со мной, Паттерсон сказал:

— Тут у меня есть один человек, с которым я хотел вас познакомить...

Он взял меня под руку и повел к камину, где, окруженный знакомыми мне американскими дипломатами, стоял со стаканом виски в руке какой-то высокий сухощавый офицер в форме майора германских военно-воздушных сил. Бросалось в глаза его загорелое лицо.

— Познакомьтесь,— представил нас друг другу Паттерсон.—Майор только что приехал на побывку из Африки...

Майор производил впечатление бывалого боевого летчика. Он охотно рассказывал об операциях в Западной Европе и Северной Африке. При этом не скрывал, что на африканском театре военных действий вопреки всем победным реляциям командования вермахта немцам приходится туго. Мне показалось немного странным, что этот гитлеровский офицер держит себя так свободно в доме американского дипломата. Возможно, это было потому, что он давно знал Паттерсона; по некоторым его замечаниям можно было заключить, что они встречались до войны в Соединенных Штатах.

В конце вечера мы оказались с немецким майором на какое-то время вдвоем, в стороне от других гостей, и он, раскуривая сигару и глядя мне прямо в глаза, сказал, несколько понизив голос:

— Паттерсон хочет, чтобы я вам сообщил одну вещь. Дело в том, что я тут не на побывке. Моя эскадрилья отозвана из Северной Африки, и вчера мы получили приказ передислоцироваться на Восток, в район Лодзи. Возможно, в этом нет ничего особенного, но мне известно, что и многие другие части в последнее время перебрасываются к вашим границам. Я не знаю, что это может означать, но лично мне не хотелось бы, чтобы между моей и вашей страной что-либо произошло. Разумеется, я сообщаю вам об этом доверительно.

На какое-то мгновение я даже растерялся. Это был беспрецедентный случай: офицер гитлеровского вермахта

передал советскому дипломату информацию, которая, если она отвечала действительности, несомненно, была сверхсекретной. За разглашение ее он рисковал головой. Мы опасались, как бы не стать жертвой провокации. К тому же я не знал, насколько можно доверять майору, и потому решил ответить сдержанно и стереотипно:

— Благодарю вас, господин майор, за эту информацию. Она весьма интересна. Но я полагаю, что Германия будет соблюдать пакт о ненападении. Наша страна заинтересована в том, чтобы мир между нами был сохранен. Будем надеяться на лучшее...

— Смотрите, вам виднее,— улыбнувшись, сказал мой собеседник. Вскоре он стал прощаться и уехал.

Конечно, этот разговор, как и все другое, что представляло интерес в наших беседах на дипломатических раутах, был включен в очередное посольское донесение. Их мы регулярно посылали телеграфом в Москву.

ПОСОЛЬСКИЕ БУДНИ

Наши контакты с политическими деятелями третьего рейха носили сугубо официальный характер и были крайне ограничены. На приемы, которые устраивало посольство, из высокопоставленных нацистов являлся, и то далеко не всегда, лишь Риббентроп. Иногда бывали фельдмаршалы Кейтель и Мильх. Задерживались они в посольстве недолго и вскоре уезжали, обычно ссылаясь на занятость. Только два человека приходили к нам регулярно: статс-секретарь Отто Мейснер, которого считали близким к Гитлеру человеком из «старой школы» (он занимал этот же пост еще при Гинденбурге), и некий остзейский барон фон Чайковски, на визитной карточке которого значилось: «дипломат в отставке». Хотя фон Чайковски не занимал официального поста, он слыл весьма информированным человеком — доверенным лицом Вильгельмштрассе. Оба они, и Мейснер и фон Чайковски, все время твердили о необходимости дальнейшего улучшения советско-германских отношений. По их словам, германское правительство только и думает, как бы сделать отношения между нашими странами более тесными и искренними.

Обедая в посольстве в начале июня 1941 года, то есть за какие-нибудь две недели до начала войны, Мей-

снер намекал, что в имперской канцелярии, дескать, разрабатываются новые предложения по укреплению советско-германских отношений, которые фюрер собирается вскоре представить Москве. Это, конечно, была гнуснейшая дезинформация. Несомненно, что Мейснер и фон Чайковски преследовали вполне определенную цель: притупить бдительность советских людей.

Тесные связи с посольством поддерживали деловые люди Германии. К нам нередко приходили директора таких фирм, как АЕГ, Крупп, Маннесман, Сименс-Шуккерт, Рейнметалл-Борзиг, Цейс-Икон, Телефункен и другие. Представители посольства получали приглашения посетить предприятия этих фирм в различных районах Германии. Мне лично пришлось побывать на заводах Круппа в Эссене, на судостроительных верфях Бремена, на предприятии фирмы Маннесман в Магдебурге. Конечно, советским дипломатам показывали далеко не все.

Нельзя исключать, что некоторые из этих посещений устраивались в рамках гитлеровской кампании дезинформации. Но я уверен, что многие из наших собеседников-промышленников были действительно убеждены в том, что в экономическом отношении Советский Союз и Германия во многом дополняют друг друга и что развитие торговых связей на пользу обеим нашим странам.

Частым гостем в советском посольстве был один из директоров фирмы Маннесман — Гаспар. Это был высокий, всегда элегантно одетый господин средних лет. В петлице пиджака он неизменно носил красную гвоздику и не без кокетства говорил, что его называют «красным Гаспаром». Причем, уверял он, эта кличка пристала к нему не только из-за традиционной гвоздики, но и потому, что он придерживается «весьма левых» убеждений. Гаспар мог позволить себе подобную «экстравагантность», будучи очень состоятельным человеком, пользующимся к тому же большим весом в деловом мире.

Как раз в то время советское торгпредство сделало большой и выгодный заказ фирме Маннесман на партию стальных труб, и это лишний раз показало директорам фирмы, что с Советским Союзом можно вести крупные дела.

— Я очень хотел бы,— говорил Гаспар во время одного из визитов в посольство,— чтобы отношения между нашими странами всегда складывались благоприятно. Наша

фирма искренне в этом заинтересована. Но, к сожалению, в Германии действуют силы, которые не понимают, в чём заключаются подлинные интересы нашей нации. Они могут снова привести страну на край катастрофы...

Между прочим, Гаспар принадлежал к числу тех немногих деловых людей третьего рейха, которые предупреждали нас о нависшей опасности, о необходимости бдительности и осторожности, хотя и не говорили ничего конкретного о скором нападении Гитлера на Советский Союз.

Мы старались использовать временную нормализацию отношений с гитлеровской Германией, чтобы вырвать из лап гестапо прогрессивных писателей, ученых, видных антифашистов, деятелей коммунистического движения. И в Берлине и в Москве немцы часто обращались с просьбой разрешить выезд в рейх того или иного лица. Некоторые из этих людей гитлеровцев особенно интересовали, и в тех случаях, когда советская сторона считала возможным удовлетворить подобные просьбы, нами выдвигались контртребования об отправке в Советский Союз тех, кого мы хотели вызволить. Таким образом были освобождены многие антифашисты, в том числе бывшие бойцы Интернациональной бригады в Испании, захваченные гитлеровцами во Франции.

Однако добиваться этого порой приходилось месяцами и притом не всегда успешно. Мы, например, так и не смогли получить от немцев согласия на отправку в Советский Союз всемирно известного французского физика Поля Ланжевена. Были все основания опасаться за жизнь этого талантливого ученого и видного прогрессивного деятеля. В 1935 году Ланжевен участвовал в Народном фронте во Франции, был избран почетным членом Академии наук СССР и никогда не скрывал своих антифашистских убеждений.

Этого гитлеровцы ему не простили. На наши многократные запросы министерство иностранных дел Германии сперва отвечало, будто Ланжевена не могут разыскать, а затем откровенно заявило, что, поскольку Ланжевен занимался не только наукой, но и «враждебной Германии» деятельностью, компетентные германские власти отказываются его нам передать. Чтобы добиться освобождения Ланжевена, мы даже задерживали какого-то субъекта, выдачи которого настойчиво требовали немцы. Но и

это не помогло. Ланжевен так и остался в руках гитлеровцев. В конце 1941 года он был арестован и брошен в тюрьму, а позднее отправлен в город Труа под надзор гестапо. Его жизнь могла окончиться трагически, но с помощью бойцов движения Сопротивления Ланжевену удалось бежать в нейтральную Швейцарию. После освобождения Франции в 1944 году Ланжевен вернулся в Париж и вступил в Коммунистическую партию. Он умер в 1946 году и похоронен в Пантеоне как национальный герой...

Длительные переговоры, которые наше посольство в Берлине вело в начале 1941 года с целью освободить Жана-Ришара Блока — видного французского писателя-коммуниста, увенчались успехом. Помню, как я был взволнован, когда ранней весной 1941 года встретил Ж.-Р. Блока на вокзале Фридрихштрассе в Берлине. Перед моим мысленным взором и сейчас стоит невысокая фигура сильно исхудавшего человека с коричневым саквояжем и пледом в руке. Высокий лоб, выразительные глаза, подвижное лицо и печальная улыбка — таким я увидел его, когда он сделал свой первый шаг на свободу. Сопровождавший Блока агент гестапо в штатском сдал его мне, как говорится, с рук на руки и деловито попросил расписаться на квитанции, словно речь шла о багаже. Мы отвезли Ж.-Р. Блока в посольство, где для него была приготовлена комната. А на следующий день группа советских дипломатов провожала его с Восточного вокзала в Москву. Он шутил, смеялся, был рад, что уезжает в Советский Союз.

Жан-Ришар Блок — большой друг Ромена Роллана и Луи Арагона, находясь во время войны в Советском Союзе, многое сделал для мобилизации мировой прогрессивной общественности на борьбу против фашистской чумы. Он публиковал в советской и зарубежной прессе страстные и обличительные статьи, часто выступал по радио с призывами к бойцам Сопротивления усилить удары по врагу. После войны Ж.-Р. Блок вернулся во Францию, где и умер в 1947 году.

ТРЕВОЖНЫЕ СИГНАЛЫ

На протяжении нескольких месяцев мы, работники посольства, видели, как в Германии неуклонно проводятся мероприятия, явно направленные на подготовку операций на Восточном фронте. Об этих приготовлениях свидетель-

ствовала информация, поступавшая в посольство из разных источников.

Прежде всего ее доставляли нам наши друзья в самой Германии. Мы знали, что в нацистском рейхе, в том числе и в Берлине, в глубоком подполье действуют антифашистские группы «Красная капелла», группа Раби и другие. Преодолевая невероятные трудности, порой рискуя жизнью, немецкие антифашисты находили пути для того, чтобы предупредить Советский Союз о нависшей над ним опасности. Они передавали важную информацию, говорившую об угрожающем положении, сложившемся у границ Советского Союза, о подготовке нападения гитлеровской Германии на нашу страну.

В середине февраля в советское консульство в Берлине явился немецкий типографский рабочий. Он принес с собой экземпляр русско-немецкого разговорника, печатавшегося массовым тиражом. Содержание разговорника не оставляло сомнения в том, для каких целей он предназначался. Там можно было, например, прочесть такие фразы на русском языке, но набранные латинским шрифтом: «Где председатель колхоза?», «Ты коммунист?», «Как зовут секретаря райкома?», «Руки вверх!», «Буду стрелять!» «Сдавайся!» и тому подобное. Разговорник был сразу же переслан в Москву.

После того как гитлеровцы оккупировали Польшу, в бывшем посольстве СССР в Варшаве остался только комендант здания Васильев, который должен был заботиться и о советском имуществе на территории всего генерал-губернаторства, как немцы называли тогда захваченные ими польские земли. В связи с этим ему приходилось посещать районы, примыкавшие к границе Советского Союза. Приезжая по делам в Берлин, Васильев, конечно, рассказывал нам о своих наблюдениях.

Разумеется, гитлеровцы старались ограничивать возможность передвижения Васильева и вообще тщательно скрывали свои агрессивные приготовления на Востоке. Но Васильев не мог не заметить, что железные дороги забиты воинскими эшелонами, а польские города наводнены солдатами вермахта, причем бросалось в глаза, что концентрация военщины на территории Польши все более усиливается. Сообщения Васильева давали нам дополнительный материал, подтверждавший имевшиеся у нас сведения из других источников.

Согласно заведенному в посольстве порядку, каждое утро пресс-атташе Лавров делал для дипломатического состава краткий доклад о сообщениях немецкой и мировой печати. В первые месяцы 1941 года он все чаще обращал внимание на сетования немецких газет по поводу сообщений мировой прессы о «военных приготовлениях» Советского Союза на германской границе. Нетрудно было проследить, из каких источников черпалась эта информация. Обычно она сначала появлялась в американской реакционной печати, причем нередко со ссылкой на немецкие источники в нейтральных странах. Несомненно, тут мы имели дело с провокационной дезинформацией, инспирированной германской агентурой. Не располагая никакими реальными фактами — их не было в природе — о «советской угрозе» Германии, гитлеровская пропаганда фабриковала вымышленные сведения о «военных приготовлениях» СССР на его западных границах, подсовывала эти насквозь лживые сведения информационным агентствам и органам печати других стран. Когда же их печатали американские и другие газеты, на них ссылалась германская пресса, ханжески жалуясь, что такие сообщения, дескать, «омрачают» советско-германские отношения. Вся эта возня также показывала, что германские власти заинтересованы в распространении по всему миру ложного представления о том, будто Советский Союз «угрожает» Германии.

В то же время в германской прессе стали чаще появляться ссылки на книгу Гитлера «Майн кампф», которые почти исчезли со страниц газет в первые месяцы после подписания советско-германского договора о ненападении в 1939 году. Правда, это евангелие нацизма, написанное Гитлером еще в 1924—1926 годах, никогда не подвергалось в третьем рейхе сомнению. Книга «Майн кампф» с фотографией Гитлера на обложке красовалась в витринах всех книжных магазинов и ежегодно издавалась огромными тиражами, приносившими Гитлеру гонорар в миллионы марок. Но теперь нацистские пропагандисты снова стали все чаще ссылаться на нее, рассуждая о дальнейших планах «Великогермании».

В «Майн кампф» агрессивные цели и планы Гитлера были изложены с предельной ясностью. Там указывалось, что Германия не должна ограничиваться требованием вос-

становления границ 1914 года. Ей нужно куда большее жизненное пространство («Лебенсраум»). В своей книге Гитлер указывал, что в Европе насчитывается 80 миллионов немцев. Менее чем через сто лет на континенте их будет 250 миллионов, заявлял он. Поэтому другие народы должны потесниться, чтобы дать место немцам. Вот что Гитлер писал в «Майн кампф» черным по белому: «Только достаточно большое пространство на нашей планете обеспечивает свободу существования любой нации.. Поэтому национал-социалистическое движение должно, не обращая внимания на «традиции» и предрассудки, найти в себе мужество мобилизовать нашу нацию и ее силу для похода по тому пути, который выведет нас из нынешней ограниченности жизненного пространства этой нации к новым землям и тем самым навсегда освободит нас от опасности исчезнуть с лица земли или превратиться в нацию рабов, которые должны будут находиться в услужении другим. Национал-социалистическое движение должно устранить несоответствие между численностью нашей нации и размерами нашей территории. Мы должны неотступно придерживаться нашей внешнеполитической цели, а именно, обеспечить немецкой нации подобающие ей на этой планете земли».

Такова была, так сказать, общая принципиальная установка Гитлера. Не менее четко и откровенно были сформулированы в его книге и практические шаги к достижению этой «внешнеполитической» цели. В своей книге Гитлер называл Францию «смертельным врагом немецкой нации». Но ее «уничтожение» он считал лишь одной из предпосылок для достижения далеко идущих целей. Он писал о «решающей схватке» с Францией, но при условии, что «Германия видит в уничтожении Франции лишь одно из средств, с помощью которого можно будет вслед за этим предоставить, наконец, нашей нации возможность расширения в другом направлении...»

В каком именно? На это в «Майн кампф» тоже давался вполне определенный ответ. Сначала, писал Гитлер, должны быть захвачены районы на Востоке с преобладающим немецким населением — Австрия, Судеты, западные провинции Польши, включая Данциг...

Все эти захваты к началу 1941 года были уже осуществлены, хотя в несколько иной последовательности, но зато в большем масштабе. Что же следовало ожидать пос-

ле этого? «Майн кампф» давала недвусмысленный, хотя и бредовый ответ: нападение на Советский Союз!

«Если мы хотим иметь новые земли в Европе,— писал Гитлер в своей книге,— то их можно получить на больших пространствах только за счет России. Поэтому новый рейх должен вновь встать на тот путь, по которому шли рыцари ордена, чтобы германским мечом завоевать германскому плугу землю, а нашей нации — хлеб насущный!»

И далее:

«Мы, национал-социалисты, начинаем движение с того пункта, где оно закончилось шесть столетий тому назад. Мы приостанавливаем извечное движение германцев на Юго-Запад Европы и обращаем взгляд на земли на Востоке... И если мы сегодня в Европе говорим о новых землях, то мы можем в первую очередь думать только о России и о подвластных ей окраинных государствах...»

Ни одно из этих рассуждений не было ни опровергнуто, ни изменено. Намеченные в «Майн кампф» разбойничьи цели оставались в силе, и их, конечно, имели в виду нацистские пропагандисты, принявшиеся весной 1941 года, как по команде, восхвалять гитлеровское евангелие...

В середине мая Берлин был взбудоражен сообщением о неожиданном полете в Англию Рудольфа Гесса — первого заместителя Гитлера по руководству нацистской партией. Гесс, который сам пилотировал самолет «Мессершмитт-110», вылетел 10 мая из Аугсбурга (Южная Германия), взяв курс на Даунгавел Касл — шотландское имение лорда Гамильтона, с которым он был лично знаком. Однако Гесс ошибся в расчете горючего и, не долетев до цели 14 километров, выбросился с парашютом в районе Иглшэма, где был задержан местными крестьянами и передан властям. Несколько дней английское правительство хранило молчание по поводу этого события. Ничего не сообщал об этом и Берлин. Только после того как британское правительство предало этот полет гласности, германское правительство поняло, что секретная миссия, возлагавшаяся на Гесса, не увенчалась успехом. Тогда-то в штаб-квартире Гитлера в Бергхофе решили преподнести публике полет Гесса как проявление его умопомешательства. В официальном коммюнике о «деле Гесса» говорилось: «Член партии Гесс, видимо, помешал-

ся на мысли о том, что посредством личных действий он все еще может добиться взаимопонимания между Германией и Англией». В явно инспирированных комментариях германская пресса пошла еще дальше, указывая, что этот нацистский лидер «был душевно больным идеалистом, страдавшим галлюцинациями вследствие ранений, полученных в первой мировой войне». Авторы этих комментариев, видимо, не усматривали убийственной иронии в том, что этот сумасшедший субъект до последнего дня был вторым после Гитлера человеком в нацистской партии и даже согласно завещанию Гитлера в случае его внезапной смерти и гибели Геринга должен был стать «фюрером германской нации».

Гитлер понимал, какой моральный ущерб причинил ему и его режиму неудачный полет Гесса. Чтобы замести следы, он распорядился арестовать приближенных Гесса, а его самого снял со всех постов и приказал расстрелять, если он вернется в Германию. Тогда же заместителем Гитлера по нацистской партии был назначен Мартин Борман. Нет сомнения, однако, что гитлеровцы возлагали на полет Гесса немалые надежды. Германский империализм рассчитывал, что ему удастся привлечь к антисоветскому походу также и противников Германии, и прежде всего Англию. Гитлеровцы стремились превратить планировавшееся ими нападание на Советский Союз в «крестовый поход» против «большевистской опасности».

Из документов Нюрнбергского процесса и других материалов, опубликованных после разгрома гитлеровской Германии, известно, что с лета 1940 года Гесс состоял в переписке с видными английскими мюнхенцами. Эту переписку помог ему наладить герцог Виндзорский — бывший король Англии Эдуард VIII, который из-за своего увлечения разведенной американской миллионершей вынужден был отречься от престола. В то время он жил в Испании.

Используя свои связи, Гесс заранее договорился о визите в Англию. Первоначально это должно было произойти в декабре 1940 года, но затем визит был отложен до завершения гитлеровских захватов в Юго-Восточной Европе. Когда, наконец, в мае 1941 года Гесс прилетел в Англию и начал переговоры с высокопоставленными британскими представителями, внутриполитическое положение в этой стране, да и вся международная обстановка

не позволили мюнхенцам осуществить свой план сговора с нацистами.

Наиболее дальновидные политические деятели Англии и США понимали, что мир с ними Гитлеру нужен лишь для того, чтобы потом напасть на них в более подходящий для нацистов момент. Правящие круги Англии тогда уже отчетливо видели, какую угрозу несет их позициям и интересам германский империализм, стремившийся подчинить себе весь мир. Поэтому они остерегались новых сделок с Германией, тем более, что в прошлом подобные политические эксперименты всегда оборачивались против них же самих.

В итоге миссия Гесса провалилась, а сам он после войны предстал перед Нюрнбергским трибуналом в числе главных нацистских преступников. Он, впрочем, избежал виселицы — медицинская экспертиза признала его ненормальным — и был приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Тогда, а мае 1941 года, мы, конечно, не могли знать всей подоплеки полета Гесса в Англию. Но то, что это была попытка договориться с Лондоном против Советского Союза, не оставляло сомнения. Знаменателен и такой факт. Как-то придя в начале мая по текущим делам на Вильгельмштрассе, я увидел, что в приемной министерства иностранных дел на столиках разложены журналы и брошюры, изданные еще до войны и прославляющие «англо-германскую дружбу» и ее значение для судеб Европы и всего мира (одно время, в период Мюнхена, гитлеровцы носились с этой идеей). Все дипломаты, приезжавшие на Вильгельмштрассе, конечно, сразу обращали внимание на эти брошюры, расценив их появление как некий «жест» по отношению к Англии. Подобная демонстрация была предметом догадок, пересудов и спекуляций. Совпавший с ней подозрительный полет «сумасшедшего» Гесса в сочетании с фактами усиления военных приготовлений Германии на Восточном фронте не мог не привлечь к себе внимания.

Все более тревожные сведения концентрировались в этот период также у нашего военного атташе генерала Тупикова и военно-морского атташе адмирала Воронцова. Согласно их информации с начала февраля 1941 года на Восток стали направляться эшелоны с войсками и боевой техникой. В марте-апреле уже непрерывным потоком туда

шли составы с танками, артиллерией, боеприпасами, а к концу мая, по всем данным, в пограничной зоне были сосредоточены крупные немецкие соединения и военная техника.

В то же время гитлеровцы нагло и откровенно прощупывали советскую оборону вдоль государственной границы Советского Союза. Особенно усилились немецкие провокации на советско-германской границе в конце мая — начале июня. Чуть ли не каждый день посольство получало из Москвы указание заявить протест по поводу очередных нарушений на советской границе. Не только германские пограничники, но и солдаты вермахта систематически вторгались на советскую территорию, открывали огонь по нашим пограничникам. При этом были человеческие жертвы. Самолеты со свастикой нахально летали в глубь советской территории. Обо всех этих фактах с точным указанием места и времени мы сообщали германскому МИДу, но на Вильгельмштрассе, принимая наши заявления, сначала обещали произвести расследование, а затем уверяли, будто «эти сведения не подтвердились».

Знаменателен и такой эпизод. Неподалеку от посольства, на Унтер ден Линден, находилось роскошное фотоателье Гофмана — придворного фотографа Гитлера. В этом ателье когда-то работала натурщицей Ева Браун, ставшая впоследствии любовницей Гитлера. С начала войны в одной из витрин ателье над портретом Гитлера обычно вывешивалась большая географическая карта. Стало привычным, что каждый раз карта показывала ту часть Европы, где происходили или намечались очередные военные действия. Ранней весной 1940 года это был район Голландии, Бельгии, Дании и Норвегии, затем довольно долго висела карта Франции. В начале 1941 года прохожие уже останавливались перед картой Югославии и Греции. И вдруг в конце мая, проходя мимо фотоателье Гофмана, я увидел большую карту Восточной Европы. Она включала Прибалтику, Белоруссию, Украину — весь обширный район Советского Союза от Баренцева до Черного моря. Меня это ошеломило. Гофман без стеснения давал понять, где развернутся следующие события. Он как бы говорил: теперь пришел черед Советского Союза!..

Начиная с марта по Берлину поползли настойчивые слухи о готовящемся нападении Гитлера на Советский Союз. При этом фигурировали разные даты, которые, как

видно, должны были сбить нас с толку: 6 апреля, 20 апреля, 18 мая и, наконец, правильная — 22 июня.

Обо всех этих тревожных сигналах посольство регулярно докладывало в Москву. В начале мая группе наших дипломатов было предложено выключиться из всех текущих дел и специально засесть за изучение, обработку и обобщение имевшейся в распоряжении посольства информации относительно подготовки Гитлером войны на Востоке.

К концу мая был составлен обстоятельный доклад, включавший, между прочим, и соответствующие выдержки из книги Гитлера «Майн кампф». Основной вывод этого доклада состоял в том, что практическая подготовка Германии к нападению на Советский Союз закончена и масштабы этой подготовки не оставляют сомнения в том, что вся концентрация войск и техники завершена. Поэтому следует в любой момент ждать нападения Германии на Советский Союз.

Мы, сотрудники советского посольства в Берлине, находились в состоянии какой-то раздвоенности. С одной стороны, мы располагали недвусмысленной информацией, свидетельствовавшей о том, что война вот-вот разразится. С другой стороны, ничего особенного как будто не происходило. Жен и детей работников советских учреждений в Германии и на оккупированной территории на родину не отправляли. Более того, из Советского Союза почти каждый день прибывали новые сотрудники с многочисленными семьями и даже с женами, находившимися на последних месяцах беременности. Продолжались бесперебойные поставки в Германию советских товаров, хотя немецкая сторона почти совсем прекратила выполнение своих торговых обязательств. 14 июня (за неделю до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз!) советская печать опубликовала сообщение ТАСС, в котором говорилось, что «по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на Советский Союз лишены всякой почвы...»

Этим заявлением, текст которого был накануне передан германскому послу в Москве Шуленбургу, Сталин, видимо, стремился еще раз проверить намерения германского

правительства. Но какие бы внешнеполитические цели ни преследовало это сообщение ТАСС, его обнародование за восемь дней до начала войны могло только притупить у нашего народа чувство бдительности. Берлин ответил на заявление ТАСС зловещим молчанием. Даже упоминание об этом не появилось ни в одной германской газете.

21 июня, когда до нападения гитлеровской Германии на СССР оставались считанные часы, посольство получило предписание сделать германскому правительству еще одно заявление, в котором предлагалось обсудить состояние советско-германских отношений.

Советское правительство давало понять германскому правительству, что ему известно о концентрации немецких войск на советской границе и что военная авантюра может иметь опасные последствия. Но содержание этой депеши говорило и о другом: в Москве еще надеялись на возможность предотвратить конфликт и были готовы вести переговоры по поводу создавшейся ситуации.

НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ

В субботу 21 июня в Берлине стояла отличная погода. Уже с утра день обещал быть жарким, и многие наши работники готовились во второй половине дня выехать за город — в парки Потсдама или на озере Ванзее и Николасзее, где купальный сезон был в полном разгаре. Только небольшой группе дипломатов пришлось остаться в городе. Утром из Москвы пришла срочная телеграмма. Посольство должно было немедленно передать германскому правительству упомянутое выше важное заявление.

Мне поручили связаться с Вильгельмштрассе, где в помпезном дворце времен Бисмарка помещалось министерство иностранных дел, и условиться о встрече представителей посольства с Риббентропом. Дежурный по секретариату министра ответил, что Риббентропа нет в городе. Звонок к первому заместителю министра, статс-секретарю барону фон Вейцзеккеру, также не дал результатов. Проходил час за часом, а никого из ответственных лиц найти не удавалось. Лишь к полудню объявился директор политического отдела министерства Верман. Но он только подтвердил, что ни Риббентропа, ни Вейцзеккера в министерстве нет.

— Кажется, в ставке фюрера происходит какое-то важное совещание. По-видимому, все сейчас там,— пояснил

Верман.— Если у вас дело срочное, передайте мне, а я постараюсь связаться с руководством...

Я ответил, что это невозможно, так как послу поручено передать заявление лично министру, и попросил Вермана дать знать об этом Риббентропу...

Дело, по которому мы добивались встречи с министром, никак нельзя было доверить второстепенным чиновникам. Ведь речь шла о заявлении, в котором от германского правительства требовались объяснения в связи с концентрацией германских войск вдоль границ Советского Союза.

Из Москвы в этот день несколько раз звонили по телефону. Нас торопили с выполнением поручения. Но сколько мы ни обращались в министерство иностранных дел, ответ был все тот же: Риббентропа нет, и когда он будет, неизвестно. Он вне пределов досягаемости и ему, дескать, даже не могли сообщить о нашем обращении.

Часам к семи вечера все разошлись по домам. Мне же пришлось остаться в посольстве и добиваться встречи с Риббентропом. Поставив перед собой настольные часы, я решил педантично, каждые 30 минут, звонить на Вильгельмштрассе.

Сквозь открытое окно, которое выходило на Унтер ден Линден, было видно, как посреди улицы по бульвару, окаймленному молодыми липами, как обычно по субботам, прогуливаются берлинцы. Девушки и женщины в ярких цветастых платьях, мужчины, главным образом пожилые, в темных старомодных костюмах. У ворот посольства, облокотясь на косяк ворот, дремал полицейский в уродливой шуцмановской каске...

На столе у меня лежала большая пачка газет — утром удалось лишь бегло их просмотреть. Теперь можно было почитать повнимательнее. В нацистском официозе «Фолькишер беобахтер» в последнее время было напечатано несколько статей Дитриха — начальника пресс-отдела германского правительства. О них на одной из последних наших внутренних пресс-конференций докладывал пресс-атташе посольства. В этих явно инспирированных статьях Дитрих все время бил в одну точку. Он говорил о некоей угрозе, которая нависла над германской империей и которая мешает осуществлению гитлеровских планов создания «тысячелетнего рейха». Автор указывал, что германский народ и правительство вынуждены, прежде чем приступить к строительству такого рейха, устранить возникшую угрозу.

Эту идею Дитрих, разумеется, пропагандировал неспроста. Вспомнились его статьи накануне нападения гитлеровской Германии на Югославию в первые дни апреля 1941 года. Тогда он разглагольствовал о «священной миссии» германской нации на Юго-Востоке Европы, вспоминал поход принца Евгения в XVIII веке в Сербию, оккупированную в то время турками, и довольно прозрачно давал понять, что ныне этот же путь должны проделать германские солдаты. Теперь в свете известных нам фактов о подготовке войны на Востоке статьи Дитриха о «новой угрозе» приобретали особый смысл. Трудно было отделаться от мысли, что ходивший по Берлину слух, в котором фигурировала последняя дата нападения Гитлера на Советский Союз — 22 июня, на этот раз, возможно, окажется правильным. Казалось странным и то, что мы в течение целого дня не могли связаться ни с Риббентропом, ни с его первым заместителем, хотя обычно, когда министра не было в городе, Вейцзеккер всегда был готов принять представителя посольства. И что это за важное совещание в ставке Гитлера, на котором, по словам Вермана, находятся все нацистские главари?..

Когда я в очередной раз позвонил в министерство иностранных дел, взявший трубку чиновник вежливо произнес стереотипную фразу:

— Мне по-прежнему не удалось связаться с г-ном рейхсминистром. Но я помню о вашем обращении и принимаю меры...

На замечание, что мне придется по-прежнему его беспокоить, поскольку речь идет о неотложном деле, мой собеседник любезно ответил, что это нисколько его не утруждает, так как он будет дежурить в министерстве до утра. Вновь и вновь звонил я на Вильгельмштрассе, но безрезультатно...

Внезапно в 3 часа ночи, или в 5 часов утра по московскому времени (это было уже воскресенье 22 июня), раздался телефонный звонок. Какой-то незнакомый голос сообщил, что рейхсминистр Иоахим фон Риббентроп ждет советских представителей в своем кабинете в министерстве иностранных дел на Вильгельмштрассе. Уже от этого лающего незнакомого голоса, от чрезвычайно официальной фразеологии повеяло чем-то зловещим. Но, отвечая, я сделал вид, что речь идет о встрече с министром, которой советское посольство добивалось.

— Мне ничего не известно о вашем обращении,— сказал голос на другом конце провода.— Мне поручено лишь передать, что рейхсминистр Риббентроп просит, чтобы советские представители прибыли к нему немедленно.

Я заметил, что понадобится время, чтобы известить посла и подготовить машину, на что мне ответили:

— Личный автомобиль рейхсминистра уже находится у подъезда советского посольства. Министр надеется, что советские представители прибудут незамедлительно...

Выйдя из ворот посольского особняка на Унтер ден Линден, мы увидели у тротуара черный лимузин «мерседес». За рулем сидел шофер в темном френче и в фуражке с большим лакированным козырьком. Рядом с ним восседал офицер из эсэсовской дивизии «Тотен-копф». Тулью его фуражки украшала эмблема — череп с перекрещенными костями.

На тротуаре, ожидая нас, стоял в парадной форме чиновник протокольного отдела министерства иностранных дел. Он с подчеркнутой вежливостью распахнул перед нами дверцу. Посол и я, в качестве переводчика на этой ответственной беседе, сели на заднее сиденье, чиновник устроился на откидном стуле. Машина помчалась по пустынной улице. Справа промелькнули Бранденбургские ворота. За ними восходящее солнце уже покрыло багрянцем свежую зелень Тиргартена. Все предвещало ясный солнечный день...

Выехав на Вильгельмштрассе, мы издали увидели толпу у здания министерства иностранных дел. Хотя уже рассвело, подъезд с чугунным навесом был ярко освещен прожекторами. Вокруг суетились фоторепортеры, кинооператоры, журналисты. Чиновник выскочил из машины первым и широко распахнул дверцу. Мы вышли, ослепленные светом юпитеров и вспышками магниевых ламп. В голове мелькнула тревожная мысль — неужели это война? Иначе нельзя было объяснить такое столпотворение на Вильгельмштрассе, да еще в ночное время. Фоторепортеры и кинооператоры неотступно сопровождали нас. Они то и дело забегали вперед, щелкали затворами, когда мы поднимались по устланной толстым ковром лестнице на второй этаж. В аппартаменты министра вел длинный коридор. Вдоль него, вытянувшись, стояли какие-то люди в форме. При нашем появлении они гулко щелкали каблука-

ми, поднимая вверх руку в фашистском приветствии. Наконец мы повернули направо, в кабинет министра.

В глубине комнаты стоял письменный стол. В противоположном углу находился круглый стол, большую часть которого занимала грузная лампа под высоким абажуром. Вокруг в беспорядке стояло несколько кресел.

Сначала зал показался пустым. Только за письменным столом сидел Риббентроп в будничной серо-зеленой министерской форме. Оглянувшись, мы увидели в углу, справа от двери, группу нацистских чиновников. Когда мы через всю комнату направились к Риббентропу, эти люди не двинулись с места. Они на протяжении всей беседы оставались там, на значительном от нас расстоянии. По-видимому, они даже не слышали, что говорил Риббентроп; так велик был этот старинный высокий зал, который должен был, по замыслу его хозяина, подчеркивать важность персоны гитлеровского министра иностранных дел.

Когда мы вплотную подошли к письменному столу, Риббентроп встал, молча кивнул головой, подал руку и пригласил пройти за ним в противоположный угол зала за круглый стол. У Риббентропа было опухшее лицо пунцового цвета и мутные, как бы остановившиеся, воспаленные глаза. Он шел впереди нас, опустив голову и немного пошатываясь. «Не пьян ли он?» — промелькнуло у меня в голове.

После того как мы уселись за круглый стол и Риббентроп начал говорить, мое предположение подтвердилось. Он, видимо, действительно основательно выпил.

Советский посол так и не смог изложить наше заявление, текст которого мы захватили с собой. Риббентроп, повысив голос, сказал, что сейчас речь пойдет совсем о другом. Спотыкаясь чуть ли не на каждом слове, он принялся довольно путано объяснять, что германское правительство располагает данными относительно усиленной концентрации советских войск на германской границе. Игнорируя тот факт, что на протяжении последних недель советское посольство по поручению Москвы неоднократно обращало внимание германской стороны на вопиющие случаи нарушения границы Советского Союза немецкими солдатами и самолетами, Риббентроп заявил, будто советские военнослужащие нарушали германскую границу и вторгались на германскую территорию, хотя таких фактов в действительности не было.

Далее Риббентроп пояснил, что он кратко излагает содержание меморандума Гитлера, текст которого он тут же нам вручил. Затем Риббентроп сказал, что создавшуюся ситуацию германское правительство рассматривает как угрозу для Германии в момент, когда та ведет не на жизнь, а на смерть войну с англо-саксами. Все это, заявил Риббентроп, расценивается германским правительством и лично фюрером как намерение Советского Союза нанести удар в спину немецкому народу. Фюрер не мог терпеть такой угрозы и решил принять меры для ограждения жизни и безопасности германской нации. Решение фюрера окончательное. Час тому назад германские войска перешли границу Советского Союза.

Затем Риббентроп принялся уверять, что эти действия Германии не являются агрессией, а лишь оборонительными мероприятиями. После этого Риббентроп встал и вытянулся во весь рост, стараясь придать себе торжественный вид. Но его голосу явно недоставало твердости и уверенности, когда он произнес последнюю фразу:

— Фюрер поручил мне официально объявить об этих оборонительных мероприятиях...

Мы также встали. Разговор был окончен. Теперь мы знали, что снаряды уже рвутся на нашей земле. После свершившегося разбойничьего нападения война была объявлена официально... Тут уж нельзя было ничего изменить. Прежде чем уйти, советский посол сказал:

— Это наглая, ничем не спровоцированная агрессия. Вы еще пожалеете, что совершили разбойничье нападение на Советский Союз. Вы еще за это жестоко поплатитесь...

Мы повернулись и направились к выходу. И тут произошло неожиданное. Риббентроп, семеня, поспешил за нами. Он стал скороговоркой, шепотком уверять, будто лично был против этого решения фюрера. Он даже якобы отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Лично он, Риббентроп, считает это безумием. Но он ничего не мог поделать. Гитлер принял это решение, он никого не хотел слушать...

— Передайте в Москве, что я был против нападения,— услышали мы последние слова рейхсминистра, когда уже выходили в коридор...

Снова защелкали затворы фотоаппаратов, зажужжали кинокамеры. На улице, где нас встретила толпа репорте-

ров, ярко светило солнце. Мы подошли к черному лимузину, который все еще стоял у подъезда, ожидая нас.

По дороге в посольство мы молчали. Но моя мысль невольно возвращалась к сцене, только что разыгравшейся в кабинете нацистского министра. Почему он так нервничал, этот фашистский головорез, который так же, как и другие гитлеровские заправилы, был яростным врагом коммунизма и относился к нашей стране и к советским людям с патологической ненавистью? Куда девалась свойственная ему наглая самоуверенность? Конечно, он лгал, уверяя, будто отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Но все же, что означали его последние слова? Тогда у нас не могло быть ответа. А теперь, вспоминая обо всем этом, начинаешь думать, что у Риббентропа в тот роковой момент, когда он официально объявлял о решении, приведшем в конечном итоге к гибели гитлеровского рейха, возможно, шевельнулось какое-то мрачное предчувствие... И не потому ли он принял тогда лишнюю дозу спиртного?

Подъехав к посольству, мы заметили, что здание усиленно охраняется. Вместо одного полицейского, обычно стоявшего у ворот, вдоль тротуара выстроилась теперь целая цепочка солдат в эсэсовской форме.

В посольстве нас ждали с нетерпением. Пока там наверняка не знали, зачем нас вызвал Риббентроп, но один признак заставил всех насторожиться: как только мы уехали на Вильгельмштрассе, связь посольства с внешним миром была прервана — ни один телефон не работал...

В 6 часов утра по московскому времени мы включили приемник, ожидая, что скажет Москва. Но все наши станции передали сперва урок гимнастики, затем пионерскую зорьку, и, наконец, последние известия, начинавшиеся, как обычно, вестями с полей и сообщениями о достижениях передовиков труда. С тревогой думалось: неужели в Москве не знали, что уже несколько часов как началась война? А может быть, действия на границе расценены как пограничные стычки, хотя и более широкие по масштабу, чем те, какие происходили на протяжении последних недель?..

Поскольку телефонная связь не восстанавливалась и позвонить в Москву не удавалось, было решено отправить телеграфом сообщение о разговоре с Риббентропом. Шифрованную депешу поручили отвезти на главный почтамт

вице-консулу Фомину на посольской машине с дипломатическим номером. Это был наш громоздкий «ЗИС-101», который обычно использовался для поездок на официальные приемы. Машина выехала из ворот, но через 15 минут Фомин возвратился пешком один. Ему удалось вернуться лишь благодаря тому, что при нем была дипломатическая карточка. Их остановил какой-то патруль. Шофер и машина были взяты под арест.

В гараже посольства, помимо «зисов» и «эмок», был желтый малолитражный автомобиль «Опель-Олимпия». Решили воспользоваться им, чтобы, не привлекая внимания, добраться до почтамта и отправить телеграмму. Эту маленькую операцию разработали заранее. После того как я сел за руль, ворота распахнулись и юркий «опель» на полном ходу выскочил на улицу. Быстро оглянувшись, я вздохнул с облегчением: у здания посольства не было ни одной машины, а пешие эсэсовцы растерянно глядели мне вслед.

Телеграмму сразу сдать не удалось. На главном берлинском почтамте все служащие стояли у репродуктора, откуда доносились истерические выкрики Геббельса. Он говорил о том, что большевики готовили немцам удар в спину, а фюрер, решив двинуть войска на Советский Союз, тем самым спас германскую нацию.

Я подозвал одного из чиновников и передал ему телеграмму. Посмотрев на адрес, он воскликнул:

— Да вы что, в Москву? Разве вы не слышали, что делается?..

Не вдаваясь в дискуссию, я попросил принять телеграмму и выписать квитанцию. Вернувшись в Москву, мы узнали, что эта телеграмма так и не была доставлена по назначению...

Когда, возвращаясь с почтамта, я повернул с Фридрихштрассе на Унтер ден Линден, то увидел, что около подъезда посольства стоят четыре машины защитного цвета. По-видимому, эсэсовцы уже сделали вывод из своей оплошности.

В посольстве на втором этаже несколько человек попрежнему стояли у приемника. Но московское радио ни словом не упоминало о случившемся. Спустившись вниз, я увидел из окна кабинета, как по тротуару пробегают мальчишки, размахивая экстренными выпусками газет. Я вышел за ворота и, остановив одного из них, купил

несколько изданий. Там уже были напечатаны первые фотографии с фронта: с болью в сердце мы разглядывали наших советских бойцов — раненых, убитых... В сводке германского командования сообщалось, что ночью немецкие самолеты бомбили Могилев, Львов, Ровно, Гродно и другие города. Было видно, что гитлеровская пропаганда пытается создать впечатление, будто война эта будет короткой прогулкой...

Снова и снова подходим к радиоприемнику. Оттуда по-прежнему доносится народная музыка и марши. Только в 12 часов по московскому времени мы услышали заявление Советского правительства:

— Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

«...Победа будет за нами... Наше дело правое...» Эти слова доносились с далекой Родины к нам, оказавшимся в самом логове врага.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ЛОГОВЕ ВРАГА

Сразу же после нашего возвращения с Вильгельмштрассе были приняты меры по уничтожению секретной документации и шифров. С этим нельзя было медлить, так как в любой момент эсэсовцы, оцепившие здание, могли ворваться внутрь и захватить архивы посольства. Консульские работники занялись уточнением списков советских граждан, находившихся как в самой Германии, так и на территориях, оккупированных гитлеровцами.

В первой половине дня 22 июня в посольство смогли добраться только те, кто имел дипломатические карточки, то есть, помимо дипломатов, находившихся в штате посольства, также и некоторые работники торгпредства. Заместитель торгпреда Кормилицын по дороге из дома заезжал в помещение торгпредства — оно находилось на Лиценбургштрассе, но внутрь его не впустили. Здание торгпредства уже захватило гестапо, и он видел, как прямо на улицу полицейские выбрасывали папки с документами. Из верхнего окна здания валил черный дым. Там шифровальщик торгпредства Лагутин, забаррикадировав дверь от ломившихся к нему эсэсовцев, сжигал шифры. Потом мы узнали, что, когда штурмовикам удалось, наконец, взломать стальную дверь, Лагутин уже успел все уничтожить. Задыхаясь от дыма, почти без сознания он лежал на полу. Эсэсовцы его жестоко избили и уволокли в застенок. Только через несколько дней, по настоянию посольства, он был доставлен к нам — весь в кровоподтеках...

В тот же день, 22 июня, около двух часов дня в канцелярии посольства внезапно зазвонил телефон. Из протокольного отдела министерства иностранных дел сообщили, что впредь до решения вопроса о том, какая страна возьмет на себя защиту интересов Советского Союза в Германии, наше посольство должно выделить лицо для связи с Вильгельмштрассе. Мы сказали, что через минут пятнадцать-двадцать сможем дать ответ, и заодно попросили разрешения вывезти из клуба советской колонии фильмы и часть библиотеки.

Поддерживать связь с Вильгельмштрассе было поручено мне, и об этом представителю протокольного отдела сообщили через полчаса, когда он снова позвонил в посольство.

Записав мое имя, человек из германского МИДа сказал:

— В порядке исключения одному представителю посольства разрешается съездить в клуб и увезти то, что посольство считает нужным. Но это должно быть сделано до 6 часов вечера. После этого всем находящимся в посольстве лицам категорически запрещается выходить за пределы территории посольства. Представитель посольства, уполномоченный для связи с Вильгельмштрассе, может выезжать только для переговоров в министерство иностранных дел, каждый раз договариваясь об этом заранее, причем в сопровождении начальника охраны посольства — старшего лейтенанта войск СС Хейнемана. Через Хейнемана посольство, в случае необходимости, может связаться с министерством иностранных дел.

И он повесил трубку.

Как мы тут же выяснили, телефонная связь была односторонней; когда мы снимали трубку, аппарат по-прежнему молчал.

Решили, что в клуб на посольской машине лучше всего поехать мне. Мы уговорились, что, поскольку за один рейс удастся вывезти лишь ограниченное количество предметов, следует забрать прежде всего фильмы о Ленине — в апреле, ко дню рождения Владимира Ильича, они были присланы нам из Москвы,— а также собрание сочинений Ленина и некоторые другие работы классиков марксизма. Мы не хотели, чтобы гитлеровцы устроили из этих фильмов и книг костры и организовали по этому поводу очередную антикоммунистическую демонстрацию.

Стоявший у здания клуба полицейский не был предупрежден о моем приезде и отказался меня впустить. Пришлось позвонить на Вильгельмштрассе. Напротив находилась небольшая лавочка, где торговали пивом, сигаретами и всяким хламом. По пути в клуб мы часто заходили туда, чтобы выпить холодного пенистого пива и поболтать с хозяином лавчонки старым Исидором. Туда я и зашел, чтобы воспользоваться телефоном-автоматом. Исидор встретил меня очень приветливо и, понизив голос, сказал, что потрясен известием о нападении на Советский Союз.

— Теперь уж совершенно неизвестно, когда все это кончится. Мы, действительно, напобеждаемся до смерти,— проворчал Исидор, когда я, разменяв марку на мелочь, направился к телефонной будке. Набрав номер протокольного отдела министерства иностранных дел, я пожаловался, что, несмотря на договоренность, не могу попасть в помещение клуба, поскольку охраняющий его полицейский не имеет на этот счет указаний.

— Сейчас мы примем меры, очень сожалеем, подождите около клуба,— ответили мне.

Подойдя к стойке, я заказал пива, и у нас с Исидором завязалась беседа, которая, конечно, все время вращалась вокруг темы войны и бедствий, которые она с собой несет.

Спустя минут 15 сквозь открытую дверь лавчонки я увидел, как к подъезду на противоположной стороне улицы подъехал мотоцикл с коляской, в которой сидел эсэсовский офицер. Он что-то сказал полицейскому, и тот, перебежав улицу, зашел в заведение Исидора и сообщил, что мне можно войти в здание клуба. Тем временем эсэсовский офицер укатил на своем мотоцикле, а полицейский вошел в клуб вместе со мной. Сперва он стоял молча в стороне, наблюдая, как я складываю круглые металлические коробки с фильмами. Но, когда я стал упаковывать книги, он принялся, не говоря ни слова, мне помогать: обвязывал стопки книг веревками и сносил их в машину. Я тоже ничего ему не говорил. Так молча мы работали довольно долго. Только когда я сел в машину и завел мотор, полицейский крикнул мне вслед:

— Желаю вам самого лучшего, товарищ...

Обернувшись, я помахал ему рукой. Эти две первые встречи с немцами после разбойничьего нападения гитлеровской Германии на Советский Союз — со старым Иси-

дором и полицейским, охранявшим наш клуб, — показались мне знаменательными. Ни у того, ни у другого не чувствовалось ни злобы, ни отчужденности. Видимо, антисоветская пропаганда Геббельса не везде оказалась действенной!

Когда я вернулся в посольство, было без нескольких минут шесть — успел вовремя! Двор посольства походил на цыганский табор. С узлами и чемоданами сюда съехались работники посольства с семьями. Вокруг было много детей самого различного возраста — от грудных до школьников. В жилом корпусе места всем не хватило. Многие разместились в служебных кабинетах. Но это была лишь небольшая часть всей советской колонии, о которой мы должны были позаботиться. По уточненным спискам оказалось, что вместе с членами семей в Германии и на оккупированных территориях находится свыше полутора тысяч советских граждан.

СПОР НА ВИЛЬГЕЛЬМШТРАССЕ

Утром следующего дня мне было предложено явиться на Вильгельмштрассе для предварительных переговоров. Об этом сообщил нам обер-лейтенант Хейнеман, который сопровождал меня в машине до министерства. Теперь главный подъезд здания выглядел снова будничным. Принявший меня чиновник протокольного отдела заявил, что ему поручено обсудить вопрос о советских гражданах в Германии и на оккупированных территориях. Он уже подготовил список, который, как я заметил, в основном совпадал с нашими данными. Чиновник сообщил, что все советские граждане интернированы. Однако, заявил он, проблема заключается в том, что в настоящее время в Советском Союзе находится только 120 германских граждан. Это, главным образом, сотрудники посольства и других германских учреждений в Москве.

— Германская сторона,— продолжал мидовец,— предлагает обменять этих лиц на такое же число советских граждан. Конкретные кандидатуры посольство может отобрать по своему усмотрению.

Я сразу же заявил решительный протест против подобного подхода к делу. Ведь именно тот факт, что в Советском Союзе осталось лишь 120 германских граждан, тогда как здесь находится свыше полутора тысяч совет-

ских людей, показывает, что не Советский Союз, как это сейчас твердит германская пропаганда, а Германия заранее готовилась к нападению на нашу страну. Решив начать войну против Советского Союза, германские власти позаботились о том, чтобы отправить из Советского Союза в Германию как можно больше своих граждан и членов их семей. Я сказал, что доложу послу о германском предложении по обмену, но уверен, что мы не тронемся с места, пока всем советским гражданам не будет предоставлена возможность вернуться на Родину.

— Дискуссию об этом я вести не могу,— заявил чиновник протокольного отдела,— я лишь передал то, что мне поручено. Должен также сказать, что германское правительство конфисковало в качестве военных трофеев все советские суда, оказавшиеся в германских портах.

Я поинтересовался, о каком числе кораблей идет речь.

— Точно не знаю,— сказал он и тут же, злорадно улыбаясь, добавил:— Кажется, в советских портах нет ни одного германского судна...

Впоследствии, уже вернувшись в Москву, мы узнали, что 20 и 21 июня германские суда, стоявшие в советских портах Балтийского и Черного морей, в срочном порядке, даже не закончив погрузки, ушли из советских территориальных вод.

А у нас на это не обратили внимания. Недавно мне стало известно об одном факте, который объясняет, почему так случилось. Буквально накануне войны в Рижском порту скопилось более двух десятков немецких судов. Некоторые только что начали разгружаться, другие еще не были полностью загружены, но 21 июня все они стали сниматься с якоря. Начальник Рижского порта, почувствовав недоброе, задержал на свой страх и риск немецкие суда и немедленно связался по телефону с Москвой. Он сообщил о создавшейся зловещей ситуации в Наркомвнешторг и попросил дальнейших указаний. Об этом было сразу же доложено Сталину. Но Сталин, опасаясь как бы Гитлер не воспользовался задержкой нами немецких судов для военной провокации, распорядился немедленно снять запрет на их выход в море. Видимо, по той же причине не было дано и соответствующих указаний капитанам советских судов, находившихся в германских портах.

Но вернемся к разговору на Вильгельмштрассе. Реакция всех наших дипломатов, когда они узнали о предло-

жении гитлеровцев, была единодушной: мы решили категорически отклонить обмен на равное число лиц. При последующей встрече в министерстве мне было поручено заявить, что мы решительно настаиваем на том, чтобы всем советским гражданам было разрешено покинуть Германию. Лица, интернированные вне германской столицы, должны быть доставлены в Берлин и переданы нашему консулу.

На протяжении нескольких дней оставалось невыясненным, какая страна будет представлять интересы Советского Союза в Берлине. Между тем нельзя было терять времени, так как мы прекрасно понимали, какая трагическая судьба постигнет советских граждан, если им не удастся вернуться на Родину вместе с дипломатическим составом посольства. Надо было все же найти путь для связи с Москвой.

У некоторых из сотрудников посольства были среди немецких антифашистов хорошие друзья. Через них можно было передать информацию о создавшемся положении советскому посольству в какой-либо нейтральной стране. Но как это осуществить? Ведь теперь посольство было наглухо отрезано от внешнего мира. Ни одному человеку не разрешалось выйти за ворота. А за мной неотступно следовал обер-лейтенант Хейнеман, да и вообще я мог выезжать из здания только по вызову с Вильгельмштрассе.

Мы долго ломали себе голову над тем, каким образом кто-либо из нас мог бы прорваться сквозь цепь эсэсовцев, окруживших здание посольства. Разведав обстановку, мы убедились, что попытка выбраться из посольства тайком, под покровом ночи, тоже не сулит успеха. К вечеру охрана усиливалась, и фасад здания ярко освещался прожектором. За стеной дома, примыкавшего к зданию посольства с противоположной стороны, также патрулировали эсэсовцы с овчарками. Но все же надо было найти какой-то выход...

ЭСЭСОВСКИЙ ОФИЦЕР ПОМОГАЕТ БОЛЬШЕВИКАМ

Обер-лейтенант войск СС Хейнеман был высокий, грузный и уже немолодой человек. Он оказался на редкость разговорчивым. На второй день нашего знакомства

я уже знал, что у него больная жена, что брат его служит в охране имперской канцелярии, а сын Эрих заканчивает офицерскую школу, после чего должен отправиться на фронт: оказывается, это не очень-то устраивает Хейнемана, и он просит брата пристроить молодого Хейнемана где-нибудь в тылу.

Такие разговоры эсэсовского офицера, да к тому же еще и начальника охраны, с работником посольства в условиях войны несколько настораживали. Не хотел ли Хейнеман спровоцировать нас на доверительный разговор? А может быть, он в глубине души не относится к нам враждебно и — кто знает — возможно, даже готов нам помочь? Во всяком случае стоило к нему повнимательнее присмотреться. Посоветовавшись, мы решили, что нужно попытаться наладить «дружеские» отношения с Хейнеманом, проявляя при этом величайшую осторожность, так как любой неверный шаг мог бы лишь осложнить положение посольства и дать повод гитлеровцам для провокации.

Как-то вечером, когда Хейнеман, обойдя вверенный ему караул, зашел в посольство спросить, не хотим ли мы что-либо передать на Вильгельмштрассе, я пригласил его отдохнуть в гостиной.

— Не согласитесь ли немного перекусить,— обратился я к Хейнеману.— За день вы, верно, устали, да и после обеда прошло много времени.

Хейнеман сперва отказывался, ссылаясь, что это не положено при несении службы, но в конце концов согласился поужинать со мной.

В тот вечер у нас завязалась довольно откровенная беседа. После нескольких рюмок Хейнеман стал рассказывать, что, по сведениям его брата, в имперской канцелярии Гитлера весьма озабочены тем неожиданным сопротивлением, на которое германские войска наталкиваются в Советском Союзе. Во многих местах советские солдаты обороняются до последнего патрона, а затем идут врукопашную. Нигде еще за годы этой войны германские войска не встречали такого отпора и не несли таких больших потерь. На Западе, продолжал Хейнеман, все обстояло совсем по-другому — там была не война, а прогулка. В России — не то, и даже в имперской канцелярии кое-кто начинает сомневаться, стоило ли начинать войну против Советского Союза.

Это уже походило на оппозицию, чего никак нельзя было ожидать от эсэсовского офицера. Может быть, подумалось мне, Хейнеман не до конца отравлен нацистским фанатизмом? Не скрывал мой собеседник и того, что в связи с сообщениями с Восточного фронта его особенно беспокоила судьба сына.

— Если его отправят на Восточный фронт,— несколько раз повторил Хейнеман,— мало шансов, что он выберется оттуда живым...

Будучи все еще не уверен в Хейнемане, я молча слушал. Лишь когда он заговорил о своем сыне, я заметил, что этой войны могло бы вообще не быть и что тогда был бы в безопасности не только его Эрих, но была бы сохранена жизнь многим другим немцам.

— Вы совершенно правы,— ответил Хейнеман,— зачем эта война?

Наш ужин продолжался около двух часов, и у меня с Хейнеманом установился контакт.

На следующий день я пригласил Хейнемана позавтракать. На этот раз он и не думал отказываться. Мне хотелось выяснить, насколько он может оказаться нам полезен. Нужно было лишь найти подходящий для такого обращения повод, который в случае отрицательной реакции можно было бы обратить в шутку.

Порассуждав по поводу сообщений с фронта, Хейнеман снова коснулся больной для него темы — о своем сыне.

— В ближайшие дни,— начал он,— Эрих закончит офицерскую школу, а по существующему в Германии обычаю мне придется за свой счет заказать ему парадную форму и личное оружие. А тут еще болезнь жены, пришлось истратить почти все сбережения...

Заговорив о деньгах, Хейнеман сам сделал первый шаг в нужном направлении. Я решил этим воспользоваться. Конечно, тут был немалый риск. Если Хейнеман понял, что мы хотим получить от него какую-то услугу, то, естественно, должен был возникнуть вопрос о вознаграждении. И он мог заговорить о деньгах, чтобы прощупать нас. Не провокация ли это? Ведь «попытка подкупа» начальника охраны советского посольства оказалась бы для гитлеровской пропаганды как нельзя кстати. Но решение надо было принимать немедленно. Такой случай мог больше не представиться, а нам необходимо было как можно скорее прорваться сквозь эсэсовский кордон.

— Я был бы рад вам помочь, г-н Хейнеман,— заметил я небрежным тоном,— я довольно долго работаю в Берлине и откладывал деньги, чтобы купить большую радиолу. Но теперь это не имеет смысла, и деньги все равно пропадут. Нам не разрешили ничего вывозить, кроме одного чемодана с личными вещами и небольшой суммы на карманные расходы. Мне неловко вам делать такое предложение, но, если хотите, я могу вам дать тысячу марок...

Хейнеман пристально посмотрел на меня и ничего не сказал. Видимо, он тоже думал над тем, стоит ли делать следующий шаг. Помолчав несколько минут, Хейнеман сказал:

— Я очень благодарен за это предложение. Но как же я могу так, запросто взять столь крупную сумму?

— Ведь я вам сказал, что деньги эти все равно пропадут. Вывезти их не разрешат. Их конфискует ваше правительство вместе с другими суммами, имеющимися в посольстве. Для третьего рейха какая-то тысяча марок не имеет никакого значения, а вам она может пригодиться. Впрочем, решайте сами, мне в конце концов всё равно, кому достанутся эти деньги...

Хейнеман закурил и, откинувшись на спинку кресла, несколько раз глубоко затянулся. Чувствовалось, что в нем происходит внутренняя борьба.

— Что ж, пожалуй, я соглашусь,— сказал он, наконец.— Но вы понимаете, что ни одна живая душа не должна об этом знать!

— Это мои личные сбережения,— успокоил я Хейнемана.— Никто не знает, что они у меня есть. Я их вам передам — и дело с концом.

Я вынул бумажник и, отсчитав тысячу марок, положил их на стол. Хейнеман медленно потянулся за купюрами. Он вынул из заднего кармана брюк большое портмоне и, аккуратно расправив банкноты, спрятал их в одно из отделений. Затем вернул портмоне на свое место, тяжело вздохнул.

Итак, первый шаг был сделан.

Хейнеман сказал:

— Еще раз хочу поблагодарить вас за эту услугу. Я был бы рад, если бы имел возможность быть вам чем-либо полезным...

Можно было бы тут же воспользоваться этим предложением, но, подумав, я решил, что на сегодня хватит. Луч-

ше сейчас не делать следующего шага, а просто закрепить завоеванные позиции.

— Мне ничего не нужно,— ответил я.— Вы просто мне симпатичны, и я рад вам помочь. Тем более, что фактически мне это ничего не стоит: все равно эти деньги я использовать не могу.

Мы еще посидели некоторое время, а когда Хейнеман стал прощаться, я пригласил его зайти днем, чтобы вместе пообедать.

В течение десяти дней нашей жизни в Берлине на положении интернированных посольство снабжал всем необходимым хозяин небольшой универсальной лавки, у которого мы и раньше покупали продукты. Флегматичный, толстый и ворчливый, он неизменно стоял за прилавком в грязном лоснящемся фартуке. Теперь он каждое утро приезжал к нам на своем автофургоне в коричневой форме СА. Жены сотрудников посольства организовали поварскую бригаду и под руководством повара Лакомова готовили завтраки, обеды и ужины для всех, кто оказался в посольстве. Но на этот раз Лакомов был всецело занят обедом для Хейнемана. К его приходу стол в небольшой гостиной на первом этаже был накрыт. Продукты, привезенные лавочником-штурмовиком, дополняли русские закуски. И, конечно,— коньяк, вино и пиво. Я мог не только хорошо угостить Хейнемана, но и был готов сделать ему соответствующее предложение. Об этом мы заранее посоветовались и наметили ход действий. Когда за десертом Хейнеман вернулся к утреннему разговору и вновь высказал пожелание оказать мне какую-либо услугу, я ответил:

— Видите ли, г-н Хейнеман, мне лично ничего не нужно. Но один из работников посольства, мой приятель, просил меня об одной услуге. Это чисто личное дело, и я даже не обещал, что поговорю с вами. Он, конечно, ничего не знает о наших отношениях,— успокоил я Хейнемана.

— А о чем идет речь?— поинтересовался Хейнеман.— Может быть, мы вместе подумаем, можно ли помочь вашему приятелю.

— Он подружился тут с одной немецкой девушкой, а война началась так внезапно, что он даже не успел с ней попрощаться. Ему очень хочется получить возможность хотя бы на часок выбраться из посольства, чтобы увидеть ее в последний раз. Ведь вы сами понимаете, что означает война. Эти молодые люди, возможно, больше

никогда не увидятся. Вот он и просил меня помочь. Но ведь всем нам строго запрещено покидать посольство. Видимо, придется его разочаровать...

— Надо подумать,— возразил Хейнеман.

Закурив сигарету, он задумался. Несколько минут он молчал. Затем, как бы рассуждая вслух, сказал:

— Мои ребята, охраняющие посольство, знают, что я выезжаю вместе с вами, когда надо ехать на Вильгельмштрассе. Они уже привыкли к тому, что мы выезжаем вместе. Это для них обычное дело. Вряд ли они обратят внимание, если мы посадим сзади вашего товарища, выедем в город и где-нибудь высадим его, а затем через час подберем его и возвратимся в посольство. Пожалуй, такой вариант вполне реален, как вы думаете?

Из соображений предосторожности я сперва принялся уверять Хейнемана, что ему нет смысла идти на риск из-за такого пустячного дела. В конце концов мой товарищ как-нибудь переживет разлуку, не попрощавшись со своей девушкой. Но Хейнеман все более энергично настаивал на своем плане, и в конце концов я дал себя убедить в том, что эту операцию можно осуществить.

— Если все хорошо продумать и заранее подготовить,— убеждал меня Хейнеман,— то операция пройдет благополучно.

Конечно, полной уверенности в том, что эсэсовский лейтенант искренне согласился помочь большевикам, у нас не было. Оказавшись с нами за воротами посольства, он запросто мог арестовать нас, препроводить в гестапо и поднять шум вокруг «подкупа» офицера войск СС. Надо было по-прежнему проявлять осторожность. Прощаясь с Хейнеманом, я сказал, что все еще не уверен, стоит ли осуществлять его предложение. Я пригласил обер-лейтенанта зайти вечером.

Когда Хейнеман ушел, мы стали совещаться, нужно ли идти до конца. Ведь с этим был связан большой риск, чреватый немалым политическим ущербом. В то же время перед нами открывалась возможность связаться с Москвой. После долгой дискуссии и взвешивания всех «за» и «против» было все же решено пойти на эту операцию.

Обер-лейтенант Хейнеман был, как всегда точен. Мы ожидали его вместе с одним из атташе посольства, которого и надо было вывезти в город. Когда Хейнеман вошел, я представил своего друга:

— Знакомьтесь, Саша...

Они поздоровались за руку, и Хейнеман сказал:

— Так это вас обворожила наша девушка? Что же, я рад вам помочь

Мы сели за стол. Хейнеман находился в отличном расположении духа. Он много шутил, рассказывал о своем сыне, о том, как они до войны ездили на лето в Баварские Альпы, где весело проводили время. Хейнеман то и дело подтрунивал над Сашей, вспоминая о том, как еще после первой мировой войны он, оказавшись в плену во Франции, влюбился в одну француженку, а потом должен был с ней расстаться.

— Хотя я уже и не молод,— сказал Хейнеман,— но я понимаю, что для вас означает возможность еще раз увидеться с этой девушкой.

Условившись, что проведем намеченную операцию на следующее утро в 11 часов, когда Хейнеман после обхода караула зайдет в посольство. Предусмотрели мы и такую деталь: воспользоваться автомобилем «Опель-Олимпия», чтобы не привлекать к себе внимания на улицах Берлина. Хейнеман сказал, что заранее свяжется с министерством иностранных дел, чтобы выяснить, не собираются ли меня вызвать в утренние часы на Вильгельмштрассе. Помимо обсуждения этих деталей, все выглядело так, будто речь идет о каком-то невинном пикнике. Может быть, Хейнеман и в самом деле поверил в нашу версию о девушке, а если нет, то он умело делал вид, что помогает свиданию влюбленных. Но у нас на душе все же скребли кошки. Мы распрощались с Хейнеманом довольно поздно, все еще не будучи полностью уверены в том, как он поведет себя завтра и что вообще принесет нам следующий день.

ОКНО НА ВОЛЮ

В назначенное время Хейнеман не появился. Это нас встревожило. Что будет, если он нас обманул и гестапо уже узнало о нашей с ним договоренности? Легко понять то нервное напряжение, в котором все мы находились, когда около двух часов дня у ворот раздался звонок. То был Хейнеман. Он извинился за опоздание: внезапно ухудшилось состояние здоровья его жены, и он был вынужден задержаться дома. Зато он договорился с мини-

стерством иностранных дел о том, чтобы из-за его личных дел сегодня никаких встреч на Вильгельмштрассе не назначали. Таким образом, мы можем спокойно осуществить наш план.

Мы зашли в приемную. Пока Саша угощал Хейнемана водкой, я отправился в гараж и выкатил к подъезду «опель». Хейнеман с трудом забрался на переднее сиденье рядом со мной. К тому же ему мешал болтавшийся на боку длинный палаш. В конце концов, отстегнув пряжку, он бросил палаш на заднее сиденье, где уже находился Саша. Курьер охраны распахнул ворота. Хейнеман козырнул эсэсовцам, и мы оказались на воле. Посмотрев в зеркало, я убедился, что за нами никто не увязался.

Все эти дни мы ездили только в министерство иностранных дел. Чтобы не вызвать подозрения, я и теперь повернул налево у Бранденбургских ворот и проехал несколько кварталов по Вильгельмштрассе. Затем «опель» помчался дальше по берлинским улицам. Они производили какое-то странное впечатление. Было пасмурно, но тепло и сухо. Блестели зеркальные стекла витрин, не торопясь шли прохожие, на углах продавали цветы, дамы прогуливали собак — как будто ничего не изменилось. И в то же время сознание, что на Востоке уже несколько дней бушует пожар войны, что мы находимся в логове нашего смертельного врага, налагало свою печать на казавшиеся мирными картинки Берлина.

Мы заранее условились, что высадим Сашу у большого универсального магазина КДВ (Кауфхауз дес Вестенс). Там было легко затеряться в толпе. К тому же поблизости находился вход в подземку. Спустя два часа мы должны были подобрать Сашу в другом месте, у метро «Ноллендорфплатц». Когда машина остановилась, наш пассажир быстро вышел и тут же исчез в толпе. Мы сразу же двинулись дальше и долго кружили по улицам без всякой цели. Вспомнив, что у меня кончаются лезвия для бритья, я подъехал к первому попавшемуся галантерейному магазину. Пока я выбирал лезвия, Хейнеман рассматривал роскошный помазок.

— Вот бы иметь такой! — с завистью сказал он.— Но это могут себе позволить только состоятельные люди...

Я предложил ему принять этот помазок в подарок. Он не заставил себя уговаривать и, когда я расплатился, спрятал пакетик в карман кителя.

По Шарлотенбургскому шоссе мы направились к знаменитому берлинскому «функтурму» — радиомачте. Днем в этом излюбленном месте вечерних прогулок берлинцев было обычно пустынно, и мы решили там скоротать время.

Сначала немного погуляли в парке, окружавшем радиомачту. В одном из его отдаленных уголков, около ящиков для отбросов, стояли две скамейки, выкрашенные в ядовито-желтый цвет. На спинках скамеек ярко выделялась черная буква «J» — первая буква слова «Jude». Как и во всех скверах и парках гитлеровской Германии, скамейки около мусорных ящиков были специально отведены для евреев. Когда мы с Хейнеманом прошли мимо скорбной фигуры женщины в черном, сидевшей согнув спину и опустив голову на краешек одной из скамеек, меня передернуло.

— Я вас понимаю, — тихо сказал Хейнеман.

Этот эсэсовский офицер и тут оказался белой вороной.

— Хотите я вам расскажу анекдот, который ходит сейчас в Берлине, — продолжал он, когда мы отошли подальше. — В вагоне метро сидит старушка с нашитой на груди желтой «звездой Давида». Рядом с ней место свободно. Входит немка с девочкой. Немка садится рядом со старухой, и та сразу же поднимается, чтобы уступить место арийской девочке. Девочка садится, но мать дергает ее за руку и заставляет встать.

— Как ты смеешь, Мальвина, — возмущенно говорит она. — Ведь ты взобралась на место, где только что сидела еврейка...

Некоторое время место пустует. Затем сидящий напротив пожилой рабочий поднимается и садится на место, с которого встала старуха-еврейка. Он усиленно ерзает задом по сиденью. Потом, встав, говорит, обращаясь к немке:

— Прошу покорно, сударыня, теперь ваша дочь может сесть, ничего не опасаясь. Это место опять стало чисто арийским...

— Это, кажется, даже не анекдот, а быль, — добавляет Хейнеман, смеясь...

Мы садимся за столик на террасе летнего кафе, расположенного у подножия радиомачты. Теперь Хейнеман решил проявить ко мне внимание и заказал две кружки

мюнхенского пива. Он почти все время молчал в машине после того как мы выехали из посольства — видимо, тоже нервничал. Теперь к нему вернулась болтливость, и он без умолку рассказывал всякие забавные истории из своей школьной жизни. Я слушал его рассеянно, а сам думал о том, все ли сложится благополучно у Саши.

Наконец настало время отправляться в условленное место. Подъезжая к Ноллендорфплатц, я издали увидел Сашу. Он стоял у витрины и, казалось, всецело был поглощен разложенными там товарами. Но краем глаза он следил за нами. Когда я притормозил, Саша подошел к краю тротуара, непринужденно, помахал нам рукой и, сказав несколько приветственных слов, не спеша забрался в машину. Если кто и наблюдал за ним, то должен был подумать, что произошла случайная встреча друзей. Усаживаясь на заднее сиденье, Саша крепко сжал мое плечо. У меня весело екнуло сердце — значит его миссия увенчалась успехом.

— Ну, как девушка? — спросил Хейнеман.

— Все в порядке, благодарю вас. Она так была рада меня увидеть, — последовал ответ.

Хейнеман стал отпускать какие-то шуточки, но мы слушали его невнимательно. Покружив немного по улицам, я подъехал к зданию посольства и нажал на клаксон. Ворота открылись. Оказавшись во дворе, мы вздохнули с облегчением.

В посольстве уже был приготовлен ужин на троих. Нам хотелось поскорее избавиться от Хейнемана, но все же пришлось посидеть с ним более часа и выслушивать его нескончаемые рассказы. Разрядка после нервного напряжения давала себя знать: нас охватила какая-то апатия.

Когда Хейнеман ушел, посвященные в эту операцию обсудили итоги. Она прошла успешно: нашим друзьям было передано короткое сообщение о сложившейся обстановке. Если не произойдет что-либо непредвиденное, то уже к вечеру наше послание будет в Москве. Но нам важно было знать это наверное, а также получить из Москвы подтверждение правильности нашей позиции. Поэтому было решено еще раз сделать вылазку, воспользовавшись лазейкой на волю, открытой для нас обер-лейтенантом Хейнеманом.

ТОСТ ЗА ПОБЕДУ

На следующий день я и Саша угощали Хейнемана завтраком. Он сообщил нам последние новости с фронта, циркулировавшие в имперской канцелярии и резко отличавшиеся от победных реляций, публиковавшихся немецкими газетами. В действительности положение на советско-германском фронте складывалось совсем не так, как это изображала гитлеровская пропаганда. Советские части оказывали ожесточенное сопротивление. Многие укрепленные районы, в том числе Брестская крепость, продолжали стойко держаться. Германские войска несли огромные потери. Все это, по словам Хейнемана, вызывает серьезную озабоченность в кругах имперской канцелярии.

Затем разговор зашел о нашей вчерашней вылазке в город. Хейнеман шутя спросил, не хочет ли Саша еще раз повидать свою приятельницу. Это нам и было нужно.

— Конечно, хотел бы,— сказал Саша.— Но мне неловко снова утруждать вас...

Хейнеман заметил, что хотя это и связано с некоторым риском, но еще раз, пожалуй, можно повторить.

— Если уж вы соглашаетесь,— сказал Саша,— то мне бы хотелось на этот раз иметь немного больше времени, часа три или четыре.

— Вижу, у вас, как говорят французы, аппетит приходит во время еды,— сказал Хейнеман.— Но я вас понимаю. Завтра — воскресенье, министерство иностранных дел закрыто, туда не вызовут, и весь день в нашем распоряжении. Давайте выедем часов в 10 и к обеду вернемся.

На следующее утро к назначенному часу «опель» уже стоял у ворот во внутреннем дворе посольства. Хейнеман пришел на десять минут раньше. Здороваясь с ним, я заметил, что у него на этот раз нет палаша. На широком поясе, затянутом поверх кителя, была прикреплена кобура, из которой тускло поблескивала ручка «вальтера». Мне стало не по себе. Снова возникли прежние сомнения. Надо полагать, Хейнеман и раньше имел при себе пистолет — возможно, он держал его в кармане брюк, но я его никогда не видел. Теперь же он был на виду, его можно было достать легким движением руки. Это наводило на неприятные мысли. Что, если Хейнеман решил нас поймать, что

называется, «на месте преступления»? Что, если он, едва мы выедем за ворота, вытащит свой «вальтер» и прикажет ехать в гестапо? Я бросил быстрый взгляд на Сашу. Видимо, он думал о том же. Как быть? Отказаться от поездки? Надо как-то прощупать Хейнемана, может быть, он себя выдаст?

— Что-то вы сегодня без палаша, а он вам очень идет,— заметил я, выдавливая из себя улыбку.

Хейнеман ответил непринужденно:

— Видите ли, в прошлый раз я заметил, что палаш мне мешает в маленьком «опеле». Зная, что мы сегодня снова поедем на «опеле», я решил оставить палаш дома. По уставу, если нет палаша, надо иметь на поясе пистолет...

Это нас несколько успокоило. Мы вышли во двор и расселись в машине в том же порядке, что и в прошлый раз.

Выехав за ворота, мы направились к метро на Ланштрассе. Там тоже всегда было людно. Я притормозил. Саша вышел из машины и исчез в подземке. Здесь же мы должны были встретиться без четверти два. Времени было много, и мы решили выехать на кольцевую автостраду. Остановились в лесу и, немного погуляв, вернулись в город. Хейнеман предложил куда-нибудь зайти перекусить. Остановив машину у ресторана на углу Курфюрстендам, напротив Гедехнискирхе, мы прошли в просторный зал сквозь блестящие вращающиеся двери и стали подбирать подходящий столик. Вдруг раздался возглас:

— Эй, Хейнеман! Иди сюда.

За большим столом сидело шестеро офицеров-эсэсовцев. Стол был уставлен пивными кружками. Видимо, компания сидела долго, так как на краю стола возвышалась целая стопка картонных кружочков, которые подставляют под кружки и по которым официант в конце трапезы подсчитывает количество выпитого пива. Несомненно, эта компания хорошо знала Хейнемана. Эсэсовцы махали ему, приглашая за их столик. Что же делать? Не очень-то будет приятно, если обнаружится, что вместе с Хейнеманом по Берлину разгуливает интернированный советский гражданин. Но тут я услышал торопливый шепот Хейнемана:

— Я вас представлю как родственника жены из Мюнхена. Вы работаете на военном заводе и потому не распро-

страняетесь о делах. Вас зовут Курт Хюскер. Будьте осторожны. Пойдемте..

Мы подошли к столику, где эсэсовцы — кто поднявшись во весь рост, а кто только, едва привстав со стула, приветствовали нас возгласами «Хайль Гитлер!» Хейнеман ответил им зычным голосом, а я пробормотал невнятно.

После того как Хейнеман представил меня, мы расселись и заказали всем по кружке пива. Разговор шел, конечно, о военных действиях на советско-германском фронте, о ночных налетах на Берлин, которые возобновила английская авиация. Эсэсовцы говорили об ожесточенных боях на советско-германском фронте, о сопротивлении, оказываемом советскими войсками, таком ожесточенном, какого немцы еще ни разу не встречали за всю войну. Я не сомневался, что знание языка, закрепленное за время работы в Германии, меня не подведет и был благодарен Хейнеману за его выдумку насчет военного завода в Мюнхене. Это давало мне повод больше отмалчиваться. Во всяком случае, никто из эсэсовцев не заподозрил, что я не тот, за кого себя выдаю.

Один из эсэсовцев произнес короткую речь во славу Великогермании, фюрера и немецкого оружия, закончив ее словами:

— За нашу победу...

Все встали. Я тоже поднялся и, осушая кружку, думал о нашей победе над гитлеровскими захватчиками, вероломно напавшими на мою Родину. И, ставя кружку на стол, сказал:

— За нашу победу...

Хейнеман посмотрел на часы. Нам было пора ехать. Но эсэсовцы никак не хотели нас отпускать. Мы выбрались только в два часа и пришлось выжать из маленького «опеля» все, чтобы побыстрее добраться до Уланштрассе. Саша уже ждал нас. Было видно, что он нервничает. Сев в машину, он снова пожал мне плечо, и я понял, что его вылазка и на этот раз прошла успешно. Мы без помех вернулись в посольство.

Последняя встреча с Хейнеманом произошла 2 июля, в тот день, когда мы покидали Берлин. Прощаясь, он довольно откровенно дал понять, что понимает подлинный смысл проведенной с его помощью операции.

— Возможно,— сказал он,— когда-либо случится так, что мне придется сослаться на эту услугу, оказанную мной

советскому посольству Надеюсь, что это не будет забыто...

Что потом сталось с Хейнеманом, мне неизвестно. Может быть, он погиб на войне, а может, остался невредимым и сейчас где-то доживает свой век. Может быть, он, как эсэсовский офицер, запятнал себя кровью невинных жертв на оккупированных гитлеровцами территориях и теперь скрывается от руки правосудия или уже понес заслуженную кару. А может, сумел остаться в стороне от участия в зверствах гестапо — все может быть. Но справедливости ради надо сказать, что в те дни он, пусть не совсем бескорыстно, оказал нам немалую услугу.

РЕЙС ЧЕРЕЗ ОККУПИРОВАННУЮ ЕВРОПУ

Вылазка, осуществленная с помощью обер-лейтенанта Хейнемана, дала нам возможность еще более решительно настаивать на нашей позиции в переговорах с германским министерством иностранных дел. Нажим, который продолжали на нас оказывать представители Вильгельмштрассе, оставался безрезультатным. Мы требовали эвакуации всей советской колонии, так как знали, что немецких дипломатов не выпустят из Москвы, пока наше требование не будет удовлетворено. Так проходил день за днем, а вопрос об эвакуации оставался открытым.

Когда в очередной раз меня вызвали на Вильгельмштрассе, я заметил, что чиновник протокольного отдела чем-то очень раздражен.

— Ну как, вы отобрали, наконец, тех, кому вы хотите дать возможность эвакуироваться? — спросил он резким тоном.

Я ответил отрицательно

— Напрасно вы с этим тянете. Рейхсминистр фон Риббентроп очень недоволен этим. Мы не можем допустить дальнейших оттяжек. К тому же мы заинтересованы в скорейшем выезде из Москвы персонала немецкого посольства...

Итак, подумал я, посол Шуленбург и его сотрудники никуда не выехали из Москвы. А раздражительный тон риббентроповского чиновника — еще одно подтверждение тому, что в Москве не собираются приступать к эвакуации германской колонии. Из всего этого можно было сделать только один вывод: надо держаться твердо и настаивать на своем. И я спокойно ответил:

— Никого отбирать не собираемся. Наша позиция неизменна: всем советским гражданам должен быть разрешен выезд на Родину. Ни на какую сделку мы в этом вопросе не пойдем, и если вы будете снова нас уговаривать, то зря потеряете время. Мы не тронемся с места, пока наше требование не будет выполнено.

Мой собеседник вновь стал уверять, что германская сторона на это не согласится, что в Советский Союз должно быть возвращено столько же советских граждан, сколько германских граждан находится в настоящее время в Москве. Их там 120. Следовательно, из Берлина смогут выехать тоже только 120 советских граждан. Их список советское посольство должно без промедления представить в министерство, и тогда можно будет договориться о деталях эвакуации.

Мне ничего не оставалось, как вновь повторить, что посольство придерживается своей точки зрения: все советские граждане должны вернуться на Родину. Наша обязанность — позаботиться о всех наших людях, и мы не согласимся бросить на произвол судьбы почти полторы тысячи человек. Все они находились здесь в служебных командировках в соответствии с советско-германскими соглашениями. Мы требуем отправки их на Родину.

Каждый из нас еще раз повторил свои аргументы, но мы не продвинулись ни на шаг вперед. Чиновник угрожал, что если посольство не согласится с германским требованием, то германские власти сами составят список из 120 человек, подлежащих эвакуации, и найдут способ заставить нас подчиниться.

Тут я порекомендовал немцу не забывать о том, что соответствующие меры могут быть приняты и в отношении германских представителей, находящихся в Москве. Так мы и расстались, ни о чем не договорившись.

Возвращаясь после разговора на Вильгельмштрассе, я думал о том, что дело может принять неприятный оборот и что нам нелегко будет добиться своего, особенно в условиях отсутствия постоянной связи с Москвой. Но в посольстве меня ждало приятное известие. Товарищи, слушавшие английское радио, узнали, что достигнута договоренность относительно того, что советские интересы в Германии будет представлять Швеция, а германские в Москве — Болгария. Любопытно, что чиновник протокольного отдела, безусловно, уже знавший об этой дого-

воренности, ни словом не обмолвился о ней. Может быть, он потому и оказывал на меня усиленное давление в вопросе об обмене, так как знал, что, когда посредники приступят к своим обязанностям, нам будет легче настаивать на своей позиции.

Шифры и вся секретная документация были уничтожены еще в первый день войны. По дыму, который валил тогда из труб нашего дома, несомненно, догадались об этом и германские власти. Тем не менее нельзя было исключить возможности нарушения экстерриториальности посольства и вторжения на его территорию агентов гестапо. Поэтому мы всегда были начеку. Работники посольства по очереди несли дежурство, ворота тщательно запирались, а когда у входа раздавался звонок, дежурный, прежде чем открыть дверь, смотрел из вахтерской, нет ли чего подозрительного.

Как-то ночью у ворот раздался звонок — настойчивый и непрекращающийся. Дежурный выглянул на улицу, но ничего не смог разглядеть. Он спросил: кто там? Никто не ответил, а между тем звонок продолжал дребезжать. Были подняты на ноги все руководящие работники посольства. Мы стали совещаться, как поступить. Если открыть ворота — к нам могут ворваться гитлеровцы. Не открывать — тоже невозможно. Непрекращающийся звонок переполошил всех. Во дворе посольства уже собралось много народа. Люди нервничали. Надо было как-то положить этому конец.

В итоге мы все-таки решили приоткрыть калитку в одной из створок ворот. Высунувшись на улицу, я ничего не увидел. Вокруг было тихо. Поодаль стояло несколько солдат. А рядом, прислонившись к углу ворот, дремал эсэсовец. Во сне он случайно нажал плечом на кнопку звонка. Я встряхнул его за локоть. Звонок перестал звонить, как только эсэсовец выпрямился. Я указал на его оплошность и снова закрыл калитку.

Этот небольшой трагикомический эпизод довольно показателен для атмосферы нервной напряженности, в которой мы все в то время находились. Однако за все 10 дней нашего пребывания в Берлине на положении интернированных гитлеровцы не спровоцировали против нас ни одного инцидента. Возможно, тут сыграло роль то, что германские дипломаты еще находились в Москве, и нацисты опасались ответных мер.

Но всей этой сравнительной безопасностью пользовались только дипломаты и те из советских работников, которые еще в первый день войны сумели укрыться в посольстве. Совсем по-иному гитлеровцы отнеслись к остальным советским гражданам в Германии и на оккупированных территориях. Но об этом мы узнали лишь через несколько дней.

Когда в наше посольство явился шведский посредник, мы вручили ему текст телеграммы для передачи в Москву. Там говорилось о предпринятых нами шагах с целью добиться полной эвакуации из Германии советских граждан. К вечеру был получен ответ: нам сообщали, что посольство поступило правильно, настаивая на возвращении всех советских людей, и что это должно быть осуществлено в порядке обмена не на немецкую колонию, находящуюся в Советском Союзе. Уже на следующий день, как нам сообщил шведский представитель, в нейтральной прессе появились весьма нелестные для Берлина сообщения о попытке немцев задержать часть советской колонии. Теперь уже гитлеровцам стало ясно, что придется уступить. В министерстве иностранных дел согласились, наконец, принять составленные посольством списки советских работников и членов их семей, интернированных в Германии и на оккупированных территориях. Нам сообщили также, что все они, включая и шофера, задержанного в первый день войны, будут в ближайший день-два доставлены в Берлин, где к ним будет допущен советский консул в сопровождении шведского представителя.

Действительно, через день это обещание было выполнено. Всех интернированных предъявили нам в лагере на окраине Берлина. Размещенные в бараках, окруженных колючей проволокой, они были голодны и плохо одеты, большей частью только в пижамах, в домашних туфлях, а то и босые.

Теперь мы узнали, что в ночь на 22 июня гестаповцы врывались в квартиры советских граждан, вытаскивали их прямо из постелей. Им не разрешали брать с собой ничего из вещей. Под конвоем они сразу же были отправлены в концентрационный лагерь.

Мы обеспечили интернированных советских граждан питанием, но экипировать их гитлеровцы не разрешили. Так, полуодетые, они и были погружены в общие сидячие вагоны специального состава, который, как нас заверили

немцы, должен был следовать за поездом с советскими дипломатами.

Условия в поезде интернированных были очень тяжелые. Люди терпели неудобства, прежде всего из-за страшной скученности. Один мог прилечь только тогда, когда остальные трое, располагавшиеся на этой же скамейке, стояли. Питание было крайне скудное. Из-за отсутствия теплой одежды многие простудились: временами — особенно при переезде через Альпы — в вагонах было очень холодно.

При уточнении списков на месте еще в берлинском лагере мы обнаружили трех лишних человек — женщину и двух мужчин. Они не были зарегистрированы в документах нашего консульства, их никто не знал, но все трое уверяли, что они советские граждане, работали в Германии и теперь возвращаются на родину вместе со всеми. Представитель Вильгельмштрассе тоже уверял, что эти трое прибыли в командировку в Голландию и всегда числились советскими гражданами. Они фигурировали в официальных немецких списках советских граждан, подлежащих эвакуации. Несмотря на наши протесты, они так и оставались среди интернированных советских людей. Только потом нам стало ясно, зачем понадобились немцам эти лица: при переезде через болгаро-турецкую границу все трое заявили, что они отказываются вернуться в Советский Союз. Они, дескать, «избрали свободу» и решили остаться в третьем рейхе. Гитлеровская пропаганда подняла по этому поводу невероятный шум. Газеты и радио в подробностях расписывали, как «три члена советской колонии отказались вернуться в большевистскую Россию и просят политического убежища в Германской империи».

Проглотили гитлеровскую тухлую «утку» и некоторые органы печати в нейтральных странах. Но вскоре этот пропагандистский мыльный пузырь лопнул. По прибытии в Стамбул мы сделали по этому поводу специальное заявление, разоблачив очередную нацистскую провокацию. Мы также сообщили в Москву, что речь шла вовсе не о советских гражданах, а о каких-то подозрительных субъектах, которых гитлеровцы специально нам подсунули, чтобы затем инсценировать их «побег на свободу».

Выезд советской колонии из Берлина был по соглашению, достигнутому через посредничество шведов, назна-

чей на 2 июля. Дипломаты и сотрудники посольства эвакуировались в нормальных условиях. Им был предоставлен специальный поезд из спальных вагонов с мягкими двухместными купе. Наш маршрут шел через Прагу, Вену, Белград, Софию.

Согласно договоренности обмен осуществлялся в следующем порядке: советская колония должна была перейти из Болгарии в Турцию, а немецкая — из Советского Закавказья также на турецкую территорию. Это должно было произойти одновременно и под наблюдением посредников. Но когда мы проехали Югославию и были уже на болгарской территории, представитель протокольного отдела германского МИДа барон фон Ботман (он, как и большая группа вооруженных до зубов эсэсовцев, сопровождал нас на всем пути) сообщил нам, что получил из Берлина указание производить обмен не на болгаро-турецкой, а на югославо-болгарской границе.

— Ведь Болгария,— сказал он,— не является оккупированной страной, она находится в союзе с Германией. Поэтому, переезжая Болгарию, советская колония покидает контролируемую рейхом территорию. Поскольку, однако, поезд с германскими представителями, эвакуирующимися из Москвы, еще не прибыл на советско-турецкую границу, оба состава с советскими гражданами не будут следовать дальше. Их возвращают назад, в югославский город Ниш, где они будут находиться в ожидании дальнейших указаний.

Мы заявили протест, но практически ничего не могли поделать.

Вскоре поезд остановился на каком-то полустанке, паровоз прицепили с противоположной стороны, и состав двинулся в обратном направлении. На подъездных путях всех станций к приходу нашего поезда выстраивались вооруженные эсэсовцы. Они же нас встретили и по прибытии в Ниш. Эсэсовцы, как обычно, стояли лицом к поезду, расставив ноги, в касках и с автоматами на груди. А за их спиной югославские железнодорожники потихоньку приветствовали нас, махая красными флажками.

В Нише наш состав загнали на запасной путь. Выходить из вагонов не разрешали. Вскоре мы узнали, что в Ниш прибыл и второй состав с советскими гражданами. Его пассажиров из вагонов переправили в концентрационный лагерь, расположенный в помещении старой казармы.

Только через несколько дней советскому консулу и еще двум сотрудникам посольства разрешили навестить интернированных в этом лагере. За пять дней пути люди еще больше похудели, одни были простужены, другие страдали от желудочных заболеваний. Никакой медицинской помощи им не оказывали. Только после наших настойчивых требований посольскому врачу разрешили посетить лагерь и осмотреть больных. Нам также удалось добиться некоторого улучшения питания интернированных.

ПРОБНЫЕ ШАРЫ БАРОНА БОТМАНА

В дни стоянки в Нише нас особенно беспокоило отсутствие связи с Москвой. Поскольку в Нише не было шведских представителей, мы не могли рассчитывать на их посредничество. Мы опасались, как бы по какому-нибудь недосмотру немецкая колония не была бы выпущена в Турцию. Тогда она оказалась бы на нейтральной территории, в то время как мы при переезде из Югославии в Болгарию фактически по-прежнему оставались бы в руках гитлеровцев. Болгария, будучи союзницей гитлеровской Германии, фактически находилась на положении оккупированной страны, там были размещены крупные контингенты германских войск.

Мне было поручено отправиться в вагон представителя протокольного отдела германского МИДа барона Ботмана и вновь заявить ему протест против намерения немцев произвести обмен нашей колонии на югославо-болгарской границе. Мы потребовали также, чтобы к нам из Белграда или Софии был приглашен шведский представитель, через которого мы хотели связаться с Москвой.

Барон фон Ботман — высокий, поджарый пожилой человек с моноклем в правом глазу — был чрезвычайно любезен. Выслушав меня, он сказал, что немедленно передаст наше заявление в Берлин и запросит новых инструкций. Что же касается шведского представителя, то организовать здесь с ним встречу вряд ли удастся — в Нише его нет. Нельзя ожидать, что он сможет сюда приехать из Белграда или Софии. Ботман заявил, что он лично понимает наше беспокойство, но вынужден действовать в соответствии с полученными из Берлина инструкциями. Попросив меня немного задержаться, он вынул из шкафчика бутылку рейнского и два бокала.

— Я давно искал возможность поговорить с вами, но все как-то не получалось,— сказал он, разливая вино.— Может быть, посидим немного. Все равно делать нечего...

Поскольку было ясно, что Ботман собирался мне что-то сообщить, я согласился задержаться. Стоило узнать, чем вызвана его необычайная любезность. Начал он издалека. Говорил о трудностях и сложностях нашего путешествия, убеждал, что он лично всячески старается облегчить наше положение. Он охотно помог бы и тем интернированным советским гражданам, которые едут во втором составе, но сталкивается с упорством эсэсовского офицера, который командует охраной. Поэтому ему не удалось пока что облегчить участь тех советских граждан, которые едут не в дипломатическом поезде. Затем Ботман стал говорить о последних сообщениях с фронта и сказал, что германские войска встречают сильное сопротивление со стороны советских армий. Затем он спросил:

— Могу ли я быть с вами откровенным?

— Конечно,— ответил я.

— Видите ли,— сказал Ботман,— я всегда считал, что и для Германии и для России лучше жить в мире, чем воевать. Войны между нами всегда приносили выгоду лишь другим, а наши страны от этого только теряли.

Я сказал, что придерживаюсь такого же мнения и что Советское правительство делало все, чтобы предотвратить конфликт. Агрессию совершила Германия, и на нее ложится вся ответственность.

— Не будем сейчас спорить об ответственности,— возразил Ботман.— Я хотел вам сказать о другом. В Германии есть люди, причем весьма влиятельные, которые не хотят этой войны. Сейчас, когда на фронте идут ожесточенные бои, подобные рассуждения могут показаться странными. Но в конце концов надо смотреть не назад, а вперед и думать о том, что будет дальше. Может настать такой момент, когда для обеих сторон будет лучше прекратить военные действия и полюбовно договориться...

Я повторил, что Советский Союз не несет ответственности за происходящую сейчас войну. Германия вероломно напала на нашу страну, занятую мирным трудом. И нам ничего не остается, как дать отпор захватчику. Мы уверены, что победим в этой войне, а те, кто совершил нападение на Советский Союз, горько об этом пожалеют.

Поэтому мне непонятно, о каком мирном урегулировании можно сейчас говорить.

— Видите ли,— продолжал мой собеседник,— я говорю о таком моменте, который еще не наступил, но который может произойти. Вы заявляете, что уверены в победе. А фюрер считает, что быстро справится с Советским Союзом. В то же время в Германии есть влиятельные круги, которые думают по-иному: они полагают, что ни та, ни другая сторона не сможет одержать победу. Тогда наступит момент, и, возможно, это будет не так уж нескоро, когда обе стороны сочтут целесообразным мирно урегулировать конфликт на определенных условиях. Эти германские круги хотели бы, чтобы их точка зрения стала известна в Москве...

В ответ на эти рассуждения я сказал, что, как мне представляется, никакого серьезного разговора на поднятую Ботманом тему быть не может, пока германские войска не покинут советскую территорию, а на это вряд ли сейчас можно рассчитывать. Так что разговор, который затеял Ботман, мне кажется совершенно беспредметным.

Но я, конечно, доложил руководству о пробных шарах Ботмана, и по возвращении в Москву об этом была составлена докладная записка Наркому иностранных дел.

Разговоры с бароном Ботманом на эту тему состоялись еще несколько раз за время нашего путешествия. Он вновь и вновь уверял, что не одобряет нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, и специально подчеркивал, что это не только его личное мнение, но и точка зрения влиятельных кругов в Берлине. Он повторял, что дальнейшее развитие событий на фронте может привести к такому моменту, когда для обеих сторон станет очевидной необходимость прекращения войны и мирного урегулирования, и тогда те лица, на которых ссылается Ботман, смогут оказать соответствующее влияние и сыграть свою роль.

По-видимому, Ботман действительно выполнял поручение каких-то людей в Германии. Иначе трудно объяснить те рискованные разговоры, которые он вел. Он даже осмеливался рассказывать анекдоты о гитлеровцах. Рассказал, например, такой анекдот, который, впрочем, я и раньше слышал в Берлине: Гитлер инспектирует сумасшедший дом. Выстраивают всех умалишенных, и, когда появляется фюрер, они поднимают руку в фашистском приветствии

и выкрикивают: «Хайль Гитлер!» Только стоящий в стороне человек никак не реагирует на появление фюрера. К нему подбегает разъяренный Гитлер и спрашивает, почему он не приветствует его. Тот отвечает: «Простите, но я не сумасшедший, я здешний врач».

Тот факт, что уже в первые недели войны какие-то влиятельные немцы решили через барона Ботмана пустить эти пробные мирные шары, мне представлялся весьма знаменательным.

Барон фон Ботман, несомненно, принадлежал к числу дипломатов «старой школы». Таких в германском министерстве иностранных дел осталось немало. Они исправно служили Гитлеру, были, разумеется, националистами и приветствовали победы вермахта, но в глубине души им претили введенные Риббентропом грубые методы нацистской дипломатии. Надо полагать, идеи, которые развивал фон Ботман, разделяли и многие другие политики старшего поколения, которые с большой тревогой восприняли решение Гитлера о нападении на Советский Союз. Это подтверждает, в частности, трагическая судьба бывшего германского посла в Москве графа фон дер Шуленбурга. Присутствовавший в Кремле в момент передачи Шуленбургом Советскому правительству официального объявления войны Павлов рассказывал, что Шуленбург сделал это заявление со слезами на глазах. От себя этот старый дипломат добавил, что считает решение Гитлера безумием. Позднее Шуленбург оказался причастен к неудавшемуся покушению на Гитлера и был казнен.

В НЕЙТРАЛЬНОЙ ТУРЦИИ

Простояв в Нише несколько дней, мы, наконец, снова двинулись в путь. Гитлеровцам не удалось осуществить свой маневр. Им пришлось вернуться к первоначальному варианту обмена советской колонии на болгаро-турецкой границе. Детали этого обмена мы обговорили со шведскими представителями, когда наш поезд находился в Софии.

Затем наш состав двинулся в сторону Турции, к болгарскому пограничному городу Свиленграду. Здесь мы простояли еще два дня. Спустя сутки после нашего прибытия в Свиленград подошел второй состав с членами советской колонии. Мы вновь уточнили списки, после чего пересекли турецкую границу.

В турецком городке Эдирне нас ожидали новые железнодорожные составы. Здесь же нас встречали представители советского посольства в Турции и консульства в Стамбуле. Советскую колонию приветствовал также местный губернатор. Вечером он устроил прием в честь советских дипломатов. На следующее утро из Стамбула была доставлена одежда для экипировки интернированных немцами советских граждан.

Небольшая группа дипломатов в середине дня отправилась на машинах в Стамбул, а вся советская колония выехала туда поездом.

В Стамбул мы прибыли поздно вечером. Уже стемнело, улицы были пустынны. Освещенные яркой луной блестели минареты мечетей. Остановились мы в помещении советского консульства, здание которого окружено старинным парком. Следующий день был посвящен последним формальностям, связанным с эвакуацией советских граждан на Родину. В порту стоял белоснежный теплоход «Сванетия», который служил местом кратковременного отдыха для прибывших из Германии советских граждан. Мы же — группа советских дипломатов — выехали поездом в Анкару. Прежде чем сесть в ночной экспресс, нам надо было пересечь на катере Босфор. В тот вечер водное пространство, отделяющее Европу от Азии, было спокойным. Заходившее солнце освещало воды Босфора в розовато-свинцовый цвет. По мере того как мы удалялись от берега, все выше поднимался величественный купол и минареты Айя-Софии — крупнейшей стамбульской мечети, замечательного памятника византийской архитектуры.

В Анкаре нас ждал специальный двухмоторный советский самолет...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

Сделав круг над крышами Москвы, наш самолет приземлился в Центральном аэропорту — там, где теперь находится главная вертолетная станция. Была вторая половина солнечного летнего дня. Когда затихли моторы и мы сошли по трапу на зеленую траву аэродрома, трудно было сдержать волнение. Царившая кругом тишина казалась обманчивой. Все это время мы только и думали о том, что наша страна дни и ночи ведет жесточайшую битву. А тут пахло разогретым на солнце клевером,

над полем мирно вились жаворонки. Но уже Ленинградское шоссе встретило нас грозными приметами войны. Сразу же бросился в глаза укрепленный на торце одного из зданий плакат — строгое лицо русской женщины, в поднятой руке — текст военной присяги и надпись: «Родина-мать зовет». Несколько раз наша машина обгоняла нестройно марширующие ряды ополченцев. Фасады домов причудливо раскрашены зелеными и коричневыми разводами, оконные стекла заклеены крест-на-крест полосками бумаги. Так в первые же часы Москва предстала перед нами в суровом военном облике.

Ночью всех жильцов нашего дома поднял на ноги воздушный налет. Женщины и дети поспешили в подвал, мужчины поднялись на крышу. Мои первые трофеи: две небольшие зажигательные бомбы, потушенные в ведре с песком.

На следующий день — воскресенье — с утра вызвали на работу в МИД. Надо было срочно разобрать привезенную нами дипломатическую почту. Каждый час курьер приносит из ТАССа бюллетени с сообщениями телеграфных агентств. Большинство из них касается положения на советско-германском фронте. Чувствуется, что весь мир, затаив дыхание, следит за титанической схваткой на бескрайних просторах от Баренцева до Черного моря. Перерыв удается сделать лишь вечером. Иду обедать в ресторан «Метрополь». В огромном зале полно народа. Много военных. Но в остальном все, как в мирное время.

Ночью продолжаем разбор почты. Составляем справки и записки о последних днях пребывания советской колонии в Берлине. Около полуночи снова воздушная тревога. Отправляюсь на площадь Дзержинского — там в метро оборудовано бомбоубежище. Люди, не спеша, с суровым спокойствием спускаются вниз. На платформах и путях многие уже расположились на ночлег. Больше всего пожилых людей с детьми. Тут не слышно ни выстрелов зениток, ни разрывов бомб, и дети спят спокойно.

Наконец, раздается сигнал отбоя. Возвращаюсь на работу. Небо на востоке уже заалело. Из моей комнаты на четвертом этаже здания Министерства иностранных дел на Кузнецком мосту хорошо видно, как в Замоскворечье горит какой-то дом. Черный дым столбом поднимается в розово-зеленое небо. В четыре утра отправляюсь домой. Маленький серый «Москвич»— самая первая мо-

дель советской малолитражки, только что выпущенный и совсем не похожий на современного «Москвича», мчится по пустынным улицам. Дважды нас останавливает военный патруль, проверяет документы. Несколько часов тревожного сна, и в 9 часов — снова на работу.

Из работников аппарата МИД формируется отряд ополченцев. Каждый вечер ходим в парк в Марьиной роще на военные учения. Стрелковые занятия проводим за городом. Трижды в неделю ездим на электричке за 40 километров по Ярославской дороге. Там на опушке небольшого леса — стрельбище. Лежа в окопчиках, стреляем из винтовок боевыми патронами по фанерным мишеням.

На площади Революции, напротив входа в метро, выставили на всеобщее обозрение немецкий бомбардировщик «Юнкерс». Он сбит на подступах к Москве. Видимо, упал на мягкое поле или спланировал. Самолет почти не поврежден, только немного помят фюзеляж и надломано одно крыло. Тут же несколько больших фугасных авиабомб. Они не разорвались, были обезврежены и сейчас экспонируются здесь, в центре Москвы. Прохожие останавливаются, смотрят на фашистский самолет с черными зловещими крестами. Слышатся замечания:

— Молодцы наши зенитчики, приземлили такую машину. Значит, можем мы бить гитлеровцев. Мы им еще покажем...

Но немцы не прекращают своих ночных налетов. Несмотря на упорное сопротивление наших войск, они все дальше продвигаются на Восток. В военных сводках Советского информбюро появляются новые названия городов, новые направления вражеских ударов. Фронт медленно приближается к Москве. Теперь все понимают, что война будет длительной, что предстоят долгие, долгие месяцы упорных боев.

За эти первые недели войны Москва уже многому научилась. Усилилась оборона столицы. Каждый вечер высоко в небо поднимаются на стальных тросах аэростаты заграждения. Огонь зениток заметно усилился. Команды по борьбе с зажигательными бомбами работают безотказно. Пожаров гораздо меньше. Город стал строгим, подтянутым. Он как бы олицетворяет решимость советских людей к борьбе с врагом, веру народа в конечную победу.

ТЕГЕРАН
1943

На конференции
Большой тройки
и в кулуарах

Мне хочется рассказать об одном событии, свидетелем которого мне довелось быть и которое заняло видное место в дипломатической истории второй мировой войны. Речь пойдет о состоявшейся в Тегеране осенью 1943 года Конференции руководителей трех великих держав, объединившихся в антигитлеровскую коалицию.

Никого из трех главных участников тегеранской встречи теперь уже нет в живых. Последний из них — Уинстон Черчилль, доживший до 90 лет, был в 1965 году с почестями похоронен в своем фамильном имении в Англии. К тому времени прошло более десяти лет, как он отошел от государственных дел. Рузвельт умер в апреле 1945 года, буквально накануне капитуляции гитлеровской Германии. Сталин пережил его на неполных восемь лет. Но в момент тегеранской встречи все трое находились во главе держав антигитлеровской коалиции. Мир, терзаемый небывалой войной, пристально следил за каждым их действием, вслушивался в каждое их слово. И естественно, что в дни Тегеранской конференции к ней были прикованы взоры всего человечества. Решений первой встречи Большой тройки ждали не только народы порабощенной Европы. Результатов конференции трех с тревогой ожидали и державы «оси». И от способности трех лидеров антигитлеровской коалиции совместно действовать во многом зависели в то время судьбы цивилизации, жизнь будущих поколений.

28 ноября 1943 года в Тегеране впервые встретились три человека, имена которых прочно вошли в историю: И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль. Трудно найти людей более несхожих, чем они.

Глава Советского правительства Иосиф Виссарионович Сталин — сын деревенского сапожника, профессиональный революционер, один из организаторов Октябрьского переворота, открывшего новую эру в истории человечества, автор трудов по научному социализму, руководитель первого в мире социалистического государства, того государства рабочих и крестьян, которое Черчилль тщетно пытался «задушить в колыбели» и которое правящие круги Соединенных Штатов не признавали целых шестнадцать лет.

Президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт — выходец из семьи богатых дельцов, искушенный в тонкостях управления сложной машиной американской буржуазной демократии, политик, пробившийся в ожесточенных схватках со своими беспощадными соперниками на самый высокий пост в крупнейшем капиталистическом государстве.

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль — аристократ до мозга костей, верноподданный британской короны, активный строитель колониальной империи, отпрыск древнего рода Мальборо, с рождения оказавшийся в узкой привилегированной касте потомственных правителей Британской империи.

У каждого из этих трех лидеров были свои взгляды на историю и на будущее человечества. Каждый имел свои идеалы и убеждения. Но, несмотря на все это, логика борьбы против общего врага свела их вместе в Тегеране. И они приняли там важные согласованные решения.

Многие историки считают Тегеран зенитом антигитлеровской коалиции. Мне это мнение представляется справедливым. Но путь к этой вершине был нелегок. Правящие круги Англии и Соединенных Штатов с момента нападения Гитлера на СССР проявляли сдержанность и поначалу весьма неохотно шли на военное сотрудничество с Советским Союзом. В то время как Советское правительство стремилось в наикратчайший срок установить союзнические отношения с западными державами, видя в этом залог успешной борьбы против держав фашистской «оси», Лондон и Вашингтон лишь под давлением обстоятельств включались в совместные действия против общего врага, всячески тянули с выполнением взятых на себя обязательств.

Вступление в войну Советского Союза придало ей подлинно антифашистский, освободительный характер. С героической борьбой Красной Армии люди повсюду и особенно народы Европы, изнывавшие под игом фашистского «нового порядка», связывали надежды на избавление от коричневой чумы. Уже тогда было широко распространено понимание того, что без Советского Союза ни Англия, ни Соединенные Штаты не смогли бы одержать победу над державами «оси». Более того, союз с Советской страной представлял в то время единственную возможность для Англии и США сохранить свою политическую независи-

мость и национальный суверенитет. В этом отдавал себе отчет и Черчилль, который уже 22 июня 1941 года в радиоречи заявил: «Опасность, грозящая России,— это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам...».

Понимание этого факта, в сущности, и предопределило англо-американо-советское сотрудничество в войне, создание антигитлеровской коалиции.

Не следует, однако, забывать, что западные участники этой коалиции преследовали в ходе войны свои специфические цели, без понимания которых трудно уяснить характер взаимоотношений между союзниками, а также понять мотивы, которыми лидеры Англии и Соединенных Штатов руководствовались в ряде случаев, в том числе и на Тегеранской конференции.

Политику Вашингтона предопределяло в конечном счете стремление к установлению господства США над миром (Pax Americhana), тогда как забота правящих кругов Англии состояла прежде всего в том, чтобы сохранить позиции британской мировой империи. Уже тут серьезно расходились их интересы. Но в то время обе эти державы видели главное препятствие к достижению своих целей в политике гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Они считали, что, лишь устранив этих опасных соперников, смогут закрепить и расширить сферу своего влияния. Иными словами, Англия и США — и после того, как со вступлением Советского Союза в войну, она приняла антифашистский характер — преследовали в этом конфликте свои корыстные цели.

Вместе с тем западные державы, входившие в антифашистскую коалицию, ставили и другую, первостепенную, с их точки зрения, задачу. Они стремились в ходе затяжной войны всячески ослабить Советское государство, а по возможности вообще добиться его ликвидации. Именно к этому была направлена их предвоенная политика возрождения германского милитаризма и поощрения гитлеровских амбиций. Этим же объяснялись и бесконечные оттяжки с открытием второго фронта в Европе.

Двойственность политики англо-американцев была очевидной. С одной стороны, Англия и США стремились руками Советского Союза ослабить своих главных конкурентов — Германию и Японию, а с другой — не оставляли надежды, что гитлеровской Германии, возможно, с помощью Японии удастся задушить первое социалистическое

Советское государство, что открыло бы путь для восстановления безраздельного господства капитализма на земном шаре.

Разумеется, в разгар войны официальные руководящие деятели Англии и Соединенных Штатов не осмеливались открыто высказывать свои сокровенные чаяния. Ибо тогда в их же странах общественное мнение было самым решительным образом настроено в пользу активного сотрудничества с Советским Союзом. Правительства Англии и США не могли не считаться с широким движением английского и американского народов за эффективный военный союз с СССР, за решительные совместные действия против общего врага.

Сложившаяся в годы войны антифашистская коалиция сыграла большую историческую роль в деле разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Она явилась практическим подтверждением ленинской идеи о возможности сосуществования и даже сотрудничества государств с различными социально-экономическими системами. Участие в этой коалиции Советского Союза, последовательно проводившего политику мира, выступавшего за дружбу народов и их право на самостоятельное решение своей судьбы, придало новые силы всем, кто боролся за свободу и независимость. С особой силой значение антигитлеровской коалиции подтвердили решения, принятые в Тегеране.

В этой книге значительное место отводится Сталину как одному из главных участников Большой тройки, руководителю советской делегации на Тегеранской конференции. Но пусть читатели не усматривают в этом попытку дать какую-то оценку роли Сталина вообще. Ничего похожего автор не имел, да и не мог иметь в виду, тем более, что рассматривается весьма ограниченный отрезок времени — Тегеранская конференция продолжалась всего 4 дня. Не имел автор в виду и давать всестороннюю характеристику участников этой встречи или рисовать их политические портреты. Эта книга — не историческое исследование. Она не претендует и на то, чтобы дать исчерпывающий анализ Тегеранской конференции и вопросов, на ней обсуждавшихся. Скорее ее следует рассматривать как воспоминания очевидца тех знаменательных событий, выполнявшего к тому же весьма скромную работу переводчика.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗ МОСКВЫ В БАКУ

Переписка между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем об их встрече велась на протяжении длительного времени. Все трое признавали необходимость и важность личной встречи. К тому времени, о котором идет речь, то есть к осени 1943 года, в ходе войны против гитлеровской Германии наметился явный поворот в пользу союзников. Поэтому уже не только военные, но и политические соображения диктовали настоятельную необходимость встречи трех лидеров антигитлеровской коалиции. Надо было обсудить и согласовать дальнейшие совместные действия для ускорения победы над общим врагом, обменяться мнениями относительно послевоенного устройства.

В общем, все были за такую встречу. Однако серьезные трудности представлял вопрос о том, где она должна произойти. Сталин предпочитал провести конференцию поближе к советской территории. Он ссылался на то, что активные военные операции на советско-германском фронте не позволяют ему, как верховному главнокомандующему, надолго отлучаться из Москвы. Это был, конечно, веский аргумент. Рузвельт, в свою очередь, ссылался на американскую конституцию, не позволявшую ему, как президенту, длительное время отсутствовать в Вашингтоне. Скорее всего тут, однако, играли роль соображения престижа. Зато Черчилль, до того уже побывавший в Москве, изъявил готовность встретиться в любом месте.

Вернувшись в конце ноября в Москву из кратковременной командировки, я узнал, что этот спорный вопрос

решен, местом встречи избран Тегеран, а советская делегация уже отбыла из Москвы поездом.

Советское правительство предложило устроить встречу в Тегеране, учитывая то, что там находились советские войска, введенные в Иран в соответствии с Договором 1921 года в целях пресечения подрывной шпионско-диверсионной деятельности германской агентуры в Иране. В южную часть страны были введены английские войска для обеспечения англо-американских поставок, шедших из Персидского залива в Советский Союз. Охрана участников Тегеранской конференции обеспечивалась главным образом силами советских войск и органов безопасности. После некоторых колебаний Рузвельт согласился приехать в Тегеран.

В то время я был в ранге советника и занимался советско-американскими отношениями в наркомате иностранных дел. Поскольку я хорошо владел английским языком, мне поручили выполнять роль переводчика на тегеранской встрече. Чтобы догнать нашу делегацию, пришлось воспользоваться самолетом. Все выездные документы были уже оформлены, и в ночь на 27 ноября я вылетел из Москвы. Вместе со мной ехал отставший от делегации ее эксперт по ближневосточным проблемам профессор А. Ф. Миллер.

На шоссе, ведущем к аэродрому, бушевала вьюга. Ночь была темная — хоть глаз выколи,— и большой неуклюжий «ЗИС-101» медленно пробирался вперед. По строгим правилам затемнения фары заклеивались черной тканью. Слабый свет, пробиваясь через узкие прорези, едва освещал небольшой участок проезжей части. Шофер, прижавшись к ветровому стеклу, внимательно всматривался в край дороги, стараясь не угодить в кювет. Машину то и дело приходилось останавливать. Шофер вылезал из кабины, протирал снаружи стекло, залепленное снегом: «дворники», которые, судорожно вздрагивая, ерзали по стеклу, не могли справиться с напором снежинок.

В темноте никак нельзя было разобрать, далеко ли еще до аэродрома. Но вот машина осторожно свернула с главного шоссе направо, потом налево, и из-за большого сугроба появился серый куб затемненного здания Внуковского аэропорта. Когда «ЗИС» остановился у подъезда, до отлета оставалось всего 15 минут.

Внутри аэровокзала было светло и, несмотря на ночное

время, шумно и людно. Оформив документы, мы вышли на летное поле. Здесь уже прогревал моторы грузовой «Дуглас». Винты гнали снежинки, которые, как иглы, впивались в лицо. По приставной железной стремянке забрались внутрь. Половина кабины была заставлена какими-то ящиками. Только впереди было посвободнее. Прикрепленную к шпангоутам откидную железную скамью покрыл иней. Сидеть было холодно. Спина упиралась в обледенелый металлический корпус. После взлета включили отопление. Но от этого не стало лучше: горячий воздух шел сверху, голове было жарко, а ноги трясло, как в лихорадке.

Летели, как было принято во время войны, низко, над самым лесом: остерегались немецких истребителей. В кабине свет не включали, и в иллюминатор можно было разглядеть заснеженные поля и темные перелески. Под утро сделали посадку на каком-то военном аэродроме в степи. Пополнили баки бензином и отправились дальше. Внизу появились солончаки. Снега тут почти не было. Однообразно тянулись песчаные холмы с пучками сухой травы. К середине дня к нам вышел командир корабля и сказал:

— Через несколько минут пройдем над Сталинградом. Летим низко, и вы сможете увидеть, что осталось от города...

Мы молча приникли к иллюминаторам. Сначала появились разбросанные в снегу домики, а потом вдруг начался какой-то фантастический хаос: куски стен, коробки полуразрушенных зданий, кучи щебня, одинокие трубы. Все это черно-белыми зигзагами вздымалось над снежной пустыней. Еще не прошло и года, как здесь бушевал смерч войны, оставивший после себя мертвые руины. Но уже можно было различить первые признаки жизни. На снегу виднелись черные фигурки людей, кое-где высились новые здания. Город возрождался, в нем начинал биться пульс жизни. Но вот кончились пределы Сталинграда, и снова под нами потянулся унылый, безжизненный пейзаж. То здесь, то там виднелись ржавые скелеты немецких танков и автомашин. Я отвернулся от иллюминатора, поднял воротник пальто, поджал под себя ноги в тщетной надежде согреться и задремал.

В Баку прилетели поздно вечером. Здесь было тепло. На аэродроме нас встречали дипломатический агент МИДа в Азербайджане и представители местных властей.

В город ехали на старом темно-синем «шевроле» дипагента. Узкое шоссе пролегало сквозь лес вышек, в воздухе разливался теплый и какой-то уютный запах сырой нефти. Он вселял чувство спокойствия, довольства, даже безмятежности. Но все знали, что бакинцы работают напряженно, день и ночь, чтобы обеспечить страну горючим, столь необходимым для победы. Они с честью справлялись со своей задачей. В самые тяжелые дни войны, когда гитлеровцы подошли к Волге и предгорьям Кавказа, бакинская нефть бесперебойно шла на нужды фронта и тыла.

Разместили нас в гостинице «Баку» в номере со всеми удобствами и с горячей водой, что было особенно приятно. В Москве в первые годы войны даже здание МИДа не отапливалось. Работали мы в пальто, а ночевали в подвале мидовского здания на Кузнецком мосту, который служил и убежищем во время воздушных налетов. Но там было ужасно холодно, и перед сном мы соскабливали иней с кирпичных стен.

РАЗГОВОР С ВОСТОКОВЕДОМ

В Баку мы остались на ночь и рано утром должны были вылететь в Тегеран. После пронизывающего холода в самолете было приятно принять горячую ванну. Побрившись, спустились в ресторан поужинать. Нас поразило, что тут без карточек можно было заказать закуски, шашлык и другие блюда, перечисленные в объемистом меню, Метрдотель объяснил, что транспортные трудности не позволяют вывезти из Закавказья производимые тут продукты. Хранить их длительное время также невозможно — мало холодильников. Поэтому в ресторанах все выдается без карточек. Сравнительно недороги продукты и на колхозном рынке, так что население в Закавказье не испытывает недостатка в питании. После этого разъяснения мы с Анатолием Филипповичем Миллером с чистой совестью принялись за ужин.

Это было мое первое знакомство с профессором А. Ф. Миллером. Правда, я и раньше слыхал о нем, как о видном востоковеде, читал его работы. В пути мы почти все время молчали. Теперь разговорились. Анатолий Филиппович рассказал, что только накануне узнал о своей поездке и о том, что в Тегеране состоится встреча глав

правительств трех держав. И он толком не знал, какая роль ему там предназначается.

— По-видимому,— рассуждал Миллер,— не обойтись без проблемы Турции. Восток и в особенности турецкие проблемы — моя специальность. Пожалуй, в этой связи я могу быть полезен.

Я согласился, что предположения профессора, видимо, правильны.

Миллер продолжал:

— Для нас сейчас было бы выгодно, если бы Турция вступила в войну на стороне антифашистской коалиции. Трудно, конечно, сказать, в какой мере турецкая армия готова к активным военным действиям, но дело даже не в этом. Мне кажется, что самый факт объявления Турцией войны Германии имел бы немалое политическое и стратегическое значение. Это сделало бы уязвимыми позиции гитлеровцев на Балканах. Союзники могли бы воспользоваться турецкой территорией для создания своих баз, особенно авиационных, с которых можно было бы подвергать бомбежке немецкие позиции в районе Эгейского моря и на Балканах. Хотя это будет не так-то легко, все же можно попытаться побудить Турцию вступить в войну.

— Вы так думаете? — спросил я.

Миллер немного помолчал, взял бутылку, в которой еще оставалось немного вина, долил в рюмки. Отхлебнув, провел языком по верхней губе. Потом не спеша ответил:

— Полагаю, что турки все еще не уверены, проиграет ли Гитлер. Они боятся просчитаться. Думаю, история признает, что нейтралитет Турции сыграл свою положительную роль в этой войне. Но ее нейтралитет имел различные нюансы. Когда в 1941, а затем летом 1942 года гитлеровцы глубоко вклинились в нашу страну и даже подошли к Кавказу, турки старались делать так, чтобы их нейтралитет был больше приятен немцам, чем нам. Вспомните хотя бы дело Павлова и Корнилова...

Сейчас, вероятно, уже мало кто помнит о деле Павлова и Корнилова, но тогда оно наделало много шума. Эта история была весьма показательна для позиции Турции. В первые недели войны гитлеровской Германии против Советского Союза Турция всячески подчеркивала свой строгий нейтралитет. Это было, в частности, видно и по отношению турецких властей к советской колонии, возвращавшейся

из Германии в июле 1941 года на родину через Турцию. Ей были оказаны все знаки внимания.

Стоит также отметить, что в то время германские военные летчики, совершавшие вынужденную посадку на территории Турции, сразу же интернировались. Турецкая пресса давала сравнительно объективную картину обстановки на советско-германском фронте.

Турки, надо полагать, очень опасались германского вторжения. Для таких опасений были веские основания. В первые дни войны в руки советских войск попали оперативные карты и детальные планы германского нападения на Турцию. Советская пресса опубликовала эти «сверхсекретные» гитлеровские документы, а советский посол в Анкаре Виноградов подробно информировал об этом турецкое правительство.

В те дни генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел Нумал Менеменджиоглу часто приходил к Виноградову «поиграть в шахматы». Неторопливо передвигая фигуры, Менеменджиоглу не упускал случая подчеркнуть решимость Турции соблюдать строжайший нейтралитет, а в случае необходимости даже защищать его с оружием в руках. Но по мере продвижения германских войск в глубь советской территории позиция Анкары стала меняться.

Стало известно, что интернированные в Турции германские летчики потихоньку возвращаются в рейх. Турецкая пресса все шире воспроизводила геббельсовскую пропаганду, отводила все больше места победным реляциям гитлеровского верховного командования. Кульминационным пунктом тенденции к заигрыванию с гитлеровским рейхом и было пресловутое «дело Павлова и Корнилова».

Все началось с того, что 24 февраля 1942 года на бульваре Ататюрка в Анкаре, неподалеку от здания германского посольства, взорвалась бомба. Каждый, кто хоть немного знал повадки нацистов, без труда распознал в этом взрыве их грубую провокацию. Но турецкие власти тогда сделали вид, что не понимают этого. Более того, они подхватили сфабрикованную Берлином версию, согласно которой «красные агенты» будто бы пытались совершить покушение на германского посла в Турции фон Папена. В подтверждение геббельсовской версии турецкая полиция арестовала двух советских граждан — Павлова и Корнилова, предъявив им вздорное обвинение. Су-

дебный процесс длился с 1 апреля по 17 июня 1942 года. Турецкая и гитлеровская пресса подняла вокруг него невероятную шумиху. Павлов и Корнилов блестяще и стойко защищали себя (для консультаций и организации их защиты в Анкару был послан советский следователь и криминалист Лев Шейнин). С первых же дней процесса стало ясно, что оба они абсолютно непричастны к взрыву на бульваре Ататюрка. Но турецкие власти осудили их на 20 лет тюрьмы каждого. При этом в Анкаре пеклись вовсе не о торжестве правосудия, а старались угодить гитлеровцам, имевшим в то время успехи на советско-германском фронте.

Когда германское продвижение в глубь Советского Союза застопорилось и советские войска стали гнать гитлеровцев на запад, а в особенности после разгрома армии фельдмаршала Паулюса под Сталинградом анкарские политики стали менять тон. Они давали понять, что дело Павлова и Корнилова может быть пересмотрено (8 августа 1944 года Павлов и Корнилов были освобождены из анкарской тюрьмы). Турецкое правительство заявляло, что хотело бы улучшить советско-турецкие отношения. К осени 1943 года, после летних поражений Германии и освобождения Киева, турки все более заигрывали и с нашими западными союзниками, давая понять, что их симпатии на стороне антигитлеровской коалиции.

Казалось, существовала реальная возможность вступления Турции в войну на стороне союзников. Но в действительности это произошло гораздо позже.

ПАССАЖИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АВИАЛИНИИ

На рассвете мы снова отправились через заросли нефтевышек на аэродром. День обещал быть хорошим. Безоблачное небо уже блестело на востоке яркими красками. У аэровокзала нас ждал самолет, пожалуй, единственной в то время советской международной авиалинии Баку — Тегеран. Она обслуживалась двухмоторными самолетами, отлично оборудованными внутри. В звуконепроницаемом салоне стояли в два ряда мягкие удобные кресла с высокими спинками, сверху затянутыми белоснежными чехлами. Команда состояла из военных летчиков, облаченных

в парадную офицерскую форму с блестящими золотыми погонами. Они казались особенно нарядными, так как в Москве командный состав носил полевые зеленые погоны с едва заметными знаками различия.

Изящная отделка самолета, парадная форма экипажа, лучи солнца, мягко струившиеся сквозь иллюминаторы,— все это создавало праздничное настроение. Вскоре после того как машина поднялась в воздух, к нам в салон (кроме нас с Миллером было еще четверо военных) вошел один из членов экипажа, который, выполняя роль стюардессы, рассказал, на какой высоте и с какой скоростью мы летим, какая за бортом температура, когда прибудем в Тегеран. Немного позже он снова появился, неся поднос с шестью чашечками черного кофе. После вчерашнего дня в обледенелом, холодном самолете все это казалось сказкой.

Сначала летели вдоль побережья Каспийского моря, потом над бурыми горными складками Иранского Азербайджана, миновали Тавриз, окруженный россыпью глинобитных домиков. Солнце ярко освещало все вокруг, и под нами на многие десятки километров лежала иранская земля. В полдень мы уже подлетели к Тегерану, который с птичьего полета выглядел очень красиво. Правильные квадраты городских кварталов, большие зеленые массивы, проспекты, отороченные кромкой деревьев,— вся эта картина как-то не вязалась с моим представлением об этом восточном городе, имевшем, как казалось с воздуха, вполне европейский вид. Впрочем, минареты мечетей весьма убедительно напоминали о том, в какой части света мы находимся. Слева от раскинувшегося в долине города виднелся горный массив. Это — дачный район иранской столицы. Здесь расположены загородная шахская резиденция и виллы местной знати.

Выйдя из самолета на тегеранском аэродроме, мы внезапно очутились как бы в разгаре лета. Прогретый солнцем воздух ласкал лицо. После заснеженной Москвы необычно выглядели деревья с пышной листвой. Пришлось спешно снять не только пальто, но и пиджак, расстегнуть ворот рубашки.

С аэродрома нас повезли на военном «виллисе» по пыльным улицам, которые выглядели далеко не столь привлекательно, как с птичьего полета. Правда, центральная часть города была более современной. Наконец машина въехала в усадьбу советского посольства. Некогда эта

усадьба, как мне потом рассказали, принадлежала богатому персидскому вельможе. С того времени тут и сохранился обширный тенистый парк с огромными кедрами, живописными ивами, отражающимися в прудах, и могучими платанами, в узловатых корнях которых освежающе журчал арык.

Познакомился я с Тегераном в один из последующих дней, но хочу сразу же рассказать о своих впечатлениях.

УТРО ВОСТОЧНОГО ГОРОДА

В тот день я встал пораньше, чтобы воспользоваться несколькими часами, остававшимися до заседания, для осмотра города.

Солнце еще только поднялось из-за холмов, окаймляющих иранскую столицу. В посольском парке под кронами старинных деревьев царил прохладный зеленый сумрак, но за воротами, на улице было светло и даже припекало. Вдоль тротуара тянулся арык, по которому струилась мутная вода. Едва тронутые осенним золотом платаны отбрасывали длинные тени.

Было пустынно, попадались лишь редкие прохожие. Не зная города, я шел наугад по направлению к центру. Улицы становились все более людными. Здесь уже совершали утренний моцион состоятельные жители столицы: нарядные изящные женщины в темных очках, закрывавших почти половину лица,— мне подумалось, что это своеобразная ультрамодная паранджа. Впрочем, в отличие от многих пожилых персиянок, кутавшихся в просторные черные одежды, эти модницы щеголяли в цветастых платьях, плотно обтягивающих фигуры. Их сопровождали не менее модно одетые солидные господа с густо набриолиненными и гладко зачесанными волосами. Массивные кольца на руках мужчин, дорогие серьги, ожерелья и браслеты, украшавшие женщин,— все это как бы выставлялось напоказ, символизируя довольство и богатство, особенно кричащие в этом городе, где рядом давала себя знать нищета. Даже в этих богатых кварталах часто попадались оборванные люди, нищие вымаливали подаяние.

Выйдя на центральную площадь, я свернул в сторону рынка. Его близость чувствовалась. Мимо роскошных лимузинов медленно плелись тощие, тяжело навьюченные

ослики. На них крестьяне из окрестных деревень доставляли в город для продажи овощи, фрукты и другие дары земли. На тротуаре, прислонившись к стене, рядком сидели уличные писцы, которые за сходную плату тут же сочиняли для неграмотных крестьян жалобы и прошения.

Площадь, на которую я попал, называлась Туп-Хане; рядом с ней находится самый крупный крытый базар страны «Эмир». Он состоит из нескольких обширных помещений, соединенных множеством высоких узких коридоров. Через небольшие отверстия в сводчатых потолках с трудом проникает дневной свет. По обе стороны коридоров множество мелких лавчонок.

Базар раскинулся на огромной территории. Он имеет свои мечети, бани, мусульманские духовные семинарии — медресе. Тут же помещаются и всевозможные кустарные мастерские. Они оглушают перестуком молотков чеканщиков, звоном медной посуды. Сюда же вплетаются выкрики зазывал лавок и харчевен. Ноздри щекочут пряные запахи, дым от поджариваемой тут же на углях баранины, ароматы фруктов, сложенных в огромные пирамиды.

Тегеранский базар — это не только чрево иранской столицы, но и важный барометр политической и экономической жизни страны. Он чутко откликается на все события. Подобно тому как в Нью-Йорке прислушиваются к Уолл-стриту, в Тегеране говорят: «Базар не возражает... базар волнуется... базар против...»

Вернувшись за ограду посольства, я сразу же окунулся в безмолвный зеленый сумрак.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИЗ РОВЕНСКИХ ЛЕСОВ

Пожалуй, трудно было найти место более подходящее для секретных переговоров трех лидеров военного времени, чем усадьба советского посольства в Тегеране. Здесь ничто не могло помешать их работе, сюда не доносился шум восточного города. Обширная усадьба обнесена каменной стеной. Среди зелени парка разбросано несколько зданий из светлого кирпича, в которых разместилась советская делегация. Главный особняк, где обычно помещалась канцелярия посольства, был оборудован под резиденцию президента США Рузвельта.

Вопрос о том, чтобы американский президент остановился на время конференции в советском посольстве, заранее обсуждался участниками тегеранской встречи. В конечном счете его решили, исходя из соображений безопасности. Американская миссия в Тегеране находилась на окраине города, тогда как советское и английское посольства непосредственно примыкали друг к другу. Достаточно было с помощью высоких щитов перегородить улицу и создать временный проход между двумя усадьбами, чтобы весь этот комплекс образовал одно целое. Таким образом обеспечивалась безопасность советских и английских делегатов, поскольку вся территория надежно охранялась. Если бы Рузвельт остановился в помещении миссии США, то ему и другим участникам встречи пришлось бы по нескольку раз в день ездить на переговоры по узким тегеранским улицам, где в толпе легко могли бы скрываться агенты третьего рейха.

Имелись сведения, что гитлеровская разведка готовит покушение на участников тегеранской встречи. В 1966 году небезызвестный головорез Отто Скорцени, которому Гитлер доверял наиболее ответственные диверсии, подтвердил, что он имел поручение выкрасть в Тегеране Рузвельта. Эту операцию гитлеровцы готовили в глубокой тайне.

В то время в Тегеране мало кто знал, что важные сведения о готовившейся диверсии против глав трех держав поступили из далеких ровенских лесов, где в тылу врага действовала специальная группа под командованием опытных советских чекистов Дмитрия Медведева и Александра Лукина. В эту группу входил и легендарный разведчик Николай Кузнецов, осуществивший немало смелых операций в районе оккупированного нацистами города Ровно. Зная в совершенстве немецкий язык, Кузнецов отлично играл роль оберлейтенанта вермахта Пауля Зиберта. Гитлеровцы долгое время не подозревали, что за вылощенной внешностью высокого, всегда подтянутого офицера-фронтовика скрывается советский разведчик. В конце концов фашисты все же напали на след Кузнецова, и он вместе с двумя своими товарищами был убит в перестрелке 1 апреля 1944 года.

В недавно вышедших воспоминаниях Александр Лукин рассказывает, как Николай Кузнецов, он — же Пауль Зиберт, расположил к себе приехавшего в Ровно штурмбанфюрера СС фон Ортеля и выведал у него важную

тайну. Началось с того, что фон Ортель сам предложил Зиберту перейти на службу в СС, где легко сделать карьеру. Когда Зиберт и фон Ортель снова встретились в ресторане при офицерском казино в Ровно, фон Ортель напомнил о своем предложении и пообещал в скором времени познакомить Зиберта с Отто Скорцени, вместе с которым ему, фон Ортелю, предстояло выполнить какую-то важную операцию. Кузнецову не пришлось долго допытываться, о чем идет речь. Размякший от коньячных паров фон Ортель все выболтал.

— Вскоре я отправляюсь в Иран, мой друг,— доверительно шепнул он...— В конце ноября там соберется Большая тройка. Мы повторим прыжок в Абруццо! Только это будет дальний прыжок! Мы ликвидируем Большую тройку и повернем ход войны. Мы сделаем попытку похитить Рузвельта, чтобы фюреру легче было сговориться с Америкой... Вылетим несколькими группами. Людей готовим в специальной школе в Копенгагене...

Упомянув Абруццо, фон Ортель имел в виду проведенную Отто Скорцени по указанию Гитлера операцию по спасению Муссолини. После того как в июле 1943 года фашистский режим в Италии потерпел крах, Муссолини был арестован и доставлен под усиленной охраной в горный туристский отель «Кампо императоре», расположенный в труднодоступной местности близ местечка Абруццо. Новый итальянский премьер-министр маршал Бадольо изъявил готовность вести с англо-американцами переговоры о выходе Италии из войны. Это взбесило Гитлера, и он решил во что бы то ни стало выкрасть Муссолини, чтобы с его помощью заставить итальянцев продолжать сопротивление хотя бы в северной части страны. Добраться в отель «Кампо императоре» снизу можно было только по подвесной дороге, подступы к которой бдительно охранялись. Другой путь был с воздуха. Его и избрала гитлеровская секретная служба.

Осуществление операции Гитлер возложил на штурмбанфюрера СС Отто Скорцени. У него на счету было уже немало диверсий и кровавых операций. Убийство в 1934 году австрийского канцлера Дольфуса, арест во время «аншлюса» Австрии президента Микласа и канцлера Шушнига, зверские расправы над мирными жителями Югославии и Советского Союза — все это дело рук Скорцени и его банды.

Скорцени пользовался особой благосклонностью Гитлера и быстро продвигался по служебной лестнице. К 1943 году он был уже секретным шефом эсэсовских террористов и диверсантов в VI отделе Главного управления имперской безопасности. Он пользовался особым доверием главаря СД кровавого палача[1] Эрнста Кальтенбруннера.

Поручая Скорцени осуществить операцию «Дуб» — вызволение Муссолини, Гитлер не ошибся в выборе. Несмотря на все сложности обстановки, Скорцени добился своего. Вместе с группой, состоявшей из 106 опытных диверсантов, Скорцени на планерах особой конструкции неожиданно приземлился возле отеля «Кампо императоре», обезоружил растерявшуюся охрану, освободил «дуче» и на специальном самолете «Физелер Шторьх» вывез его в Германию. Геббельсовская пропаганда выжала из «операции Абруццо» все, что можно. Вокруг имени Скорцени поднялась невероятная шумиха. Его окружили ореолом мистической легенды, превозносили как идола германской расы.

Неудивительно, что когда разрабатывался план диверсии против участников Тегеранской конференции, окрещенный кодовым названием «Дальний прыжок», выбор снова пал на Скорцени. Но тут любимцу Гитлера удача изменила.

Узнав от фон Ортеля о готовящейся диверсии, Кузнецов поспешил в отряд Медведева. Там была составлена радиограмма, которая вместе со сделанным Кузнецовым словесным портретом фон Ортеля сразу же полетела по эфиру в Москву. Эта радиограмма подтверждала аналогичную информацию, полученную советской разведывательной службой из других источников. Немедленно были приняты необходимые меры, чтобы обезвредить нацистских диверсантов. Но все же надо было соблюдать величайшую бдительность и осторожность, чтобы обезопасить участников тегеранской встречи, поскольку нацисты могли иметь и другие варианты покушения.

В то время иранская столица кишмя кишела беженцами из разоренной войной Европы. Это были, главным образом, состоятельные люди, стремившиеся избавить себя от неудобств ограничений, а главное от опасности войны. Они сумели перевести изрядную часть своих капиталов

---

[1] СД — служба безопасности.

в Тегеран и жили там вольготно. Их можно было видеть в роскошных автомобилях на улицах города, в дорогих ресторанах и магазинах.

Тогда как в большинстве стран, участвовавших в войне, не говоря уже об оккупированных гитлеровцами территориях, люди терпели всевозможные лишения, в невоюющих государствах лица, обладающие капиталами, могли иметь фактически все, что им вздумается. Тегеранский рынок поражал в те скудные годы богатством и разнообразием товаров. Их какими-то неведомыми путями доставляли сюда со всех концов света. Торговцы запрашивали баснословные цены. Хотя война непосредственно не захватила Иран, она привела к сильнейшей инфляции: цена мешка муки превысила средний годовой доход иранца. Но в Тегеране в то время находилось немало людей, которые сорили деньгами и жили в свое удовольствие.

Среди массы беженцев было и множество гитлеровских агентов. Широкие возможности для них в Иране создавались не только своеобразными условиями этой страны, но и тем покровительством, которое в последние годы оказывал немцам старый Реза-шах, открыто симпатизировавший Гитлеру. Правительство Реза-шаха создало для немецких коммерсантов и предпринимателей весьма благоприятную обстановку, которой в полной мере воспользовалась гитлеровская разведка, насадив в Иране своих резидентов. Когда же после начала войны в Иран хлынула волна беженцев, гестапо воспользовалось этим, чтобы усилить свою агентуру в этой стране, игравшей важную роль как перевалочный пункт для англо-американских поставок в Советский Союз. И не случайно престарелому Реза-шаху пришлось отречься от престола и ретироваться в Южную Африку, прежде чем создались условия для дружественных отношений между Ираном и участниками антигитлеровской коалиции.

Но и после этого гитлеровская агентура продолжала тайно действовать в Иране, и это делало вполне реальной опасность всякого рода провокаций. Гитлеровцы заранее позаботились о том, чтобы сохранить в Иране свою тайную агентуру. Ею руководили опытные офицеры секретной службы. Один из них, Шульце-Хольтус, занимая пост германского генерального консула в Тавризе, в действительности был резидентом «абвера» (военной разведки). Когда правительство Ирана приняло решение о вы-

сылке из страны представителей гитлеровской Германии, Шульце-Хольтус не репатриировался вместе с другими немецкими дипломатами. Он скрылся и на протяжении нескольких лет жил на нелегальном положении.

Отрастив бороду, покрасив ее хной и напялив одежду муллы, Шульце-Хольтус рыскал по стране, вербуя агентов в среде местных реакционеров. Летом 1943 года, когда Шульце-Хольтус обосновался у кашкайских племен в районе Исфагани, к нему была сброшена группа парашютистов с радиопередатчиком, что позволило Шульце-Хольтусу установить двустороннюю радиосвязь с Берлином. Это были люди из специальной школы Отто Скорцени. Они привезли с собой большое количество оружия, взрывчатку и золотые слитки для подкупа местной агентуры.

Шульце-Хольтус поддерживал также контакт с тайным гестаповским резидентом, орудовавшим в районе Тегерана. Это был некий Майер из СД. Уйдя в подполье одновременно с Шульце-Хольтусом, Майер в течение трех месяцев скрывался на армянском кладбище в Тегеране: преобразился в иранского батрака и работал могильщиком. Потом, развернув целую шпионскую сеть, Майер подстрекал кочевые племена Ирана к восстаниям против центрального правительства, организовывал диверсии и акты саботажа. Он поддерживал радиосвязь с Берлином, и незадолго до Тегеранской конференции к нему, в район иранской столицы, были сброшены шесть парашютистов-диверсантов.

Все эти, ставшие теперь известными, факты говорят о том, что Тегеран был одним из центров шпионской сети держав фашистской «оси» на Среднем Востоке. Когда речь зашла о необходимости принятия серьезных мер для обеспечения безопасности Большой тройки, представитель американской секретной службы Майкл Рейли также разделял убеждение советской разведки. Он, в свою очередь, отметил, что, несмотря на все предосторожности и уже принятые меры, среди тысяч беженцев, нахлынувших в Тегеран из Европы, остались еще десятки нацистских агентов.

В СОВЕТСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Рузвельт вначале отклонил приглашение остановиться в советском посольстве. Он объяснял, что чувствовал бы себя более независимым, не будучи чьим-то гостем. Кроме

того, он уже раньше отклонил приглашение, полученное от англичан, и мог теперь обидеть их, приняв приглашение русских. Но в конечном счете соображения удобства, а главное, безопасности всех участников встречи побудили его согласиться. Это обстоятельство американцы особенно подчеркивали. Они ссылались, в частности, на посла США в Москве Аверелла Гарримана, который, помимо всего прочего, указал Рузвельту на то, что случись что-либо с английским или советским представителями на пути в американскую миссию, президент сам счел бы себя ответственным, если бы отклонил предложение русских.

Приняв предложение поселиться в советском посольстве, президент США, судя по всему, потом не жалел об этом. Большое удобство для Рузвельта, которому из-за болезни[1] было трудно передвигаться, состояло также и в том, что его комнаты выходили прямо в большой зал, где происходили пленарные заседания конференции.

Вернувшись в Вашингтон, президент Рузвельт сделал 17 декабря 1943 года на пресс-конференции специальное заявление о том, что он остановился в Тегеране в советском посольстве, а не в американском, поскольку Сталину стало известно о германском заговоре. Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор с целью покушения на жизнь всех участников конференции. Он просил меня остановиться в советском посольстве с тем, чтобы избежать необходимости поездок по городу.

Президент заявил далее, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана, поскольку советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием примерно в полтора километра.

С нашей стороны сделали все, чтобы пребывание американского президента в советском посольстве было удобным и приятным. В апартаментах Рузвельта американцы могли распоряжаться по своему усмотрению. Питанием президента, как обычно, ведали его собственные повара и

[1] Ф. Д. Рузвельт страдал параличом обеих ног.

официанты — филиппинцы, состоявшие на службе в военно-морском флоте США, но всегда находившиеся при Белом доме и прибывшие в Тегеран вместе с Рузвельтом.

Остальные члены американской делегации, а также технический персонал жили в миссии США и каждый день приезжали оттуда на заседания.

Советская делегация в составе И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова разместилась неподалеку от главного здания в небольшом двухэтажном особняке — квартире советского посла в Иране.

Для технического персонала советской делегации было отведено помещение, где в прошлом находился гарем персидского вельможи. Одноэтажный дом в виде вытянутого прямоугольника обрамляла терраса с мавританскими колоннами. Каждая из многочисленных комнат имела две двери: на террасу и во внутренний длинный коридор. Перед зданием был квадратный бассейн.

Но подробности, связанные с историей этой усадьбы, я узнал позже. Когда с аэродрома нас с Миллером привезли в бывший гарем, он выглядел отнюдь не романтично: кипы папок и досье, разбросанные по столам канцелярские принадлежности, раскладушки, в беспорядке расставленные по комнатам и накрытые серыми армейскими одеялами...

Не было времени и для знакомства с экзотическим парком: меня предупредили, что в два часа дня состоятся переговоры Сталина с Рузвельтом, где я должен переводить. Правда, мне удалось наскоро перекусить в оборудованной в соседнем флигеле скромной столовой для технического персонала.

Спустя десять минут я, схватив блокнот, побежал в главное здание.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВСТРЕЧА СО СТАЛИНЫМ

Мне уже не раз приходилось выполнять роль переводчика И. В. Сталина. В Москве я присутствовал на многих его встречах с Черчиллем, государственным секретарем США Корделлом Хэллом, Антони Иденом, тогдашним министром иностранных дел Англии, Авереллом Гарриманом, специальным представителем президента США, а позднее — американским послом в Москве.

Но всякий раз, когда предстояло увидеть Сталина, меня охватывало волнение. Насколько я мог заметить, даже те, кто работал с ним на протяжении долгих лет, чувствовали себя скованно, держались напряженно в его присутствии. А у нас, людей молодого поколения, для этого было еще больше оснований. С детства нас приучили смотреть на него как на мудрого и великого вождя, все видящего и знающего наперед. На портретах и в бронзовых изваяниях, в мраморных монументах мы привыкли видеть его возвышающимся над всеми, и наше юношеское воображение дорисовывало высокое, стройное, почти мифическое существо. Естественно, что в моей памяти навсегда врезался день, когда я впервые увидел Сталина.

Это было в сентябре 1941 года, на позднем обеде в Кремле, устроенном по случаю приезда в Москву англо-американской миссии по военному снабжению во главе с лордом Бивербруком и Авереллом Гарриманом. Все, кто имел непосредственное отношение к переговорам с этой первой миссией западных союзников, собрались в половине восьмого вечера в Екатерининском зале Кремля. Старинное убранство этого зала всегда поражало знатных иностранных гостей. Роскошная мебель XVIII века, кресла и диваны с вензелями Екатерины II, муаровые зеленые обои, старинные картины в тяжелых золоченых ра-

мах, фарфор и столовое серебро — вся эта необычайная роскошь озадачивала, видимо, многих представителей западного мира, которые впервые попадали в страну большевиков.

Сначала в зале было оживленно. Разбившись на группы, все громко разговаривали. Но по мере того как время приближалось к восьми — на этот час был назначен обед,— присутствующие все чаще поглядывали на высокую, украшенную позолотой и резьбой дверь, откуда должен был выйти Сталин. Атмосфера как-то сама собой становилась все более сдержанной, а в последние минуты в зале воцарилась тишина.

Наконец дверь открылась. Все обернулись, но это был не он. Вошли двое военных из правительственной охраны. Один занял позицию справа от двери, другой медленно пересек зал и остановился в противоположном углу. Все взгляды опять устремились на дверь. Никто не прерывал молчания. Но вот дверь снова отворилась, и появился Сталин.

При виде Сталина я ощутил какой-то внутренний толчок. Он был совсем не такой, каким я его себе представлял. Ниже среднего роста, сильно исхудавший, с землистым усталым лицом, изрытым оспой. Тогда на нем не было ни блестящей маршальской формы, ни золотых погон, ни звезд Героя. Китель военного покроя висел на его сухощавой фигуре. Бросалось в глаза, что одна рука у него короче другой — почти вся кисть пряталась в рукаве. То были самые тяжелые дни войны, когда гитлеровские полчища безудержно рвались в глубь нашей страны, приближались к Москве, Ленинграду, захватили Киев. Нашим самоотверженно сражавшимся частям, вынужденным все дальше отступать, порой не хватало даже винтовок и патронов. Несомненно, бремя тяжелой ответственности и неудач наложило на облик Сталина свой отпечаток.

Сталин медленно обошел выстроившихся в длинный ряд гостей, с каждым поздоровался за руку. Пройдя весь ряд до конца, Сталин повернул обратно, неслышно ступая мягкими кавказскими сапогами по толстому ковру. Он остановился недалеко от меня и заговорил с каким-то военным из отдела внешних сношений. Произносил он слова очень тихо, медленно, со специфическим грузинским акцентом. Я искоса поглядывал на него, стараясь

совладать с нахлынувшими на меня чувствами: вот он какой — Сталин — внешне совсем обыкновенный, даже неприметный человек...

Теперь, перед встречей Сталина с Рузвельтом, я старался быть как можно более собранным. Чтобы переводить Сталина, требовалось большое напряжение всех сил. Он говорил тихо, с акцентом, а о том, чтобы переспросить, нечего было и думать. Приходилось мобилизовать все внимание, чтобы мгновенно уловить сказанное и тут же воспроизвести на английском языке. К тому же надо было записывать все сказанное во время переговоров. Спасало лишь то, что Сталин говорил размеренно, делая после каждой фразы паузу для перевода.

В обязанности переводчика входило также составление официального протокола. Его надо было продиктовать стенографистке, а затем составить проект краткой телеграммы. Эту телеграмму Сталин лично просматривал и корректировал. Если переговоры происходили в Москве, то телеграмма направлялась шифром советским послам в Лондоне и Вашингтоне. В данном же случае такая информационная телеграмма посылалась также в Москву оставшимся там членам Политбюро.

Сейчас во многих странах уже накоплен большой опыт синхронного устного перевода. Имеются высококвалифицированные кадры. Они широко используются на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, на различных международных совещаниях и встречах. Но в то время, по крайней мере в нашей стране, специалистов в этой области не было. В наркомате иностранных дел лишь несколько человек привлекалось к переводам при встречах на высшем уровне. В. Н. Павлову и мне приходилось совмещать роль переводчика с основной работой в наркомате. Правда, это имело свои плюсы, так как мы были обычно в курсе обсуждавшихся политических проблем. Но зато оставалось мало времени для совершенствования языковых знаний. Между тем, устный перевод при дипломатических переговорах требует особых профессиональных навыков, сноровки, большой сосредоточенности. Надо постоянно пополнять языковые знания, непрерывно наращивать запас слов. Необходимо также хорошо знать скоропись, уметь быстро расшифровывать текст после беседы и определить самое главное при составлении краткого отчета.

Специальной подготовки для выполнения всей этой ра-

боты у меня лично не было, и я старался совершенствоваться по ходу дела.

Меня всегда поражали упорство и настойчивость В. Н. Павлова. В то время он вел референтуру по всей области англо-советских отношений. Текущих дел, естественно, было очень много. Рабочий наш день продолжался обычно 14—16 часов с небольшим перерывом от восьми до десяти вечера. Но Павлов не упускал ни одной минуты для пополнения своих языковых знаний.

ДИАЛОГ ДВУХ ЛИДЕРОВ

На беседе, о которой идет речь, кроме Сталина, Рузвельта и меня, переводчика, никто больше не присутствовал. Рузвельт предупредил, что будет один, без Чарльза Болена, который обычно выполнял роль переводчика американской делегации. Видимо, Рузвельт решил не брать никого с собой, чтобы атмосфера беседы была более доверительной. Мне предстояло переводить всю беседу одному.

Когда я вошел в комнату, примыкавшую к залу пленарных заседаний конференции, там уже находился Сталин в маршальской форме. Поздоровавшись, я подошел к низенькому столику, вокруг которого стояли диван и кресла, и положил там блокнот и карандаш. Сталин медленно прошелся по комнате, вынул из коробки с надписью «Герцоговина флор» папиросу, закурил. Прищурившись, посмотрел на меня, спросил:

— Не очень устали с дороги? Готовы переводить? Беседа будет ответственной.

— Готов, товарищ Сталин. За ночь в Баку хорошо отдохнул. Чувствую себя нормально.

Сталин подошел к столику, положил на него коробку с папиросами. Зажег спичку и раскурил потухшую папиросу. Затем, медленным жестом загасив спичку, указал ею на диван и сказал:

— Здесь, с краю, сяду я. Рузвельта привезут в коляске, пусть он расположится слева от кресла, где будете сидеть вы.

— Ясно,— ответил я.

Сталин снова стал прохаживаться по комнате, погрузившись в размышления. Через несколько минут дверь открылась и слуга-филиппинец вкатил коляску, в которой,

тяжело опираясь на подлокотники, сидел улыбающийся Рузвельт.

— Хэлло, маршал Сталин,— бодро произнес он, протягивая руку.— Я, кажется, немного опоздал, прошу прощения.

— Нет, вы как раз вовремя,— возразил Сталин.— Это я пришел раньше. Мой долг хозяина к этому обязывает, все-таки вы у нас в гостях, можно сказать, на советской территории...

— Я протестую,— рассмеялся Рузвельт.— Мы ведь твердо условились встретиться на нейтральной территории. К тому же тут моя резиденция. Это вы мой гость.

— Не будем спорить, лучше скажите, хорошо ли вы здесь устроились, господин президент. Может быть, что требуется?

— Нет, благодарю, все в порядке. Я чувствую себя как дома.

— Значит, вам здесь нравится?

— Очень вам благодарен за то, что вы предоставили мне этот дом.

— Прошу вас поближе к столу,— пригласил Сталин.

Перед тем как отправиться на эту встречу двух лидеров, я очень беспокоился — справлюсь ли со своей задачей? Смогу ли с первого раза понять все, что будет говорить Рузвельт, и тут же передать это по-русски его собеседнику? Ведь у многих американцев очень своеобразное произношение, а некоторые из них пересыпают свою речь образными и даже жаргонными выражениями, так что не сразу схватываешь смысл сказанного. Но все прошло благополучно. Рузвельт говорил четко, внятно, несколько растягивая слова, короткими фразами, часто делал паузы. Видимо, у него был свой немалый опыт общения через переводчика...

Слуга-филиппинец подкатил коляску в указанное место, развернул ее, затянул тормоз на колесе и вышел из комнаты. Сталин предложил Рузвельту папиросу, но тот, поблагодарив, отказался, вынул свой портсигар, вставил длинными тонкими пальцами сигарету в изящный мундштук и закурил.

— Привык к своим,— сказал Рузвельт, обезоруживающе улыбнулся и, как бы извиняясь, пожал плечами.— А где же ваша знаменитая трубка, маршал Сталин, та трубка, которой вы, как говорят, выкуриваете своих врагов?,

Сталин хитро улыбнулся, прищурился.

— Я, кажется, уже почти всех их выкурил. Но, говоря серьезно, врачи советуют мне поменьше пользоваться трубкой. Я все же ее захватил сюда и, чтобы доставить вам удовольствие, возьму с собой ее в следующий раз.

— Надо слушаться врачей,— серьезно сказал Рузвельт,— мне тоже приходится это делать...

— У вас есть предложение по поводу повестки дня сегодняшней беседы?— перешел Сталин на деловой тон.

— Не думаю, что нам следует сейчас четко очерчивать круг вопросов, которые мы могли бы обсудить. Просто можно было бы ограничиться общим обменом мнениями относительно нынешней обстановки и перспектив на будущее. Мне было бы также интересно получить от вас информацию о положении на советско-германском фронте.

— Готов принять ваше предложение,— сказал Сталин. Он размеренным движением взял коробку «Герцоговины флор», раскрыл ее, долго выбирал папиросу, как будто они чем-то отличались друг от друга, закурил. Затем, неторопливо произнося слова, продолжал.— Что касается положения у нас на фронте, то основное, пожалуй, в том, что в последнее время наши войска оставили Житомир — важный железнодорожный узел.

— А какая погода на фронте?— поинтересовался Рузвельт.

— Погода благоприятная только на Украине, а на остальных участках фронта — грязь и почва еще не замерзла.

— Я хотел бы отвлечь с советско-германского фронта 30—40 германских дивизий,— сочувственно сказал Рузвельт.

— Если это возможно сделать, то было бы хорошо.

— Это один из вопросов, по которому я намерен дать свои разъяснения в течение ближайших дней здесь же, в Тегеране. Сложность в том, что перед американцами стоит задача снабжения войск численностью в два миллиона человек, причем находятся они на расстоянии трех тысяч миль от американского континента.

— Тут нужен хороший транспорт, и я вполне понимаю ваши трудности.

— Думаю, что мы эту проблему решим, так как суда в Соединенных Штатах строятся удовлетворительным темпом.

Коснувшись недавних волнений в Ливане, Сталин спросил, не знает ли Рузвельт, каковы причины этих волнений и кто тут виноват. Рузвельт ответил не сразу. Сняв пенсне, он протер стекла белым платком, торчавшим из нагрудного кармана, снова закрепил пенсне на переносице. Наконец, сказал, как бы размышляя вслух:

— Думаю, что виноват французский национальный комитет. Англичане и французы гарантировали независимость Ливана, и ливанцы получили свою конституцию и президента. Затем они захотели немного изменить конституцию. Однако французы отказали им в этом и арестовали президента и кабинет министров. Сейчас в Ливане все в порядке, там наступило спокойствие...

В ходе беседы Сталин и Рузвельт коснулись многих вопросов и проблем. Рузвельт, в частности, в общих чертах развивал мысль о послевоенном сотрудничестве между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Сталин приветствовал эту идею и отметил, что после окончания войны Советский Союз будет представлять собой большой рынок для Соединенных Штатов. Рузвельт с интересом воспринял это заявление и подчеркнул, что американцам после войны потребуется большое количество сырья, и поэтому он думает, что между нашими странами будут существовать тесные торговые связи. Сталин заметил, что если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье.

Далее речь зашла о будущем Франции. Рузвельт заявил, что де Голль ему не нравится, в то время как генерала Жиро он считает очень симпатичным человеком и хорошим генералом. Рузвельт сообщил также, что американцы вооружают 11 французских дивизий, и коснулся в этой связи положения во Франции и настроения различных слов населения этой страны.

— Французы,— заметил Рузвельт,— хороший народ, но им нужны абсолютно новые руководители не старше 40 лет, которые не занимали никаких постов в прежнем французском правительстве.

Сталин высказал мнение, что на такие изменения потребуется много времени. Что же касается некоторых нынешних руководящих слоев во Франции, продолжал он, то они, видимо, думают, что союзники преподнесут им Францию в готовом виде, и не хотят воевать на стороне

союзников, а предпочитают сотрудничать с немцами. При этом французский народ не спрашивают.

Рузвельт заметил, что, по мнению Черчилля, Франция полностью возродится и скоро станет великой державой.

— Но я не разделяю этого мнения,— продолжал Рузвельт.— Думаю, что пройдет много лет, прежде чем это случится. Если французы полагают, что союзники преподнесут им готовую Францию на блюде, то они ошибаются. Французам придется много поработать, прежде чем Франция действительно станет великой державой...

За этими замечаниями американского президента скрывались серьезные разногласия между Соединенными Штатами и Англией по вопросу о том, кто должен осуществлять власть на освобожденной территории Северной Африки, а потом, после высадки в Нормандии, и в самой Франции. Как выяснилось впоследствии, Соединенные Штаты, осуществившие высадку в Северной Африке, рассчитывали установить свое военное и политическое господство не только над этой территорией, но и над всем французским движением Сопротивления с тем, чтобы в дальнейшем получить точку опоры на европейском континенте — во Франции. В Северной Африке Вашингтон делал ставку на сотрудничавшего ранее с немцами адмирала Дарлана в противовес генералу де Голлю, который находился тогда в Лондоне и возглавлял Национальный комитет Сражающейся Франции.

В опубликованных в 1965 году мемуарах Иден писал: «Мой парламентский заместитель Ричард Лоу сообщил из Вашингтона о своем разговоре с Сэмнером Уэллесом (заместителем государственного секретаря), который сильно тревожился из-за генерала де Голля. По мнению Уэллеса, нам скоро придется порвать связи с ним. Когда Лоу возразил, что это было бы тяжелым ударом для французской общественности, Уэллес с ним согласился, но, по-видимому все-таки остался при своем убеждении, что мы, возможно, будем вынуждены пойти на это. Если де Голль вступит во Францию вместе с оккупационными войсками и сформирует правительство, его уже не удастся отстранить от власти».

После убийства адмирала Дарлана американцы сделали ставку в Северной Африке на генерала Жиро. Иден продолжал: «Несмотря на все меры, которые я мог принять в Лондоне, а Макмиллан в Алжире, организовать

встречу генерала де Голля с генералом Жиро оказалось делом нелегким. Американская политика усугубила связанные с этим трудности. Правительство Соединенных Штатов все еще было против создания единой французской власти до высадки союзников во Франции... Оно также по-прежнему относилось подозрительно и враждебно к генералу де Голлю. Оно побаивалось его активного и энергичного характера и склонно было преуменьшать поддержку, которую голлизм получал от движения Сопротивления во Франции».

В конце концов Вашингтону все же пришлось пойти на примирение с генералом де Голлем, который получил возможность отправиться во Францию вскоре после высадки союзников в Нормандии. Но характер отношений, который складывался тогда между американцами и де Голлем, несомненно, сыграл свою роль в будущем.

На первой беседе Рузвельта со Сталиным выявился различный подход Соединенных Штатов и Англии также и в отношении будущего колониальных владений. Рузвельт много говорил о необходимости нового подхода к проблеме колониальных и зависимых стран после войны. Может быть, он искренне думал о возможности предоставления им постепенно самоуправления и в конечном счете независимости — тема, к которой американский президент вновь и вновь возвращался в дни Тегеранской конференции. Но, выступая таким образом, он вольно или невольно отражал интересы тех кругов США, которые под прикрытием разговоров о пересмотре статуса колониальных владений европейских капиталистических держав готовили почву для проникновения США в колониальные страны.

В этом отношении показателен разговор, который произошел на эту тему во время первой встречи между Сталиным и Рузвельтом в Тегеране. Касаясь будущего Индокитая, Рузвельт сказал, что можно было бы назначить трех-четырех попечителей и через 30—40 лет подготовить народ Индокитая к самоуправлению. То же самое, заметил он, верно в отношении других колоний.

— Черчилль,— продолжал президент,— не хочет решительно действовать в отношении осуществления этого предложения о попечительстве, так как он боится, что этот принцип придется применить и к английским колониям. Когда наш государственный секретарь Хэлл был в Москве, он имел при себе составленный мною документ о

создании Международной комиссии по колониям. Эта комиссия должна была бы инспектировать колониальные страны с целью изучения положения в этих странах и возможных улучшений их положения. Вся работа этой комиссии была бы предана широкой гласности...

Сталин поддержал идею создания такой комиссии и заметил, что к ней можно было бы обращаться с жалобами, просьбами и так далее. Рузвельт был явно доволен реакцией советской стороны, но не скрывал своего беспокойства по поводу возможного отношения Черчилля. Он даже предупредил Сталина, что в разговоре с британским премьером лучше не касаться Индии, так как, насколько ему, Рузвельту, известно, у Черчилля нет сейчас никаких мыслей в отношении Индии. Черчилль намерен вообще отложить этот вопрос до окончания войны.

— Индия — это больное место Черчилля,— заметил Сталин.

— Это верно,— согласился Рузвельт.— Однако Англии так или иначе придется что-то предпринять в Индии. Я надеюсь как-нибудь переговорить с вами подробнее об Индии, имея при этом в виду, что люди, стоящие в стороне от вопроса об Индии, могут лучше разрешить этот вопрос, чем люди, имеющие непосредственное отношение к данному вопросу...

На этот зондаж Сталин реагировал осторожно. Он ограничился лишь замечанием, что люди, стоящие в стороне от Индии, смогут подойти более объективно.

Рузвельт взглянул на часы. До официального открытия конференции, назначенного на 16 часов, оставалось мало времени.

— Думаю, нам пора заканчивать,— сказал Рузвельт.— Надо немного отдохнуть и собраться с мыслями перед пленарным заседанием. Мне кажется, у нас состоялся очень полезный обмен мнениями, и вообще мне было очень приятно познакомиться и откровенно побеседовать с вами.

— Мне тоже было очень приятно,— ответил Сталин и, поднявшись, слегка поклонился Рузвельту.

Я вышел в соседнюю комнату позвать слугу президента. Он тут же явился и, взявшись за ручку, приделанную к спинке кресла-коляски, увез Рузвельта в его апартаменты. Сталин прошел в соседнюю комнату, где его ждали Молотов и Ворошилов.

ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Пленарные заседания конференции происходили в большом зале, декорированном в стиле ампир. Посредине стоял большой круглый стол, покрытый скатертью из кремового сукна. Вокруг были расставлены обитые полосатым шелком кресла с вычурными подлокотниками из красного дерева. В центре стола — деревянная подставка с государственными флагами трех держав — участниц конференции. Перед каждым креслом на столе лежали блокноты и отточенные карандаши. Непосредственно у стола занимали место главные члены делегаций и переводчики. Остальные делегаты и технический персонал размещались на стульях, стоявших симметричными рядами позади кресел.

Самой малочисленной была советская делегация. В нее, как уже сказано, входили И. В. Сталин, В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов; Соединенные Штаты и Англию представляли более крупные делегации. Вот их состав:

От Соединенных Штатов: президент Ф. Д. Рузвельт, специальный помощник президента Г. Гопкинс, посол США в СССР А. Гарриман, начальник штаба армии США генерал Д. Маршалл, главнокомандующий военно-морскими силами США адмирал Э. Кинг, начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Г. Арнольд, начальник снабжения армии США генерал Б. Сомэрвэлл, начальник штаба президента адмирал У. Леги, начальник военной миссии США в СССР генерал Р. Дин.

От Великобритании: премьер-министр У. Черчилль, министр иностранных дел А. Иден, посол Англии в СССР А. Керр, начальник имперского Генерального штаба генерал А. Брук, фельдмаршал Д. Дилл, первый морской лорд адмирал флота Э. Кеннингхэм, начальник штаба военно-воздушных сил Великобритании главный маршал авиации Ч. Портал, начальник штаба министра обороны генерал Х. Исмей, начальник военной миссии Великобритании в СССР генерал Г. Мартель.

За столом справа от Черчилля сидел его личный переводчик — майор Бирз. Рядом с Рузвельтом — также в качестве переводчика — Чарльз Болен. Он работал тогда первым секретарем посольства Соединенных Штатов в Москве. От советской делегации в первом ряду сидели Сталин и Молотов, а также мы с В. Н. Павловым как офи-

циальные переводчики советской делегации. Ворошилов обычно устраивался на стуле во втором ряду.

Дискуссия на пленарных заседаниях велась свободно, без заранее утвержденной повестки дня. Выступая, делегаты не пользовались никакими бумажками, а как бы высказывали вслух соображения по затронутым вопросам. Поэтому дискуссия порой перескакивала с одной темы на другую, а затем снова возвращалась к первоначальной проблеме. Стороны заранее условились, что на первом пленарном заседании председательствовать будет Рузвельт. Он выполнил эту обязанность с блеском. Несомненно, здесь сказался его многолетний опыт руководителя крупной партийной машиной США.

Первое пленарное заседание открылось в 16 часов 28 ноября. Продолжалось оно три с половиной часа. Открывая заседание, президент Рузвельт сказал:

— Как самый молодой из присутствующих здесь глав правительств я хотел бы позволить себе высказаться первым. Я хочу заверить членов новой семьи — собравшихся за этим столом членов настоящей конференции — в том, что мы все собрались здесь с одной целью, с целью выиграть войну как можно скорее...

Далее Рузвельт сделал несколько замечаний о ведении конференции.

— Мы не намерены,— заявил он,— опубликовывать ничего из того, что будет здесь говориться, но мы будем обращаться друг к другу, как друзья, открыто и откровенно...

Несомненно, принятое участниками Тегеранской конференции взаимное обязательство ничего не публиковать из того, что там говорилось, способствовало свободному обмену мнениями и помогло каждой из сторон лучше понять позицию партнеров. Все это облегчило также создание атмосферы, которая позволила, несмотря на коренные различия в общественно-политическом строе Советского Союза, с одной стороны, и Соединенных Штатов и Англии — с другой, осуществить плодотворное сотрудничество трех держав в борьбе против общего врага, укрепить на этом этапе единство антигитлеровской коалиции.

После войны правящие круги западных держав, затеяв антисоветскую пропагандистскую кампанию, в нарушение взятого ими на себя обязательства не предавать гласности материалы тегеранской встречи, односторонне

опубликовали многочисленные документы и мемуары об этой конференции, цель которых состояла в том, чтобы фальсифицировать политику Советского Союза, исказить его позицию по важнейшим проблемам периода второй мировой войны. В связи с этим в 1961 году в Москве были опубликованы советские записи бесед и заседаний на Тегеранской конференции. Но тогда, в день открытия Тегеранской конференции, слова Рузвельта о соблюдении секретности звучали как торжественная клятва.

Говоря дальше о порядке работы конференции, американский президент заявил, что штабы делегаций могут рассматривать военные вопросы отдельно, а сами делегации могли бы тем временем обсудить и другие проблемы, например проблемы послевоенного устройства.

— Я думаю,— сказал Рузвельт в заключение,— что это совещание будет успешным и что три нации, объединившиеся в процессе нынешней войны, укрепят связи между собой и создадут предпосылки для тесного сотрудничества будущих поколений....

Прежде чем перейти к практической работе, Рузвельт поинтересовался, не желают ли Черчилль и Сталин сделать заявления общего порядка о важности этой встречи и о том, что означает она для всего человечества.

Черчилль сразу же поднял правую руку, прося слова. Говорил он очень четко, размеренно, произнося слово за словом, подобно тому, как каменщик кладет кирпичи. Делая паузу для перевода, он беззвучно шевелил губами, как бы произнося сначала про себя фразу, которую собирался затем высказать вслух. Он как бы внутренне прислушивался к ее звучанию. Потом, убедившись, что подобраны нужные слова, он снова чеканил их своим хорошо поставленным голосом профессионального оратора. Подчеркивая торжественность минуты, он встал из-за стола и отодвинул кресло, чтобы дать простор своей грузной фигуре.

— Эта встреча,— сказал Черчилль,— пожалуй, представляет собой величайшую концентрацию мировой мощи, которая когда-либо существовала в истории человечества. В наших руках решение вопроса о сокращении сроков войны, о завоевании победы, о будущей судьбе человечества. Я молюсь за то, чтобы мы были достойны замечательной возможности, данной нам богом,— возможности служить человечеству...

Окинув взором всех присутствовавших, Черчилль медленно погрузился в кресло.

Обращаясь к главе советской делегации, Рузвельт спросил, не желает ли он что-либо сказать. Не вставая с места, Сталин заговорил. В зале наступила тишина. Может, потому, что большинство присутствовавших впервые услышали голос Сталина. А может быть, из-за того, что он говорил совсем негромко. Он сказал:

— Приветствуя конференцию представителей трех правительств, я хотел бы сделать несколько замечаний. Я думаю, что история нас балует. Она дала нам в руки очень большие силы и очень большие возможности. Я надеюсь, что мы примем все меры к тому, чтобы на этом совещании в должной мере, в рамках сотрудничества, использовать ту силу и власть, которые нам вручили наши народы. А теперь давайте приступим к работе...

Рузвельт кивком головы подтвердил свое согласие. Потом обвел взглядом всех участников конференции, как бы приглашая их к первому деловому выступлению. Но никто не изъявил такого желания. Тогда президент открыл лежавшую перед ним черную папку, полистал находившиеся в ней бумаги, немного откашлялся и сказал:

— Может быть, мне начать с общего обзора военных действий и нужд войны в настоящее время. Я, конечно, буду говорить об этом с точки зрения Соединенных Штатов. Мы, так же как и Британская империя и Советский Союз, надеемся на скорую победу. Я хочу начать с обзора той части войны, которая больше касается Соединенных Штатов, чем Советского Союза и Великобритании. Я говорю о войне на Тихом океане, где Соединенные Штаты несут основное бремя войны, получая помощь от австралийских и новозеландских войск...

Президент Рузвельт сделал краткий обзор военного положения в этой части земного шара. Более конкретно он коснулся операций в районе Бирмы, сообщив о планах освобождения от японцев северной части этой страны. Все эти мероприятия намечались, по словам Рузвельта, с целью оказания помощи Китаю в войне, открытия бирманской дороги и обеспечения позиций, с которых можно было бы нанести поражение Японии как можно скорее после того, как будет разгромлена Германия. Затем президент кратко обрисовал положение на Европейском театре

военных действий. Сделав обзор военных действий, Рузвельт как бы задал тон. После него с обзора положения на фронте начал свою речь Сталин.

Глава советской делегации приветствовал успехи Соединенных Штатов в районе Тихого океана. Он добавил, что в настоящее время Советский Союз не может присоединиться к борьбе против Японии, поскольку требуется концентрация всех его сил для войны против Германии. Советских войск на Дальнем Востоке более или менее достаточно, чтобы держать оборону. Но их надо по крайней мере удвоить, прежде чем предпринять наступление. Время для присоединения к западным союзникам на Тихоокеанском театре военных действий может наступить только тогда, когда произойдет крах Германии.

— Что касается войны в Европе,— продолжал советский представитель,— то прежде всего скажу несколько слов отчетного характера о том, как мы вели и продолжаем вести операции со времени июльского наступления немцев. Может быть, я вдаюсь в подробности, тогда я мог бы сократить свое выступление?

— Мы готовы выслушать все, что вы намерены сказать,— вмешался Черчилль.

Сталин продолжал:

— Я должен сказать, между прочим, что мы сами в последнее время готовились к наступлению. Немцы опередили нас. Но поскольку мы готовились к наступлению и нами были стянуты большие силы, после того как мы отбили немецкое наступление, нам удалось сравнительно быстро перейти в наступление самим. Должен сказать, что хотя о нас говорят, что мы все планируем заранее, мы сами не ожидали успехов, каких достигли в августе и в сентябре. Против наших ожиданий немцы оказались слабее, чем мы предполагали. Теперь у немцев на нашем фронте, по данным нашей разведки, имеется 210 дивизий и еще 6 дивизий находится в процессе переброски на фронт. Кроме того, имеется 50 не немецких дивизий, включая финнов. Таким образом, всего у немцев на нашем фронте 260 дивизий, из них до 40 венгерских, до 20 финских, до 16 или 18 румынских...

Рузвельт поинтересовался, какова численность германской дивизии. Советский делегат пояснил, что вместе со вспомогательными силами немецкая дивизия состоит примерно из 12—13 тысяч человек. Он добавил, что с совет-

ской стороны на фронте действуют от 300 до 330 дивизий.

Перейдя к последним событиям на советско-германском фронте, Сталин сказал, что излишек в численности войск используется советской стороной для наступательных операций. Но поскольку мы ведем наступательные действия, по мере того как идет время, наш перевес становится все меньше. Большую трудность представляет также то, что немцы все уничтожают при отступлении. Это затрудняет нам подвоз боеприпасов. В этом причина того, что наше наступление замедлилось.

— В последние три недели,— продолжал советский представитель,— немцы развернули наступательные операции на Украине — южнее и западнее Киева. Они отбили у нас Житомир — важный железнодорожный узел, о чем было объявлено. Должно быть, на днях они заберут у нас Коростень — также важный железнодорожный узел. В этом районе у немцев имеется 5 новых танковых дивизий и три старые танковые дивизии, всего 8 танковых дивизий, а также 22—23 пехотные и моторизованные дивизии. Их цель — вновь овладеть Киевом. Таким образом, у нас впереди возможны некоторые трудности...

— Поэтому,— сказал Сталин,— было бы очень важно ускорить вторжение союзников в Северную Францию.

Черчилль, который выступал после Сталина, сразу же обратился к планам англо-американцев, связанным с высадкой во Франции и открытием второго фронта в Европе. Этот вопрос, бесспорно, был главным на Тегеранской конференции, и вокруг него шли наиболее горячие дискуссии как на официальных совещаниях, так и на неофициальных встречах.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Вопрос об открытии второго фронта в Европе имел свою историю.

Известно, что с момента нападения гитлеровской Германии на Советский Союз основные силы вермахта находились на Восточном фронте. Гитлер мог это сделать потому, что на западе, да и вообще в других местах европейского континента, фактически не велось серьезных военных действий. Всю тяжесть удара гитлеровской военной машины Советский Союз принял на себя. В немецкие вооруженные силы, действовавшие в первые дни втор-

жения на советско-германском фронте, входило пять с половиной миллионов человек. Всего на границах СССР были сосредоточены 181 дивизия и 18 бригад. На их вооружении находилось 48 тыс. орудий и минометов, около 2800 танков и штурмовых орудий, 4500 самолетов и другая военная техника. Германское командование смогло собрать в один кулак такую боевую мощь, поскольку оно было избавлено от необходимости вести войну на два фронта.

В этих условиях Советский Союз был кровно заинтересован в том, чтобы его союзники активно участвовали в борьбе против общего врага и оказали Красной Армии эффективную помощь, прежде всего операциями на европейском континенте. Первые месяцы войны на советско-германском фронте были особенно благоприятны для открытия второго фронта в Западной Европе, поскольку в этом районе гитлеровцы значительно ослабили свои силы.

Следует отметить, что и некоторые английские политики сразу же после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз поддерживали идею скорейшего открытия второго фронта в Европе.

Министр иностранных дел Антони Иден заявил 30 июня 1941 года, что английские руководители «думают о десантах во Франции». Но время шло, и никаких конкретных шагов в этом отношении британское правительство не предпринимало. Те, кто помнит тяжелое положение, в котором находилась тогда Советская страна, сражавшаяся один на один с гитлеровскими полчищами, поймет, что бездеятельность союзников не могла не беспокоить Советское правительство. Москва считала необходимым напомнить Лондону о его обещаниях насчет «крупных рейдов» в Западной Европе.

В послании премьеру Черчиллю от 18 июля 1941 года глава Советского правительства Сталин писал: «Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)... Я представляю трудности создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Германии отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции».

Черчилль ответил на это обращение отказом, заявив, что хотя его правительство «с первого дня германского нападения на Россию рассматривало возможность наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды», в настоящее время «начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести вам хотя бы самую малую пользу».

А тем временем гитлеровская Германия перебросила на Восточный фронт еще 30 свежих пехотных дивизий и большое количество танков и самолетов. Гитлеровцы продолжали продвигаться на восток. Они заняли больше половины Украины, а на севере вышли на подступы к Ленинграду. Было ясно, что немецкое командование не опасалось ударов с запада.

«Немцы считают опасность на Западе блефом,— писал Сталин английскому премьеру 3 сентября 1941 года,— и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет». Советское правительство выразило настоятельное пожелание «создать уже в этом году» второй фронт, который смог бы оттянуть с Восточного фронта 30—40 немецких дивизий. Но Черчилль и на этот раз ответил отказом.

Любопытно, что, уклоняясь от каких-либо существенных операций против немцев в Западной Европе, да и в других местах, где можно было ожидать тяжелых сражений, английское правительство было готово послать своих солдат туда, где они не подвергались бы особому риску, но зато обеспечили бы Англии известные политические и стратегические козыри. Характерна в этой связи переписка между Лондоном и Москвой относительно использования английских войск на советско-германском фронте.

Впервые эта идея была выдвинута в послании Сталина, направленном Черчиллю 13 сентября 1941 года. В этом послании Сталин предложил Англии «высадить 25—30 дивизий в Архангельске или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции», где, как известно, в первую мировую войну сражался русский экспедиционный корпус. Далее в послании говорилось: «Это была бы большая помощь. Мне кажется, что

такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии».

Как же реагировало на это предложение английское правительство? Устами Черчилля оно заявило, что посылка британских дивизий на советско-германский фронт «абсолютно вне наших сил». В то же время Черчилль предложил заменить советские войска английскими в Иране и послать британские соединения на Кавказ «для охраны нефтяных районов», имея в виду, что высвободившиеся советские войска перебросят на усиление фронта. Советское правительство решительно отклонило эти домогательства Черчилля. Но весь этот эпизод показателен: для несения гарнизонной службы в Иране и на Кавказе у Англии нашлись войска, а послать эти же силы на фронт, в помощь советскому союзнику — на это, видите ли, сил не было!

Возникает вопрос, была ли у Англии возможность открыть второй фронт в Европе в первые годы Великой Отечественной войны Советского Союза или такой возможности не было?

По свидетельству лорда Бивербрука, в то время английские военные руководители «постоянно проявляли нежелание предпринимать наступательные действия». Конечно, дело было не только в нежелании военных. Тут, несомненно, играли роль и определенные политические соображения. В Лондоне имелись влиятельные круги, которые рассчитывали, что Советский Союз и Германия настолько ослабят друг друга в происходившей на советско-германском фронте схватке, что Англия сможет затем легко диктовать свою волю обеим сторонам. Эти сокровенные мысли высказал вслух тогдашний министр авиационной промышленности в кабинете Черчилля Мур Брабазон. Он заявил, что «лучшим исходом борьбы на восточном фронте было бы взаимное истощение Германии и СССР, вследствие чего Англия смогла бы занять господствующее положение в Европе». Стоит напомнить и скандально известное изречение тогдашнего сенатора, впоследствии вице-президента, а затем и президента США Гарри Трумэна: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Как показали дальнейшие события, подобного рода

взгляды оказывали немалое влияние на позицию правящих кругов Англии и США в вопросе об открытии второго фронта в Европе. После того как вслед за японской атакой на Пирл-Харбор гитлеровская Германия объявила 11 декабря 1941 года войну Соединенным Штатам, к дискуссии о втором фронте активно подключился и Вашингтон. Президент Рузвельт неоднократно подчеркивал, что считает важной задачей западных союзников скорейшую высадку в Западной Европе, но в США были влиятельные круги, которые всячески тормозили это дело.

Весной 1942 года был все же подготовлен американский план вторжения в Северную Францию путем форсирования Ла-Манша в его самом узком месте и высадки на французском побережье между Кале и Гавром, восточнее устья Сены. Докладывая об этом плане Рузвельту, генерал Маршалл указывал, что «успешное наступление в этом районе явится максимальной поддержкой для русского фронта». Но уже тогда осуществление этого плана, носившего сперва кодовое название «Раундап», а затем «Оверлорд», намечалось лишь на весну 1943 года. Что же касается 1942 года, то американский Генеральный штаб предусматривал ограниченную операцию «Следжхэммер», которая к тому же должна была осуществляться лишь при следующих условиях:

«1. Положение на русском фронте станет отчаянным, то есть, если успех германского оружия будет настолько полным, что создастся угроза неминуемого краха русского сопротивления... в этом случае атаку следует рассматривать как жертву во имя общего дела.

2. Положение немцев в Западной Европе станет критичным».

Как видим, и здесь победила тактика выжидания. В то время как в 1942 году на советско-германском фронте шли ожесточеннейшие бои, в Лондоне и Вашингтоне взвешивали на аптекарских весах момент, когда западным союзникам было бы выгоднее всего вмешаться и открыть второй фронт.

Во время состоявшихся летом 1942 года англо-советских переговоров в Лондоне Советское правительство вновь поставило вопрос о необходимости ускорить вторжение в Западную Европу. Рузвельт высказался за, после чего Черчиллю пришлось отступить. Подписанное 12 июня 1942 года англо-советское коммюнике повторяло ранее со-

гласованную в Вашингтоне формулировку, а именно: «Была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Казалось, что трудная задача согласования конкретного срока открытия второго фронта наконец решена. Но западные державы и на этот раз не выполнили своего обязательства. Прошел 1942 год, кончался год 1943, а Советский Союз все еще вынужден был сражаться один на один с гитлеровской Германией, использовавшей военно-промышленные ресурсы и людскую силу почти всей Европы.

Когда в конце ноября 1943 года открылась Тегеранская конференция, по-прежнему не было известно, когда же появится второй фронт во Франции. Естественно поэтому, наряду с обсуждением широкого круга вопросов, стоявших на повестке дня тегеранской встречи, Советское правительство стремилось получить четкий ответ и на вопрос о втором фронте.

«ОВЕРЛОРД»

На первом же пленарном заседании Тегеранской конференции вопросу об открытии второго фронта в Европе («Оверлорд») было уделено основное внимание.

Инициативу, как уже сказано выше, проявил Сталин. Президент Рузвельт подчеркнул, что операция через Ла-Манш является очень важной и особенно интересует Советский Союз. Рузвельт сказал, что западные союзники уже на протяжении полутора лет составляют соответствующие планы, но все еще не смогли определить срока этой операции из-за недостатка тоннажа.

— Мы хотим,— сказал президент,— не только пересечь Ла-Манш, но и преследовать противника в глубь территории. Между тем Ла-Манш — это такая неприятная полоска воды, которая исключает возможность начать экспедицию до 1 мая. Поэтому план, составленный англо-американцами в Квебеке, исходит из того, что экспедиция через Ла-Манш могла бы начаться около 1 мая 1944 года...

Сославшись на то, что любая десантная операция требует специальных судов, Рузвельт коснулся вопроса о приоритете и очередности тех или иных операций. Он сказал:

— Если мы будем проводить крупные десантные операции в Средиземном море, то экспедицию через Ла-Манш,

возможно, придется отложить на два или три месяца. Поэтому мы хотели бы получить ответ от наших советских коллег в этом вопросе, а также совет о том, как лучше использовать имеющиеся в районе Средиземного моря войска, учитывая, что там в то же время имеется мало судов. Мы не хотим откладывать дату вторжения через Ла-Манш дальше мая или июня месяца. В то же время имеется много мест, где могли бы быть использованы англо-американские войска: в Италии, в районе Адриатического моря, в районе Эгейского моря, наконец, для помощи Турции, если она вступит в войну. Все это мы должны здесь решить. Мы очень хотели бы помочь Советскому Союзу и оттянуть часть германских войск с советского фронта. Мы хотели бы получить от наших советских друзей совет о том, каким образом мы могли бы лучше всего облегчить их положение.

Закончив свое выступление, Рузвельт спросил, не желает ли Черчилль что-либо добавить к сказанному.

Черчилль немного помолчал, пожевал губами и, медленно произнося слова, ответил:

— Я хотел бы просить разрешения отложить мое выступление и высказаться после того, как выскажется маршал Сталин. В то же время я в принципе согласен с тем, что сказал президент Рузвельт.

По-видимому, английский премьер, отказавшись излагать свою позицию, которая по сути дела значительно отличалась от точки зрения американского президента, хотел прощупать советских представителей, чтобы затем выдвинуть соответствующую аргументацию. Сталин разгадал маневр Черчилля. Говоря о втором фронте, он дал понять, что советская сторона рассчитывает на высадку союзников именно в Северной Франции, причем без дальнейших оттяжек, ибо только такая операция может облегчить положение на советском фронте.

— Может быть, я ошибаюсь,— сказал Сталин,— но мы, русские, считали, что Итальянский театр важен лишь в том отношении, чтобы обеспечить свободное плавание судов союзников в Средиземном море. Мы так думали и продолжаем так думать. Что касается того, чтобы из Италии предпринять наступление непосредственно на Германию, то мы, русские, считаем, что для таких целей Итальянский театр не годится...

Пока шел перевод на английский язык, Сталин вынул

из кармана кителя кривую трубку, раскрыл коробку «Герцоговины флор», взял несколько папирос, неторопливо разломал их, высыпал табак в трубку, закурил, прищурился, оглядел всех присутствовавших. Когда его взгляд встретился с Рузвельтом, тот улыбнулся и лукаво подмигнул, давая понять, что вспомнил обещание Сталина насчет трубки. А может быть, этот жест Рузвельта имел более глубокий смысл: он хотел выразить сочувствие тому, как Сталин парировал еще не высказанное вслух намерение Черчилля поставить под сомнение целесообразность высадки союзников во Франции. Перевод был окончен, и Сталин, отложив трубку, продолжал:

— Мы, русские, считаем, что наибольший результат дал бы удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Наиболее слабым местом Германии является Франция. Конечно, это трудная операция, и немцы во Франции будут бешено защищаться, но все же это самое лучшее решение. Вот все мои замечания...

Рузвельт поблагодарил Сталина и спросил, готов ли выступить Черчилль. Тот кивнул, откашлялся и начал речь в своей особой манере, тщательно отбирая и взвешивая слова. Он сказал, что Англия и Соединенные Штаты давно договорились атаковать Германию через Северную или Северо-Западную Францию, для чего проводятся обширные приготовления. Потребовалось бы много цифр и фактов, продолжал английский премьер, чтобы доказать, почему в 1943 году не удалось осуществить эту операцию, но теперь решено атаковать Германию в 1944 году. Место нападения выбрано, и сейчас перед англо-американцами стоит задача создать условия для переброски армии во Францию через Ла-Манш в конце весны 1944 года. Силы, которые удастся накопить для этой цели в мае или июне, будут состоять из 16 британских и 19 американских дивизий. За этими дивизиями последовали бы главные силы, причем предполагается, что всего в ходе операции «Оверлорд» в течение мая, июня, июля будет переправлено через Ла-Манш около миллиона человек.

Сделав эти заверения, Черчилль перешел к проблеме использования англо-американских сил в других районах Европейского театра. Осторожно выбирая формулировки и как бы рассуждая вслух, он всякий раз оговаривался, что выдвигает свои предложения лишь в порядке постановки вопроса. Но за всеми этими оговорками скрывалось вполне

определенное намерение британского премьера атаковать Германию не с запада, а с юга и юго-востока или, как любил выражаться Черчилль, «с мягкого подбрюшья Европы».

Начав с того, что до осуществления операции «Оверлорд» остается еще много времени — около шести месяцев,— премьер-министр поставил вопрос об использовании в этот период сил западных союзников в Средиземном море. Это также мотивировалось желанием поскорее помочь Советскому Союзу. Конечно, заверил снова Черчилль, «Оверлорд» будет осуществлен в свое время или, быть может, с некоторым опозданием. Этим замечанием Черчилль как бы невзначай снова поставил под сомнение названный Рузвельтом срок начала операции через Ла-Манш.

Сталин и Рузвельт не реагировали на этот ход английского представителя. Когда майор Бирз закончил перевод последней фразы своего шефа, Черчилль продлил паузу, ожидая реплик. Он взял из пепельницы сигару, наполовину превратившуюся в пепел, осторожно поднес ее к губам, затянулся и, не дождавшись возражений, продолжал:

— Мы уже отправили семь испытанных дивизий из района Средиземного моря, а также часть десантных судов для «Оверлорда». Если принять это во внимание и, кроме того, плохую погоду в Италии, то необходимо сказать, что мы немного разочарованы тем, что до сих пор не взяли Рим. Наша первая задача состоит в том, чтобы взять Рим, и мы полагаем, что в январе произойдет решительное сражение, и битва будет нами выиграна. Находящийся под руководством генерала Эйзенхауэра генерал Александер — командующий 15-й армейской группой — считает, что выиграть битву за Рим вполне возможно. При этом, может быть, удастся захватить и уничтожить более 11—12 дивизий врага. Мы не думаем продвигаться дальше в Ломбардию или же идти через Альпы в Германию. Мы предполагаем лишь продвинуться несколько севернее Рима до линии Пиза—Римини, после чего можно было бы произвести высадку в Южной Франции и через Ла-Манш.

Обращаясь к советской делегации, Черчилль спросил:

— Представляют ли интерес для советского правительства наши действия в восточной части Средиземного моря, которые, возможно вызвали бы некоторую отсрочку операции через Ла-Манш?

Не дожидаясь ответа, он поспешно добавил:

— В этом вопросе мы пока еще не имеем определенного решения, и мы прибыли сюда для того, чтобы принять его...

— Имеется еще одна возможность,— вмешался Рузвельт.—Можно было бы произвести десант в районе северной части Адриатического моря, в то время как советские армии подошли бы к Одессе.

— Если мы возьмем Рим и блокируем Германию с юга,— продолжал английский премьер, — то мы дальше можем перейти к операциям в Западной и Южной Франции, а также оказывать помощь партизанским армиям. Можно было бы создать комиссию, которая смогла бы изучить этот вопрос и составить подробный документ.

Сталин, внимательно слушавший рассуждения Черчилля, попросил слова.

— У меня несколько вопросов,— сказал он.—Я понял, что имеется 35 дивизий для операций по вторжению в Северную Францию?

— Да, это правильно,— ответил Черчилль.

— До начала операций по вторжению в Северную Францию,— продолжал Сталин,— предполагается провести операцию на Итальянском театре для занятия Рима, после чего в Италии предполагается перейти к обороне?

Черчилль утвердительно кивнул.

Сталин продолжал задавать вопросы:

— Я понял, что, кроме того, предполагается еще три операции, одна из которых будет заключаться в высадке в районе Адриатического моря. Правильно я понимаю?

— Осуществление этих операций, может быть, будет полезно для русских,— сказал Черчилль. В его тоне звучало разочарование. Затем он принялся разъяснять, что наибольшую проблему представляет вопрос о переброске необходимых сил. Операция «Оверлорд» начнется 35 дивизиями, потом количество войск должно увеличиваться за счет дивизий, которые будут перебрасываться из Соединенных Штатов, причем число их достигнет 50—60. Британские и американские воздушные силы, находящиеся в Англии, будут в ближайшие шесть месяцев удвоены и утроены. Кроме того, уже сейчас непрерывно проводится работа по накоплению сил в Англии.

Однако Сталин не дал себя сбить этими рассуждениями. Он снова спросил:

— Правильно ли я понял, что, кроме операции по овладению Римом, намечается провести еще одну операцию в районе Адриатического моря, а также операцию в южной части Франции?

Уклонившись от прямого ответа, английский представитель заметил, что в момент начала операции «Оверлорд» предполагается совершить атаку на юге Франции. Для этого могут быть высвобождены некоторые силы в Италии, но эта операция еще не выработана в деталях. Что касается планов высадки в районе Адриатики, то Черчилль вообще обошел этот вопрос.

Сталин пристально посмотрел на него и довольно мрачным тоном сказал:

— По-моему, было бы лучше, чтобы за базу всех операций в 1944 году была взята операция «Оверлорд». Если бы одновременно с этой операцией был предпринят десант в Южной Франции, то обе группы войск могли бы соединиться во Франции. Поэтому было бы хорошо, если бы имели место две операции: операция «Оверлорд» и в качестве поддержки этой операции — высадка в Южной Франции. В то же время операция в районе Рима была бы отвлекающей. Осуществляя высадку во Франции с севера и с юга, при соединении этих сил можно было бы добиться их наращивания. Не следует забывать, что именно Франция является слабым местом Германии.

Поединок между Сталиным и Черчиллем продолжался. Лидер британских тори никак не хочет сложить оружия. Он вновь и вновь настаивает на своем, изображая дело так, будто, предлагая развернуть операции на юго-востоке Европы, он печется лишь о скорейшей победе над общим врагом.

— Я согласен,— заявил английский премьер,— с соображениями маршала Сталина относительно нежелательности того, чтобы силы распылялись. Но я боюсь, что в этот шестимесячный промежуток, во время которого мы могли бы взять Рим и подготовиться к большим операциям в Европе, наша армия останется в бездействии и не будет оказывать давления на врага. Я опасаюсь, что в таком случае парламент упрекнул бы меня в том, что я не оказываю никакой помощи русским...

Это был уже прямой вызов.

— Я думаю,— парировал Сталин,—что «Оверлорд»— это большая операция. Она была бы значительно облегче-

на и дала бы наверняка эффект, если бы имела поддержку с юга Франции. Я лично пошел бы на такую крайность: перешел бы к обороне в Италии, отказавшись от захвата Рима, и начал бы операцию в Южной Франции, оттянув силы немцев из Северной Франции. Месяца через два-три я начал бы операции на севере Франции. Этот план обеспечил бы успех операции «Оверлорд», причем обе армии могли бы встретиться и произошло бы наращивание сил.

Черчиллю такое предложение явно не понравилось. Он резко возразил, что мог бы привести еще больше всяких аргументов, но должен заметить, что союзники были бы слабее, если бы не взяли Рима. Предложив, чтобы весь этот вопрос обсудили военные специалисты, Черчилль решительно заявил, что борьба за Рим уже идет и что отказ от взятия Рима означал бы поражение. А это английское правительство никак не могло бы объяснить палате общин, «Оверлорд», в конце концов, можно осуществить и в августе.

Обстановка накалялась, и Рузвельт постарался ее смягчить.

— Мы могли бы,— сказал он,— осуществить в срок «Оверлорд», если бы не было операций в Средиземном море. Если же в Средиземном море будут операции, то это оттянет срок начала «Оверлорда». Я не хотел бы оттягивать эту операцию.

Черчилль сидел насупившись и отчаянно дымил сигарой. Несколько минут длилось молчание. Первым заговорил Сталин. Он вновь подчеркнул, что считает наиболее целесообразным высадку во Франции, причем одновременно или почти одновременно на севере и на юге. Опыт операций на советско-германском фронте, сказал он, показывает, что наибольший эффект дает удар по врагу с двух сторон, чтобы он вынужден был перебрасывать силы то в одном, то в другом направлении. Союзникам вполне можно было бы учесть этот опыт при высадке во Франции.

Трудно было возражать против этого, но Черчилль попрежнему не хотел уступать.

— Я полагаю,— сказал он,— что мы могли бы предпринять диверсионные акты независимо от вторжения в Южную и Северную Францию. Я лично считаю очень отрицательным фактом праздное пребывание нашей армии в районе Средиземного моря. Поэтому мы не можем гаран-

тировать, что будет точно выдержана дата 1 мая, намеченная для начала «Оверлорда». Установление твердой даты было бы большой ошибкой. Я не могу пожертвовать операциями на Средиземном море только ради того, чтобы сохранить дату 1 мая. Конечно, мы должны прийти к определенному соглашению по этому поводу. Этот вопрос могли бы обсудить военные специалисты...

Отбросив маскировку, Черчилль таким образом дал понять, что намерен драться за осуществление своих планов в Средиземноморье и ради этого готов пойти на срыв уже согласованного в принципе срока начала операций в Северной Франции. Было видно, что дальнейшая дискуссия может на данной стадии лишь привести к нежелательному обострению и к взаимным резкостям.

— Хорошо,— сказал Сталин решительно.— Пусть обсудят военные специалисты. Правда, мы не думали, что будут рассматриваться чисто военные вопросы. Поэтому мы не взяли с собой представителей Генерального штаба. Но полагаю, маршал Ворошилов и я сможем это дело как-либо устроить...

В этот первый вечер в Тегеране я освободился очень поздно. Но усталости не чувствовалось, и я не спеша шел по аллеям парка к бывшему гарему, где нас разместили. Яркая луна пробивалась сквозь листву деревьев, воздух был пропитан ароматами осенних цветов, увядающих листьев, земли, водорослей, разросшихся в прудах. Подойдя к бассейну, сел на мраморную скамью, еще теплую от дневного солнца. Нервное напряжение, накопившееся за день, еще не улеглось, и я чувствовал, что уснуть не смогу.

Только сейчас ощутил я с особой силой значение всего того, свидетелем чего оказался. Пока переводил на переговорах, а потом приводил в порядок протокол и составлял проекты телеграмм в Москву — я был всецело поглощен работой и не вдумывался в то, что здесь, в столице Ирана, вдали от фронтов, происходит нечто важное для дальнейшего хода войны, для победы. Однако теперь я вдруг осознал, что на моих глазах как бы в концентрированном виде совершается процесс творения истории. В Тегеране, несомненно, происходили тогда события огромной исторической важности, события, значение которых выходило далеко за рамки текущего момента и которым суждено было наложить отпечаток на дальнейшее развитие в мире.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БАЛКАНСКАЯ АВАНТЮРА ЧЕРЧИЛЛЯ

В последующие годы Черчилль неоднократно пытался отрицать, что вместо операции «Оверлорд» он строил планы вторжения на континент в восточной части Средиземного моря, прежде всего на Балканах. Конечно, и с этим он не торопился. Его планы были связаны с намерением в соответствующий момент выйти наперерез Красной Армии, закрыв ей дальнейшее продвижение на запад.

Поскольку этот замысел провалился, Черчилль стал потом уверять, будто ничего подобного вообще не существовало. В своих мемуарах он по разным поводам возвращается к этой проблеме, говоря, будто его неправильно поняли. Он даже называет эти балканские планы «легендой». В частности, во втором томе своих мемуаров Черчилль пишет:

«Было много сомнительных сообщений о той линии, которую я проводил в полном согласии с британскими начальниками штабов на Тегеранской конференции. В Америке стало легендой, что я стремился предотвратить операцию через Ла-Манш под названием «Оверлорд» и что я тщетно пытался заманить союзников в какое-то массовое вторжение на Балканах или в широкую кампанию в восточной части Средиземного моря, которая самым эффективным образом сорвала бы операцию «Оверлорд».

В действительности, как показывают переговоры в Тегеране, Черчилль проводил именно такую линию. Это и было его главной целью. Потерпев неудачу, он вынужден был согласиться на высадку в Нормандии.

Любопытно, что подлинный план Черчилля был вполне ясен и президенту Рузвельту. Его сын Эллиот, нахо-

дившийся в те дни в Тегеране, вскоре после смерти отца опубликовал запись своей беседы с ним в иранской столице. Касаясь переговоров об открытии второго фронта в Европе, президент Рузвельт сказал Эллиоту, что у Черчилля в этом отношении была особая позиция.

«— Всякий раз,— пояснил Рузвельт,— когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные...

— Но он этого не сказал?

— Конечно, нет,— ответил Рузвельт.— А когда Дядя Джо (так Рузвельт называл Сталина) говорил о преимуществах вторжения на западе с военной точки зрения и о нецелесообразности распыления наших сил, он тоже все время имел в виду и политические последствия. Я в этом уверен, хотя он об этом не сказал ни слова...

Отец снова лег и замолчал...

— Я не думаю...— начал я нерешительно.

— Что?

— Я хочу сказать, что Черчилль... словом, он не...

— Ты думаешь, что он, быть может, прав? И, быть может, нам действительно было бы целесообразным нанести удар и на Балканах?

— Ну...

— Эллиот, наши начальники штабов убеждены в одном: чтобы истребить как можно больше немцев, потеряв при этом возможно меньше американских солдат, надо подготовить одно крупное вторжение и ударить по немцам всеми имеющимися в нашем распоряжении силами. Мне это кажется разумным... Представителям Красной Армии это тоже кажется разумным. Так обстоит дело. Таков кратчайший путь к победе. Вот и все. На беду премьер-министр (Черчилль) слишком много думает о том, что будет после войны и в каком положении окажется тогда Англия. Он смертельно боится чрезмерного усиления русских. Может быть, русские и укрепят свои позиции в Европе, но будет ли это плохо, зависит от многих обстоятельств. Я уверен в одном: если путь к скорейшей победе ценой минимальных потерь со стороны американцев ле-

жит на западе и только на западе и нам нет нужды напрасно жертвовать своими десантными судами, людьми и техникой для операций в районе Балкан,— а наши начальники штабов убеждены в этом,— то больше не о чем и говорить.

Отец хмуро улыбнулся.

— Я не вижу оснований рисковать жизнью американских солдат ради защиты реальных или воображаемых интересов Англии на европейском континенте. Мы ведем войну, и наша задача выиграть ее как можно скорее и без авантюр. Я думаю, я надеюсь, Черчилль понял, что наше мнение именно таково и что оно не изменится.

Отец снова закрыл глаза, и наступила тишина, нарушавшаяся лишь тиканьем часов...»

Я позволил себе привести столь длинную выдержку по двум причинам. Во-первых, она поможет читателю лучше уяснить себе цели, которые преследовал Черчилль, настаивая на своей балканской авантюре. Во-вторых, она показывает, что Рузвельт прекрасно понимал подлинный смысл планов Черчилля. Из того, что американский президент говорил об этом своему сыну, причем в дни Тегеранской конференции, видно, что планы правящих кругов Англии расходились с задачами достижения скорейшей победы над общим врагом. По-видимому, Рузвельт действительно не одобрял эту линию Черчилля. Но следует иметь в виду, что в Вашингтоне были влиятельные круги, которые, так же как и Черчилль, не торопились с открытием второго фронта.

СОВЕЩАНИЕ ВОЕННЫХ ЭКСПЕРТОВ

Встреча военных представителей трех держав состоялась 29 ноября в 10 часов 30 минут утра. Американская делегация была представлена адмиралом Леги и генералом Маршаллом; от англичан присутствовали генерал Брук и главный маршал авиации Портал, советскую сторону представлял маршал Ворошилов.

Климент Ефремович предложил мне быть переводчиком на этом совещании, и я, запасшись блокнотом и карандашами, в начале одиннадцатого прогуливался по аллее, ведущей к главному зданию посольской усадьбы, где в комнате, примыкавшей к большому залу пленарных за-

седаний должна была происходить встреча военных экспертов.

Аллея соединяла главное здание с особняком, в котором разместились советские делегаты, и я то и дело поглядывал туда — не идет ли Ворошилов. Погода была очень приятная, в воздухе еще сохранилась ночная свежесть, а солнце, пробиваясь веселыми зайчиками сквозь густую листву, играло на посыпанной желтым песком дорожке. Было мирно и тихо в этом уединенном месте встречи руководителей трех держав, многомиллионные армии которых где-то на далеких фронтах вели титаническую борьбу в грохоте взрывов, в дыму пожаров, среди бушующих валов необозримых морей и океанов...

Наконец открылась дверь особняка и оттуда вышли двое — Сталин и Ворошилов. Сталин что-то говорил своему спутнику, а тот молча слушал и лишь время от времени кивал головой. Возможно, в этот момент Ворошилов получал последние указания насчет предстоящей встречи с англо-американцами, а может быть, речь шла и о чем-то совсем другом: из-за значительного расстояния слов нельзя было разобрать.

В это утро Сталин выглядел отлично. Бодрая походка и весь его облик говорили, что он полон энергии и решимости. Порой он улыбался, похлопывал Ворошилова по плечу.

Поравнявшись со мной, Сталин кивнул мне, на что я скороговоркой ответил:

— Доброе утро, товарищ Сталин...

Сталин отрывисто бросил Ворошилову:

— Желаю успеха!..

И свернул в боковую аллею.

Пока мы шли к главному зданию, Климент Ефремович спросил, справлюсь ли я с переводом и с записью беседы. Протокол, пояснил Ворошилов, надо составить особенно тщательно: его будет читать Сталин. Я ответил, что постараюсь сделать все как надо. Ворошилов одобрительно улыбнулся и сказал:

— Между прочим, вы нравитесь товарищу Сталину, но он считает, что вы очень уж застенчивы. Советую вам быть понапористей, иначе далеко не уйдете. Сталин это любит, и сейчас в вашей судьбе многое зависит от вас...

Я пробормотал что-то невнятное, видимо, лишний раз подтвердив тем самым безнадежное отсутствие у меня

«напористости». К тому же замечание Климента Ефремовича было неожиданным и привело меня в некоторое замешательство. Я ни разу не замечал, чтобы Сталин проявлял ко мне особое внимание. Он никогда со мной не говорил ни о чем не относящемся к моим непосредственным функциям переводчика, и мне казалось, что он вообще меня не замечает. Поэтому я никак не мог взять в толк, в чем же мне следует проявить «напористость». И действительно ли это пришлось бы ему по вкусу. Так или иначе никаких последствий этот разговор для меня не имел...

Мы прошли в комнату заседаний. Посреди стоял длинный стол, покрытый красным сукном. В центре его, как и в большом зале, на подставке были укреплены государственные флажки трех держав. По обе стороны стола — длинные ряды стульев. Когда мы вошли, американцы уже сидели на своих местах. Видимо, они успели побывать у жившего в этом же здании президента Рузвельта и из его апартаментов сразу же перешли сюда. Мы приветствовали друг друга, после чего начался традиционный обмен новостями с фронтов. Тем временем появились англичане. Можно было начинать совещание. Американцы и англичане разместились по одной стороне стола. Русские — по другой, напротив.

Открыл совещание адмирал Леги, который председательствовал на этом заседании. Леги предложил английскому генералу Бруку сделать сообщение о Средиземноморском театре военных действий.

Брук, как бы развивая вчерашний тезис Черчилля, заявил, что важнейшая задача англо-американцев заключается в том, чтобы оказывать давление на врага везде, где это возможно. В то же время они стремятся задержать поток германских дивизий, который мог бы быть направлен немцами в Северную Францию, где их увеличение нежелательно. Конечно, сказал Брук, операция «Оверлорд» отвлечет большое количество германских дивизий, но она будет проведена только через шесть месяцев. За этот отрезок времени необходимо что-то сделать для отвлечения германских дивизий. Генерал Брук напомнил, что англичане имеют крупные силы в Средиземном море, которые они желают использовать как можно лучше. После этого общего замечания Брук обратился к генералу Маршаллу:

— Если я скажу что-либо, что не будет соответствовать мнению американцев, то прошу меня прервать.

Генерал Маршалл кивнул:

— Продолжайте, пожалуйста...

Разработанные англо-американцами планы, сказал генерал Брук, предусматривают активные действия на всех фронтах, в том числе и в районе Средиземного моря. Англичане имеют специальные десантные баржи, которые можно было бы использовать для операций в данном районе. Нужно только отложить «Оверлорд» на срок, который потребовался бы для использования этих судов в Средиземном море. Эти операции задержали бы германские войска, которые в противном случае были бы использованы немцами против операции «Оверлорд».

Рассмотрев далее различные варианты операций с целью отвлечения немецких сил в момент высадки союзников в Северной Франции, Брук стал говорить о сложностях операций, в которых приходится подбрасывать морем резервы то одной, то другой группировке. Поэтому, пояснил он, нелегко будет своевременно пополнить войсками любой вспомогательный десант. Но нужно сделать все, что возможно, чтобы немцы не могли усиливать свои войска до тех пор, пока высадившиеся силы союзников будут еще незначительны.

Выступивший вслед за Бруком американский генерал Маршалл начал с проблемы десантных судов, которая, по его словам, стоит весьма остро. Речь идет прежде всего о судах, способных перебрасывать танки и мотомехчасти. Именно таких судов недостает для успешного осуществления операций в Средиземном море, о которых говорил генерал Брук. Преимущество операции «Оверлорд» заключается в том, что тут речь идет о самой короткой дистанции, которую необходимо преодолеть в первоначальный момент. В дальнейшем предполагается перебрасывать войска во Францию непосредственно из Соединенных Штатов — в общем, примерно до 60 американских дивизий. Что касается действий в районе Средиземного моря, то тут еще не принято определенных решений, так как этот вопрос предполагалось обсудить в Тегеране.

Сейчас, продолжал Маршалл, вопрос заключается в том, что следует делать в ближайшие три, а в зависимости от этого — в ближайшие шесть месяцев. Предпринимать

атаку в Южной Франции за два месяца до операции «Оверлорд» очень опасно. Но в то же время совершенно правильно, что операция в Южной Франции способствовала бы успеху «Оверлорда». Поэтому на юге Франции надо было бы высадиться за две-три недели до открытия второго фронта в Нормандии. Необходимо иметь в виду, что серьезным препятствием при осуществлении этих операций будут действия немцев, которые разрушат все порты. В течение длительного времени придется снабжать армии через открытое побережье. В заключение генерал Маршалл еще раз подчеркнул, что для американцев проблема не в недостатке войск и снабжения, а в недостатке десантных судов.

Таким образом, генерал Маршалл, хотя и не отверг английские планы высадки союзников в районе Средиземного моря, все же дал понять, что недостаток десантных средств приведет в случае осуществления этой операции к значительной затяжке «Оверлорда».

Ворошилов внимательно слушал рассуждения генералов Брука и Маршалла и воздержался от каких-либо замечаний. Он предложил, чтобы англо-американцы сделали доклад о воздушных операциях. На эту тему выступил английский маршал авиации Портал. Отметив, что до настоящего времени основные налеты на Германию производились из Англии, Портал подчеркнул, что теперь такие налеты начинают осуществляться и из района Средиземного моря. Предупредив, что предстоит еще тяжелая борьба, он выразил убеждение, что англо-американский план уничтожения военно-воздушных сил немцев все же увенчается успехом. Немцы очень чувствительны к массированным налетам, особенно на Южную Германию, предпринимаемым из района Средиземного моря. Он, Портал, понимает, что советская авиация почти полностью занята в наземных боях в районе фронта, но было бы хорошо, если бы советское командование выделило некоторую часть авиации для бомбардировки Восточной Германии. Это оказало бы большое влияние на положение на всех остальных фронтах.

Адмирал Леги спросил, каково мнение маршала Ворошилова по поводу только что сделанных докладов.

— Прежде всего,— сказал Ворошилов,— я хотел бы задать два вопроса. Во-первых: что делается для того, чтобы разрешить проблему транспортных и десантных

средств? Во-вторых: отдают ли приоритет операции «Оверлорд»? Из доклада генерала Маршалла следует, что американцы считают операцию «Оверлорд» основной. Но считает ли генерал Брук как глава Британского генерального штаба эту операцию также главной? Не считает ли он, что эту операцию можно было бы заменить какой-либо другой в районе Средиземного моря или где-либо в ином месте?

Резкость постановки этих вопросов вызвала в зале некоторое замешательство. Генерал Брук стал перебирать лежавшие перед ним бумаги. Он, видимо, хотел уклониться от ответа. Слово взял генерал Маршалл.

— Что касается Соединенных Штатов,— сказал он,— то мы делали все, чтобы необходимые приготовления были закончены к моменту начала операции «Оверлорд». В частности, готовятся десантные баржи, каждая из которых сможет перевозить до 40 танков.

Когда генерал Маршалл заканчивал последнюю фразу, генерал Брук поднял вверх палец, давая понять, что хочет взять слово сразу же после американского представителя. Адмирал Леги кивнул в знак согласия.

— Прежде всего,— заявил Брук,— я хочу ответить на вопрос маршала Ворошилова о том, как рассматривают англичане операцию «Оверлорд». Англичане придают этой операции важное значение и считают ее существенной частью войны. Но для ее успеха должны существовать определенные предпосылки, которые не позволяли бы немцам использовать хорошие дороги Северной Франции для подбрасывания резервов...

Так и не дав прямого ответа на вопрос — считают ли англичане «Оверлорд» главной операцией, Брук принялся рассуждать о том, что вообще-то, как полагает британское командование, необходимые предпосылки для высадки через Ла-Манш должны существовать в 1944 году, и потому англичане готовятся осуществить эту операцию в течение будущего года. Но сложность заключается в десантных судах. Чтобы быть готовыми к 1 мая 1944 года, необходимо уже сейчас перебросить основную массу десантных судов из Средиземного моря, а это, подчеркнул Брук, привело бы к приостановке операций в Италии в момент, когда англичане хотят постоянно удерживать в сражениях максимальное число германских дивизий. Такие сражения необходимы не только для того, чтобы оттягивать германские силы с русского фронта, но и для последую-

щего успеха «Оверлорда». Вот и получается, что в настоящий момент нельзя все бросить на подготовку «Оверлорда». Следовательно, трудно сказать, когда удастся начать вторжение в Северную Францию.

В заключение генерал Брук указал на сложности создания временных плавучих портов. В этом отношении сейчас проводятся опыты, причем некоторые из них были не столь удачны, как это предполагалось, хотя в целом имеется некоторый успех. Так или иначе, успех или неуспех операции «Оверлорд» будет в значительной степени зависеть от наличия этих портов. Таким образом, генерал Брук в дополнение к уже и без того нагроможденным англичанами препятствиям выдвинул новую преграду к своевременному осуществлению «Оверлорда».

Разъяснения английского представителя не удовлетворили Ворошилова, и он повторил свой вопрос к генералу Бруку:

— Я хотел бы знать, считают ли англичане операцию «Оверлорд» главной операцией?

Английский генерал продолжал уклоняться от прямого ответа. Он сказал:

— Я ждал этого вопроса и должен заметить, что не желаю видеть неудачу операций как в Северной, так и в Южной Франции. Но при некоторых обстоятельствах эти операции обречены на неудачу...

Видя, что ему так и не удастся вытянуть из англичан определенного ответа, Ворошилов принялся излагать советскую точку зрения на эту проблему. Он напомнил сделанное на вчерашнем пленарном заседании конференции заявление главы советской делегации о том, что советский Генеральный штаб считает операции в районе Средиземного моря второстепенными и что было бы целесообразно осуществить лишь такие операции в Южной Франции, которые имели бы решающее значение для успеха «Оверлорда». Опыт войны и успехи англо-американских войск в Северной Африке, уже проведенные операции по высадке десантов в Италии, действия англо-американской авиации против Германии, степень организации войск Соединенных Штатов и Соединенного Королевства, могучая техника Соединенных Штатов, морская мощь союзников и в особенности их господство в Средиземном море — все это, сказал Ворошилов, показывает, что при желании «Оверлорд» может быть успешно осуществлен. Необходима лишь воля.

Далее Ворошилов напомнил, что предложения советской стороны заключаются в том, чтобы операция через Ла-Манш была поддержана действиями союзных войск с юга Франции. С этой целью можно было бы перейти в Италии к обороне, а освободившимися силами произвести высадку в Южной Франции с тем, чтобы ударить по врагу с двух сторон. Эта высадка может быть осуществлена либо за два-три месяца, либо одновременно, либо даже немного позже операции «Оверлорд». Но она обязательно должна состояться.

— Мы рассматриваем операцию через Ла-Манш,— продолжал Ворошилов,— как операцию нелегкую. Мы понимаем, что эта операция труднее форсирования рек, но все же на основании нашего опыта по форсированию таких крупных рек, как Днепр, Десна, Сож, правый берег которых гористый и при этом хорошо был укреплен немцами, мы можем сказать, что операция через Ла-Манш, если она по-серьезному будет проводиться, окажется успешной. Немцы построили на правом берегу указанных рек современные железобетонные укрепления, установили там мощную артиллерию и могли обстреливать левый низкий берег на большую глубину, не давая возможности нашим войскам приблизиться к реке. Все же после концентрированного артиллерийского и минометного огня, после мощных ударов авиации нашим войскам удалось форсировать эти реки, и враг был разгромлен. Поэтому я уверен, что хорошо подготовленная, а главное, полностью обеспеченная сильной авиацией операция «Оверлорд» увенчается полным успехом. Союзная авиация должна обеспечить за собой, разумеется, полное господство в воздухе еще до начала действий наземных войск...

Генерал Брук, отвечая Ворошилову, в примирительном тоне заявил, что англо-американцы рассматривают операции в Средиземном море как операции второстепенного значения. Но поскольку в этом районе имеются крупные войска, операции там могут и должны быть проведены для того, чтобы помочь основной операции. Эти операции тесно связаны со всем ведением войны и, в частности, с успехом военных действий в Северной Франции.

Далее Брук перевел разговор на проблему форсирования водных рубежей. Он сказал, что англичане с большим интересом и восхищением следили за форсированием рек Красной Армией и считают, что русские достигли

больших успехов в десантных операциях. Но операция через Ла-Манш требует специальных средств и нуждается в детальной разработке. Англо-американцы изучают все необходимые детали уже в течение нескольких лет. Значительные трудности заключаются также в том, что берег во Франции пологий и что там имеются большие отмели. Поэтому во многих местах судам трудно подойти к самому берегу.

Генерал Маршалл также обратил внимание на сложности, связанные с высадкой в Северной Франции. Он не согласился с оптимистическим высказыванием Ворошилова по поводу десанта через Ла-Манш. Маршалл сказал, что обучался в свое время наземным операциям и форсированию рек. Но когда он столкнулся с десантными операциями через океан, ему пришлось полностью переучиваться. Если при форсировании реки поражение может означать лишь неудачу, то неудача при десанте через океан означает катастрофу.

Ворошилов возразил Маршаллу. По его мнению, в такой операции, как «Оверлорд», главное заключается в организации, планировании и продуманной тактике. Если тактика будет соответствовать поставленной задаче, даже неудача передовых частей будет только неудачей, а не катастрофой. Авиация должна завоевать господство в воздухе и разгромить артиллерию противника. После интенсивной артиллерийской подготовки посылаются лишь передовые части, а когда они закрепятся и успех обозначится, высаживаются основные части.

В итоге каждый так и остался при своем мнении. Но военные представители не смогли найти общий язык не только по вопросу о десантных операциях. Остался нерешенным и более важный вопрос — о сроке открытия второго фронта в Северной Франции.

Когда во второй половине дня собралось пленарное заседание делегаций трех держав, военные представители не могли доложить ничего утешительного.

КОРОЛЕВСКИЙ МЕЧ — СТАЛИНГРАДУ

Перед началом пленарного заседания конференции 29 ноября состоялась торжественная церемония, вылившаяся в демонстрацию единства союзников в борьбе про-

тив общего врага. Такая демонстрация была как нельзя кстати. Она несколько разрядила сгустившиеся над конференцией тучи и как бы напомнила о том, что перед антигитлеровской коалицией стоят еще очень большие и сложные задачи, которые могут быть решены лишь при условии общих, согласованных действий.

Вручение жителям Сталинграда от имени короля Георга VI и английского народа специально изготовленного меча было обставлено с подчеркнутой пышностью. Большой блестящий меч с двуручным эфесом и инкрустированными ножнами, выкованный опытнейшими потомственными оружейниками Англии, символизировал дань уважения героям Сталинграда — города, где был надломлен хребет фашистского зверя.

Зал заполнился задолго до начала церемонии. Здесь уже находились все члены делегаций, а также руководители армий, флотов и авиации держав — участниц антигитлеровской коалиции, когда появилась Большая тройка.

Сталин был в светло-сером кителе с маршальскими погонами. Черчилль на этот раз также явился в военной форме. С того дня своей формы английский премьер в Тегеране не снимал, и все считали, что это его своеобразная реакция на маршальскую одежду Сталина. Сначала Черчилль носил синий в полоску костюм, но, увидев Сталина в форме, он тут же затребовал себе серо-голубоватый мундир высшего офицера королевских военно-воздушных сил. Эта форма как раз подоспела к церемонии вручения меча. Рузвельт, как обычно, был в штатском.

Почетный караул состоял из офицеров Красной Армии и британских вооруженных сил. Оркестр исполнил советский и английский государственные гимны. Все стояли навытяжку. Оркестр смолк, и наступила торжественная тишина. Черчилль медленно приблизился к лежавшему на столе большому черному ящику и раскрыл его. Меч, спрятанный в ножнах, покоился на бордовой бархатной подушке. Черчилль взял его обеими руками и, держа на весу, сказал, обращаясь к Сталину:

— Его величество король Георг VI повелел мне вручить вам для передачи городу Сталинграду этот почетный меч, сделанный по эскизу, выбранному и одобренному его величеством. Этот почетный меч изготовлен английскими мастерами, предки которых на протяжении многих поко-

лений занимались изготовлением мечей. На лезвии меча выгравирована надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами — гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа».

Сделав несколько шагов вперед, Черчилль передал меч Сталину, позади которого стоял советский почетный караул с автоматами наперевес. Приняв меч, Сталин вынул клинок из ножен. Лезвие сверкнуло холодным блеском. Сталин поднес его к губам и поцеловал. Потом, держа меч в руках, тихо произнес:

— От имени граждан Сталинграда я хочу выразить свою глубокую признательность за подарок короля Георга VI. Граждане Сталинграда высоко оценят этот подарок, и я прошу вас, господин премьер-министр, передать их благодарность его величеству королю...

Наступила пауза. Сталин медленно обошел вокруг стола и, подойдя к Рузвельту, показал ему меч. Черчилль поддерживал ножны, а Рузвельт внимательно оглядел огромный клинок. Прочтя вслух сделанную на клинке надпись, президент сказал:

— Действительно, у граждан Сталинграда стальные сердца...

И он вернул меч Сталину, который подошел к столу, где лежал футляр, бережно уложил в него спрятанный в ножны меч и закрыл крышку. Затем он передал футляр Ворошилову, который в сопровождении почетного караула перенес меч в соседнюю комнату...

Все вышли фотографироваться на террасу с шестью белыми колоннами. Было тепло и безветренно. Солнце освещало позолоченную осенью листву. Сталин и Черчилль остановились в центре террасы, куда подвезли в коляске и Рузвельта. Сюда же были принесены три кресла для Большой тройки. Позади кресел выстроились министры, маршалы, генералы, адмиралы, послы. Это был большой день фоторепортеров и кинооператоров. Они сновали вокруг, то приседали, то становились на цыпочки, забегали то с одной, то с другой стороны, стараясь отыскать позицию получше. Потом свита отошла в сторону, и Большая тройка осталась одна на фоне высоких дверей, которые вели с террасы в зал заседаний. Этот снимок стал историческим и обошел весь мир.

В ПОИСКАХ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

На заседании, начавшемся после церемонии вручения королевского меча Сталинграду, торжественно-приподнятое настроение быстро рассеялось. По-прежнему оставался нерешенным важнейший вопрос об открытии второго фронта в Европе. Обращаясь к английскому и американскому представителям, глава советской делегации спросил:

— Я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией «Оверлорд»?

— Этот вопрос еще не решен,— ответил Рузвельт.

— Тогда ничего не выйдет из операции «Оверлорд»,— мрачно произнес Сталин, как бы рассуждая вслух.— Кто несет моральную и военную ответственность за подготовку и выполнение операции «Оверлорд»? Если это неизвестно, тогда операция «Оверлорд» является лишь разговором.

На противоположной стороне стола проскользнула какая-то тень неловкости. Воцарилось молчание. Потом Рузвельт сказал:

— Английский генерал Морган несет ответственность за подготовку операции «Оверлорд».

— А кто несет ответственность за проведение операции «Оверлорд»?— продолжал настаивать советский представитель.

— Нам известны все лица, которые будут участвовать в осуществлении операции,— пояснил президент,— за исключением главнокомандующего этой операцией.

Это объяснение, конечно, не решало проблемы. Вопрос, поставленный советской делегацией, имел большое принципиальное значение. Ведь без командира, без ответственного военного руководителя не может быть осуществлена ни малая, ни крупная операция. Тем более невозможно без главнокомандующего планировать и осуществить такую операцию, как высадка огромной массы войск, оснащенных тяжелой боевой техникой, через Ла-Манш. Поэтому постановка вопроса о главнокомандующем вскрыла всю несостоятельность позиции англо-американцев.

— Может случиться,— продолжал Сталин все тем же мрачным тоном,— что генерал Морган сочтет операцию подготовленной, но после назначения командующего, ко-

торый будет отвечать за осуществление этой операции, окажется, что командующий сочтет операцию не подготовленной. Должно быть одно лицо, которое отвечало бы как за подготовку, так и за проведение операции.

— Генералу Моргану,— возразил Черчилль,— поручены предварительные приготовления.

— Кто поручил это генералу Моргану?— быстро спросил Сталин.

Черчилль ответил, что несколько месяцев назад такое поручение генерал Морган получил от англо-американского Объединенного штаба с согласия президента Рузвельта и его, Черчилля. Генералу Моргану было поручено вести подготовку «Оверлорда» совместно с американскими и английскими штабами, однако главнокомандующий еще не назначен. Британское правительство выразило готовность поставить свои силы под командование американского главнокомандующего в операции «Оверлорд», так как Соединенные Штаты несут ответственность за концентрацию и пополнение войск и имеют тут численное превосходство. Вопрос о назначении главнокомандующего, продолжал Черчилль, нельзя решить на таком обширном заседании, как сегодняшнее. Этот вопрос следует обсудить трем главам правительств между собой, в узком кругу.

Пока Черчилль говорил, Рузвельт что-то написал на листке бумаги и переслал ее английскому премьеру. Тот быстро пробежал текст и сказал:

— Как мне сейчас передал президент,— и я тоже это подтверждаю,— решение вопроса о назначении главнокомандующего будет зависеть от переговоров, которые мы ведем здесь...

— Я хочу, чтобы меня правильно поняли,—пояснил Сталин.— Русские не претендуют на участие в назначении главнокомандующего, но русские хотели бы знать, кто будет командующим. Мы хотели бы, чтобы он был поскорее назначен и чтобы он отвечал как за подготовку, так и за проведение операции «Оверлорд».

— Я вполне согласен с тем, что сказал маршал Сталин,— воскликнул Черчилль. Его явно приободрило, что советская сторона не претендует на участие в обсуждении этого вопроса.— Я думаю, что президент согласится со мной в том, что через две недели мы назначим главнокомандующего и сообщим его фамилию.

Проблема главнокомандующего «Оверлордом» была снова затронута в беседе, которую на следующий день Сталин имел с Черчиллем. Признавая, что это назначение имеет жизненную важность, британский премьер сказал, что до августа существовало мнение, согласно которому главнокомандующим «Оверлордом» должен быть английский офицер. Однако на недавней встрече Рузвельта и Черчилля в Квебеке президент внес другое предложение: «Оверлордом» должен командовать американский офицер, а операциями в Средиземном море — английский. Британское правительство согласилось с этим, поскольку даже в самом начале операции «Оверлорд» американцы будут иметь численное превосходство, которое с течением времени должно возрастать.

— Означает ли это, что в Средиземном море вместо Эйзенхауэра будет назначен английский командующий?— спросил Сталин.

Черчилль ответил утвердительно и добавил, что как только американцы назначат своего командующего, он, Черчилль, назначит британского командующего в районе Средиземного моря.

— Задержка в назначении американского командующего,— многозначительно добавил британский премьер,— связана с внутренними соображениями и имеет отношение к некоторым высокопоставленным лицам в Соединенных Штатах...

Объяснения Черчилля содержали только половину правды. Ибо проблема назначения главнокомандующего вызвала разногласия не только среди вашингтонских политиков, но и еще больше между англичанами и американцами. Дело в том, что к лету 1943 года в Вашингтоне стало складываться мнение о необходимости объединить операции в Средиземном море и в Северной Франции под одним командованием, а именно — американским. Тогда же была намечена кандидатура командующего всеми операциями. Им должен был стать американский генерал Джордж Маршалл, занимавший пост начальника штаба армии Соединенных Штатов. Но вокруг этой кандитатуры и возникли расхождения. Влиятельные военные круги, а также некоторые видные деятели конгресса США считали, что в Вашингтоне трудно найти замену такому опытному в военном и политическом отношении деятелю, как генерал Маршалл. Эти круги соглашались на его перевод

в Европу лишь в том случае, если будет найдена какая-то формула, которая позволит сохранить за Маршаллом и его вашингтонский пост.

С другой стороны, президент Рузвельт и его ближайшее окружение полагали, что только в случае выдвижения генерала Маршалла на пост главнокомандующего можно рассчитывать на согласие англичан объединить под его единоличным командованием оба театра военных действий — Средиземноморский и Западноевропейский. Рузвельт считал это тем более важным, поскольку к тому времени весьма четко проявилась тенденция Черчилля развернуть широкие военные действия прежде всего в восточной части Средиземного моря. Внутриполитические сложности, возникшие в этой связи, привели к тому, что на протяжении осенних месяцев 1943 года вопрос о кандидатуре главнокомандующего так и оставался нерешенным.

Но все дело усугублялось также тем, что британское правительство решительно сопротивлялось созданию общего командования под эгидой американцев. Правда, Лондон поддерживал идею назначения Маршалла, но лишь главнокомандующим «Оверлорда». В итоге кандидатура главнокомандующего не была окончательно согласована и после того, как в Квебеке американская идея о совместном командовании окончательно отпала и было решено поставить англо-американские силы, действующие в Средиземноморье, под английское командование.

Уступив в этом вопросе Лондону, американцы показали, что они готовы смотреть сквозь пальцы на планы Черчилля в восточной части Средиземного моря. Смысл этих планов ясен: во-первых, затянуть войну действиями на второстепенных направлениях, во-вторых, установить английский контроль над Балканами и над всем югом Европы, где в то время широко распространилось партизанское движение, носившее не только антифашистский, но и антиимпериалистический характер.

Все эти интриги не имели, разумеется, ничего общего ни с задачей скорейшего окончания войны, ни с оказанием действенной помощи Советскому Союзу.

В Тегеране имя главнокомандующего «Оверлордом» так и не было названо. Правда, спустя четыре дня после окончания конференции руководителей трех держав, 5 декабря 1943 года, Рузвельт назначил верховным командую-

щим англо-американскими войсками, участвующими в операции «Оверлорд», генерала Эйзенхауэра.

ОБСТАНОВКА ОБОСТРЯЕТСЯ

Участники конференции вновь и вновь возвращались к теме «Оверлорда», но это не приближало их ни на шаг к главному вопросу — о сроках и очередности вторжения в Северную Францию. Между тем Черчилль не оставлял своих попыток заменить «Оверлорд» какой-то другой операцией — в Средиземном море или на Балканах. На одном из пленарных заседаний он вновь заявил, что в Средиземноморье англичане располагают значительной армией и хотят, чтобы эта армия вела активную борьбу там в течение всего года, а не находилась в бездействии. Поэтому, заявил Черчилль, он просит, чтобы русские рассмотрели всю эту проблему и различные альтернативы, которые англичане предлагают в отношении наилучшего использования имеющихся вооруженных сил в районе Средиземного моря. Британский премьер выдвинул ряд вопросов, которые, по его мнению, необходимо детально изучить.

Во-первых, какую помощь можно будет оказать операции «Оверлорд», используя войска, находящиеся в Средиземноморье. Англичане хотели бы иметь там достаточное количество десантных судов для переброски двух дивизий. При этом можно было бы ускорить продвижение англо-американских войск вдоль Апеннинского полуострова для уничтожения войск противника. Имеется и другая возможность использования этих сил. Их было бы достаточно для захвата острова Родос в том случае, если бы Турция вступила в войну. Третья возможность использования этих сил заключается в том, что они за вычетом потерь могли бы быть использованы через шесть месяцев в Южной Франции для поддержки операции «Оверлорд». Ни одна из указанных возможностей не исключена, но возникает вопрос о сроке. Использование этих двух дивизий, независимо от того, какими из трех перечисленных операций они будут заняты, не может быть осуществлено без отсрочки операции «Оверлорд» или отвлечения части десантных средств из района Индийского океана.

— В этом состоит наша дилемма,— патетически воскликнул Черчилль, вздымая руки к небу.— Чтобы решить, какой путь нам избрать, мы хотим услышать точку зре-

ния маршала Сталина по поводу общего стратегического положения, так как военный опыт наших русских союзников приводит нас в восхищение и воодушевляет нас...

Но есть и еще одна проблема, продолжал глава британской делегации, которая носит скорее политический, нежели военный характер. Речь идет о Балканах. Там находится 21 германская дивизия и, помимо того, гарнизонные войска. Из этого количества 54 тысячи немецких солдат сконцентрированы на Эгейских островах. На Балканах имеется также не менее 12 болгарских дивизий.

Указав на значение вражеских сил, расположенных на Балканах, Черчилль принялся уверять, что Англия не имеет на Балканах ни интересов, ни честолюбивых устремлений. Она лишь хочет сковать 21 германскую дивизию на Балканах и, по мере возможности, уничтожить их.

— Мы стремимся дружно работать с нашими русскими союзниками,— заверил Черчилль.

Эти заверения звучали не очень убедительно. В ответ на них советский делегат вновь заявил, что из военных проблем основным и решающим вопросом следует считать операцию «Оверлорд».

— Конечно,— продолжал Сталин,— русские нуждаются в помощи. И если речь идет о помощи нам, то мы ожидаем помощи от тех, кто должен выполнять намеченные операции, и мы ожидаем действенной помощи.

Прежде всего, подчеркнул советский делегат, необходимо, чтобы срок операции «Оверлорд» не был отложен, чтобы май оставался предельным временем для осуществления этой операции. Следует также предусмотреть поддержку «Оверлорда» десантом на юге Франции. По мнению русской делегации, лучше было бы решить все эти вопросы в ходе Тегеранской конференции, и советская сторона не видит причин, по которым это не могло бы быть сделано.

Рузвельт, внимательно слушавший Сталина, сказал, что он придает большое значение срокам и, если имеется общее согласие на операцию «Оверлорд», следует договориться о дате ее проведения. По мнению Рузвельта, можно принять один из двух вариантов: либо провести «Оверлорд» в течение первой недели мая, либо несколько отложить эту операцию. Отсрочка «Оверлорда» могла бы быть вызвана одной-двумя операциями в Средиземном море, которые потребовали бы десантных средств и само-

летов. Если осуществить экспедицию в восточную часть Средиземного моря и если при этом не будет успеха, то придется перебросить туда дополнительные материалы и войска. Тогда «Оверлорд» не удастся осуществить в срок. Поэтому, продолжал американский президент, наши штабы должны разработать планы операций на Балканах таким образом, чтобы операции там не нанесли ущерба «Оверлорду».

— Правильно,— поддержал президента Сталин и добавил:— Если возможно, то хорошо было бы осуществить операцию «Оверлорд» в пределах мая, скажем, 10—15—20 мая.

— Я не могу дать такого обязательства,— отпарировал Черчилль.

Сталин пожал плечами, давая понять, что считает в этих условиях трудным продолжать разговор. Его явно раздражала уклончивая позиция британского премьера. Но он держал себя в руках и спокойным тоном учителя, который старается втолковать суть вопроса непонятливому ученику, сказал:

— Если осуществить «Оверлорд» в августе, как об этом говорил Черчилль вчера, то из-за неблагоприятной погоды в этот период ничего путного не выйдет. Апрель и май являются наиболее подходящими месяцами для «Оверлорда».

Известно, что Сталин был порой раздражительным и нетерпимым. Малейшее возражение могло вызвать у него весьма бурную реакцию. Однако на протяжении работы Тегеранской конференции он хорошо владел собой. Даже в самые острые моменты он был спокоен, выдержан, корректен. И это выгодно отличало его от Черчилля, который часто срывался, проявлял нервозность, а иногда и вовсе не мог держать себя в руках.

Спокойный тон Сталина возымел свое действие.

— Мне кажется,— примирительно сказал Черчилль,— что мы не расходимся во взглядах настолько, насколько это может показаться. Я готов сделать все, что во власти британского правительства, чтобы осуществить операцию «Оверлорд» в возможно ближайший срок. Но я не думаю, что те многие возможности, которые имеются в Средиземном море, должны быть немилосердно отвергнуты как не имеющие значения из-за того, что использование их задержит «Оверлорд» на два-три месяца. По нашему мне-

нию, многочисленные британские войска не должны находиться в бездействии в течение шести месяцев. Они должны вести бои с врагом, и с помощью американских союзников мы надеемся уничтожить немецкие дивизии в Италии. Мы не можем оставаться пассивными в Италии, ибо это испортит всю нашу кампанию там. Мы должны оказывать помощь нашим русским друзьям...

Таким образом, Черчилль снова вернулся к своему тезису о развертывании операций в Средиземноморье и к тому же изобразил дело так, будто это и есть наилучшая помощь Советскому Союзу. Сталин саркастически заметил:

— По Черчиллю выходит, что русские требуют от англичан, чтобы они бездействовали...

Черчилль сделал вид, что не замечает иронии, и принялся снова рассуждать о том, что необходимо сковать возможно большее количество германских дивизий в Италии и на Балканах и что пассивность на фронте в Италии позволит немцам снова перебросить свои дивизии во Францию в ущерб «Оверлорду». Англичане, уверял Черчилль, всегда готовы обсудить все подробности с союзниками, но дело в количестве десантных средств. Если эти десантные средства будут оставлены в районе Средиземного моря или в Индийском океане в ущерб «Оверлорду», тогда не может быть гарантирован успех «Оверлорда» и операции в Южной Франции.

— Для операций в Южной Франции потребуется большое количество десантных средств, и это надо учесть,— многозначительно закончил свою речь британский премьер.

В этих условиях предложение провести дальнейшее обсуждение в комиссии военных экспертов выглядело как уловка, рассчитанная на то, чтобы вообще похоронить это дело. Ведь все понимали: время, которое главы трех держав могут уделить Тегеранской конференции, весьма ограничено.

Поэтому, когда Рузвельт снова предложил поручить военной комиссии обсудить оставшиеся неразрешенными вопросы, Сталин решительно возразил:

— Не нужно никакой военной комиссии. Мы можем решить все вопросы здесь, на совещании. Мы должны решить вопрос о дате, о главнокомандующем и вопрос о необходимости вспомогательной операции в Южной Франции...

Советский делегат добавил, что русские ограничены сроком пребывания в Тегеране. Можно еще пробыть 1 декабря, но 2 декабря советская делегация должна уехать. Ведь заранее было договорено, что конференция продлится от трех до четырех дней.

Рузвельт все же продолжал настаивать на передаче всех вопросов в военную комиссию, но Сталин не соглашался. Он пояснил, что русские хотят знать дату начала операции «Оверлорд», чтобы подготовить свой удар по немцам.

Черчилль поддержал предложение президента о военной комиссии.

— Что касается определения срока операции «Оверлорд»,— заметил он,— то если будет решено провести расследование стратегических вопросов в военной комиссии...

Советский делегат резко перебил Черчилля:

— Мы не требуем никакого расследования...

Рузвельт, чувствуя, что атмосфера накаляется, поспешил вмешаться.

— Нам всем известно,— заметил он,— что разногласия между нами и англичанами небольшие. Я возражаю против отсрочки операции «Оверлорд», в то время как Черчилль больше подчеркивает важность операций в Средиземном море. Военная комиссия могла бы разобраться в этих вопросах.

— Мы можем решить эти вопросы сами,— настойчиво повторил Сталин,— ибо мы больше имеем прав, чем военная комиссия. Если можно задать вопрос, то я хотел бы спросить англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд» или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских.

Черчилль закусил удила.

— Если,— сказал он уклончиво,— будут налицо условия, которые были указаны на Московской конференции, то я твердо убежден в том, что мы будем обязаны перебросить все наши возможные силы против немцев, когда начнется осуществление операции «Оверлорд»...

Условия, на которые ссылался Черчилль, были определены на Московской конференции трех держав, состоявшейся незадолго до тегеранской встречи. Они определяли, в каком случае высадка через Ла-Манш может быть успешной: во Франции к моменту вторжения должно находиться не более 12 германских мобильных дивизий,

в течение 60 дней немцы не должны иметь возможности перебросить во Францию для пополнения своих войск более 15 дивизий.

Напоминая об этих условиях, Черчилль дал понять, что при определенных обстоятельствах операция «Оверлорд» вообще может оказаться под вопросом. В итоге после долгих дебетов проблема «Оверлорда» снова оказалась в тупике. Казалось, что продолжать переговоры вообще бессмысленно.

Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал:

— Идемте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте...

Черчилль заерзал в кресле, покраснел и невнятно пробурчал, что его «не так поняли».

Чтобы как-то разрядить атмосферу, Рузвельт примирительным тоном сказал:

— Мы очень голодны сейчас. Поэтому я предложил бы прервать наше заседание, чтобы присутствовать на обеде, которым нас сегодня угощает маршал Сталин...

ЛОСОСЬ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Стол на девять персон был накрыт в небольшой гостиной, примыкавшей к залу заседаний. На белой скатерти ярким пятном выделялись миниатюрные флажки трех держав. Между приборами были небрежно разбросаны красные гвоздики. Когда я вошел в гостиную, там, кроме официантов, еще никого не было. Обойдя стол, проверил, как разложены карточки с именами участников обеда. Напротив прибора, приготовленного для Сталина, должен был занять место президент Соединенных Штатов. На его фужере лежала карточка из белого картона с надписью: «Франклин Делано РУЗВЕЛЬТ» на русском и английском языках. Справа от Сталина должен был сидеть Черчилль, слева — я в качестве переводчика. Напротив меня, по правую руку президента — Молотов. Слева от президента — Чарльз Болен. По правую руку Черчилля — майор Бирз. На остальных местах — Гарри Гопкинс и Антони Иден. У каждого прибора лежала карточка с меню, которое также было напечатано на русском и английском языках. Набор блюд был обычным для такого случая. Разнообразная закуска, бульон, бифштекс, пломбир, кофе.

Из напитков — сухое кавказское вино, минеральная вода, лимонад и «Советское шампанское». Когда все собрались, но еще не сели за стол, официант принес на подносе рюмки с водкой, коньяком, вермутом. Сталин произнес короткий приветственный тост.

Высоко оценив кавказские вина, Рузвельт сказал, что в Калифорнии недавно начали производить сухие вина и что виноделие в южной части Тихоокеанского побережья США быстро развивается. Было бы неплохо испробовать там некоторые кавказские сорта, заметил президент. Сталин поддержал эту идею. Он на память приводил цифры производства по каждому сорту кавказского вина, подробно говорил об особенности почв в различных районах Грузии, рассказал об экспериментах с «Хванчкарой», которую, несмотря на все усилия, не удается получить в других районах, поскольку климатические и почвенные условия, где произрастает соответствующий сорт винограда, совершенно исключительны.

Черчилль сказал, что ему лично больше нравится коньяк и что у него есть много интересных соображений насчет импорта в Англию армянских марок. Рузвельт, как выяснилось, предпочитает более легкие напитки. Ему особенно нравится «Советское шампанское». Не согласится ли Советский Союз, спросил президент, экспортировать это чудесное вино в Соединенные Штаты. Сталин ответил утвердительно. По его словам, мощности заводов шампанских вин в Советском Союзе уже сейчас превышают спрос внутреннего рынка, а после войны производство шампанского можно будет значительно увеличить, что позволит в больших количествах экспортировать его за границу, в том числе и в Соединенные Штаты.

Обед проходил в непринужденной обстановке. Но для меня лично он начался не очень удачно. Обычно перед официальным обедом я забегал перекусить в служебную столовую. По опыту знал, что на приемах происходит оживленный обмен репликами, которые требуют точного и быстрого перевода. К тому же, если разговор заходит на серьезную тему, надо успеть его запротоколировать. Переводчику в этих условиях нечего и думать о том, чтобы поесть за таким столом, хотя, разумеется, официант кладет и ему на тарелку то, что полагается по меню. Как правило, все это уносят нетронутым.

На этот раз пленарное заседание затянулось, и до

обеда, на который Сталин пригласил своих партнеров по переговорам, оставалось всего несколько минут. Мне же надо было составить краткую запись только что закончившейся беседы. Таково было твердое правило, которое неукоснительно соблюдалось. Словом, я не успел забежать в столовую.

Когда все разместились за столом, начался оживленный разговор. Закуску унесли, подали и унесли бульон с пирожком: я к ним не притронулся, так как все время переводил и поспешно делал пометки в блокноте. Наконец, подали бифштекс, и тут я не выдержал: воспользовавшись небольшой паузой, отрезал изрядный кусок и быстро сунул в рот. Но именно в этот момент Черчилль обратился к Сталину с каким-то вопросом. Немедленно должен был последовать перевод, но я сидел с набитым ртом и молчал. Воцарилась неловкая тишина. Сталин вопросительно посмотрел на меня. Покраснев, как рак, я все еще не мог выговорить ни слова и тщетно пытался справиться с бифштексом. Вид у меня был самый дурацкий, все уставились на меня, отчего я еще больше смутился. Послышались смешки, потом громкий хохот.

Каждый профессиональный переводчик знает, что я допустил грубую ошибку — ведь мне была поручена важная работа и я должен был нести ответственность за свою оплошность. Я сам это прекрасно понимал, но надеялся, что все обернется шуткой. Однако Сталина моя оплошность сильно обозлила. Сверкнув глазами, он наклонился ко мне и процедил сквозь зубы:

— Тоже еще, нашел где обедать! Ваше дело переводить, работать. Подумаешь, набил себе полный рот, безобразие!..

Сделав над собой усилие, я проглотил неразжеванный кусок и скороговоркой перевел то, что сказал Черчилль. Я, разумеется, больше ни к чему не прикоснулся, да у меня и аппетит пропал...

Во время этого обеда много внимания уделялось темам гастрономическим. Рузвельт интересовался особенностями кавказской кухни, и в этой области Сталин, естественно, проявил себя тонким знатоком. Напомнив, что во время прошлого завтрака Рузвельту особенно понравилась лососина, Сталин сказал:

— Я распорядился, чтобы сюда доставили одну рыбку, и хочу вам ее теперь презентовать, господин президент.

— Это чудесно,— воскликнул Рузвельт,— очень тронут вашим вниманием. Мне даже неловко, что, похвалив лососину, я невольно причинил вам беспокойство...

— Никакого беспокойства,— возразил Сталин.— Напротив, мне было приятно сделать это для вас.

Обращаясь ко мне, он сказал:

— Пойдите в соседнюю комнату, скажите, пусть принесут сюда рыбу, которую сегодня доставили самолетом.

Выполнив поручение, я вернулся к столу. Рузвельт в это время говорил о том, что после войны откроются широкие возможности для развития экономических отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

— Конечно,— продолжал президент,— война нанесла России огромные разрушения. Вам, маршал Сталин, предстоят большие восстановительные работы. И тут Соединенные Штаты с их экономическим потенциалом могут оказать вашей стране существенную помощь. Полагаю, мы могли бы предоставить Советскому Союзу после нашей совместной победы над державами оси кредит в несколько миллиардов долларов. Разумеется, это еще только общая наметка. Все это нужно обсудить в соответствующих сферах, но в общем и целом подобная перспектива мне представляется вполне реальной.

— Очень признателен вам за это предложение, господин президент,— сказал Сталин.— Наш народ терпит большие лишения. Вам трудно себе представить разрушения на территории, где побывал враг. Ущерб, причиненный войной, огромен, и мы, естественно, приветствуем помощь такой богатой страны, как Соединенные Штаты, если, конечно, она будет сопровождаться приемлемыми условиями.

— Я уверен, что нам удастся договориться. Во всяком случае, я лично позабочусь об этом,— ответил Рузвельт.

В этот момент в комнату вошел офицер охраны и спросил, можно ли внести посылку. Получив согласие, он исчез за дверью, а Сталин сказал:

— Сейчас принесут рыбку.

Все повернулись в сторону двери, из которой через несколько мгновений появились четыре рослых парня в военной форме. Они несли рыбину метра в два длиной и полметра в диаметре. Процессию замыкали два повара-

филиппинца и работник американской службы безопасности. Чудо-рыбину поднесли поближе к Рузвельту, и он несколько минут любовался ею. Тем временем американский детектив попросил меня узнать у его советских коллег, какой обработке подверглась рыба, в каких условиях и как долго можно ее хранить, не подвергая риску здоровье президента. Записав все в блокнот, детектив удалился. За ним последовала и вся процессия с лососем, хвост которого, покачиваясь в такт шагам, как бы махнул нам на прощанье.

Когда все перешли в соседнюю комнату, где подали кофе, Черчилль вернулся к утренней церемонии вручения меча Георга VI Сталинграду. Он высказал мысль, что этот акт британского монарха символизирует рожденную в боях англо-советскую дружбу.

— Сам Сталинград,— заявил далее Черчилль,— стал символом мужества, стойкости русского народа и вместе с тем символом величайшего человеческого страдания. Этот символ сохранится в веках. Надо, чтобы будущие поколения могли воочию увидеть и почувствовать все величие одержанной у Волги победы и все ужасы бушевавшей там истребительной войны. Хорошо бы оставить нетронутыми страшные руины этого легендарного города, а рядом построить новый, современный город. Развалины Сталинграда, подобно развалинам Карфагена, навсегда остались бы своеобразным памятником человеческой стойкости и страданий. Они привлекали бы паломников со всех концов земли и служили бы предупреждением грядущим поколениям...

Рузвельту понравилась идея Черчилля, и он согласился, что было бы неплохо сохранить развалины Сталинграда в назидание потомкам, хотя, добавил он, это, разумеется, прежде всего дело русских.

Взоры всех устремились на Сталина. Насупившись, он медленно потягивал кофе из маленькой чашечки. Потом, неторопливым движением поставив чашку на столик, взял лежавшую тут же коробку «Герцоговины флор», закурил, затянулся, выпустив тонкую струйку дыма, сказал:

— Не думаю, чтобы развалины Сталинграда следовало оставить в виде музея. Город будет снова отстроен. Может быть, мы сохраним нетронутой какую-то часть его: квартал или несколько зданий как памятник Великой Отечественной войны. Весь же город, подобно Фениксу, воз-

родится из пепла, и это уже само по себе будет памятником победе жизни над смертью...

Вскоре Рузвельт, сославшись на усталость, отправился на свою половину. За ним последовали и другие американцы. После их ухода остались Сталин, Молотов, Черчилль, Иден и мы с майором Бирзом как переводчики. Продолжали пить кофе, курили сигары, которыми угощал Черчилль. Вновь обсуждали перспективы войны, прикидывали приблизительно сроки, в которые можно будет заставить Гитлера безоговорочно капитулировать. Черчилль заметил, что он уверен в скорой победе союзников, и добавил:

— Я полагаю, что бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал все для того, чтобы он стал нашим верным союзником...

Сталин поднял голову, с хитрецой посмотрел на Черчилля, сказал:

— Ну, а дьявол, разумеется, на моей стороне. Потому что, конечно же, каждый знает, что дьявол — коммунист. А бог, несомненно, добропорядочный консерватор...

БРИТАНСКИЙ ПРЕМЬЕР ОПРАВДЫВАЕТСЯ...

На следующий день вскоре после двенадцати состоялась встреча Черчилля и Сталина. Первым взял слово Черчилль. Напомнив о своем полуамериканском происхождении, он заявил, что относится с большой любовью к американцам. Поэтому не следует понимать то, что он собирается сейчас сказать, как попытку унизить американцев. Но есть некоторые вещи, которые лучше говорить один на один. Во-первых, следует иметь в виду, что численность британских вооруженных сил в Средиземном море значительно превышает численность находящихся там американских сил. Соотношение составляет примерно один к трем или четырем. Отсюда особая заинтересованность английского правительства в том, чтобы огромная британская армия в Средиземноморье не оставалась в бездействии.

— В настоящее время,— продолжал Черчилль,— положение таково, что приходится делать выбор между датой операции «Оверлорд» и операциями в Средиземном море. Но это не все. Американцы хотят, чтобы англичане пред-

приняли десантную операцию в Бенгальском заливе в марте будущего года.

Так Черчилль раскрыл смысл своего вчерашнего неожиданного упоминания о каких-то десантных операциях в районе Индийского океана. Получалось, что именно они теперь становятся препятствием к своевременному проведению «Оверлорда». Черчилль сказал далее, что относится «не особенно положительно» к операции в Бенгальском заливе. Конечно, дело обстояло бы по-иному, если бы имелось достаточно десантных средств как для этой операции, так и для действий в Средиземном море. Тогда можно было бы осуществить то, что хочет он, Черчилль, и то, на чем настаивают американцы, сохранив при этом сроки «Оверлорда». В нынешней же ситуации, убеждал Черчилль, речь идет не столько о выборе между операциями в Средиземном море и «Оверлордом», сколько о выборе между десантом в Бенгальском заливе и датой высадки в Северной Франции.

Черчилль заявил, что решил все это рассказать с тем, чтобы маршалу Сталину стал ясным смысл спора, происходившего вчера в присутствии американцев.

— Маршал Сталин, возможно, думает,— говорил британский премьер,— что я уделяю недостаточное внимание операции «Оверлорд». Это неверно. Все дело в проблеме десантных судов и в позиции американцев, которые слишком много внимания концентрируют на операциях в Индийском океане...

Внимательно выслушав Черчилля, советский представитель не стал вдаваться в подробности его объяснений, но предупредил британского премьера о серьезных последствиях, к которым может привести дальнейшая задержка с началом операции «Оверлорд».

— Должен сказать,— заметил Сталин,— что Красная Армия рассчитывает на осуществление десанта в Северной Франции. Боюсь, что если этой операции в мае не будет, то ее не будет вообще, так как через несколько месяцев погода испортится и высадившиеся войска нельзя будет снабжать в должной мере. Если же эта операция не состоится, то должен предупредить, что это вызовет большое разочарование и плохие настроения. Отсутствие этой операции может вызвать очень нехорошее чувство одиночества. Поэтому мы хотим знать, состоится ли операция «Оверлорд» или нет. Если она состоится, то это хорошо. Если же не состо-

ится, то я должен знать об этом заранее для того, чтобы воспрепятствовать настроениям, которые отсутствие этой операции может вызвать. Это — наиболее важный вопрос.

Несмотря на всю серьезность сделанного ему таким образом предупреждения, британский премьер и на этот раз уклонился от прямого ответа. Он вновь ограничился замечанием, что операция состоится лишь при условии, если враг не сможет иметь больше определенного числа войск к моменту высадки англо-американцев.

— Я не боюсь самой высадки,— заявил Черчилль,— но боюсь того, что произойдет через тридцать — сорок дней.

На это советский представитель ответил, что как только будет осуществлен десант в Северной Франции, Красная Армия в свою очередь перейдет в наступление. Если бы было известно, что высадка состоится в мае или июне, то русские могли бы подготовить не один, а несколько ударов по врагу. Пока же положение таково, что немцы перебрасывают свои войска на Восточный фронт, и они будут продолжать их перебрасывать, пока для них не возникнет серьезной угрозы на западе.

— Немцы очень боятся нашего продвижения к германским границам,— продолжал Сталин.— Они понимают, что их не отделяет от нас ни Ла-Манш, ни море. С востока имеется возможность подойти к Германии. В то же время немцы знают, что на западе их защищает Ла-Манш, затем нужно пройти территорию Франции для того, чтобы подойти к Германии. Немцы не решатся перебрасывать свои войска на запад, в особенности, если Красная Армия будет наступать, а она будет наступать, если получит помощь со стороны союзников в виде операции «Оверлорд».

В этих словах явно звучал намек на то, что англо-американцам, даже в случае успешной высадки, предстоит еще очень много сделать, прежде чем они подойдут к территории Германии, тогда как советские войска могут вступить на германскую территорию первыми, если союзники будут слишком мешкать.

На Черчилля это произвело заметное впечатление, и, когда Сталин вновь спросил, не может ли премьер-министр все же назвать дату начала операции «Оверлорд», тот решил больше не уклоняться и серьезным тоном сказал, что ответ будет дан во время завтрака с президентом, на который оба они должны отправиться несколько позже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТЕГЕРАНСКИЕ РЕШЕНИЯ И «ЦИЦЕРОН»

Когда руководители трех держав собрались за завтраком, сразу стало заметно приподнятое настроение Рузвельта. На его лице сверкала улыбка, весь он был какой-то праздничный. Обращаясь к присутствующим, он с подчеркнутой торжественностью заявил:

— Господа, я намерен сообщить маршалу Сталину приятную для него новость. Дело в том, что сегодня объединенные штабы с участием британского премьера и американского президента приняли следующее предложение: «Операция «Оверлорд» намечается на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции. Сила этой вспомогательной операции будет зависеть от количества десантных средств, которые будут иметься в наличии к тому времени».

Советские представители внешне спокойно восприняли это заявление. Но мне кажется, что внутренне каждый из нас испытывал глубокое волнение: ответ, которого так упорно добивалась советская делегация, был наконец получен. И хотя до реализации этого обязательства оставалось еще много времени, казалось, что уже сам факт его получения снимает часть огромного бремени, лежавшего на нашем народе, вольет новые силы в борцов против фашизма. Меня охватило чувство приподнятости, к горлу подкатился клубок, и я едва сдержался, чтобы не захлопать в ладоши. Волнение Сталина выдавали только его необычная бледность и голос, ставший еще более глухим, когда он, немного наклонив голову, произнес:

— Я удовлетворен этим решением...

Несколько минут все молчали. Потом Черчилль сказал, что точная дата начала операции будет, очевидно, зависеть

от фазы луны. Сталин заметил, что он, разумеется, не требует, чтобы ему была названа точная дата, и что для маневра, конечно, будут необходимы одна-две недели в пределах мая. Он сказал:

— Я хочу заявить Черчиллю и Рузвельту, что к моменту начала десантных операций во Франции русские подготовят сильный удар по немцам.

Рузвельт поблагодарил советского представителя за такое решение, отметив, что это не позволило бы немцам перебрасывать свои войска на запад. Так закончилось обсуждение на Тегеранской конференции проблемы открытия второго фронта в Северной Франции.

Данные тогда англо-американцами обязательства были, как известно, еще раз пересмотрены в сторону оттяжки: операция «Оверлорд» началась не в мае, а 6 июня 1944 года. Возможно, что ее отложили бы на еще более дальний срок, если бы не успешные действия советских войск, которые теснили гитлеровцев все дальше на запад и уже приближались к территории Германии. Англо-американцы боялись опоздать и потому осуществили наконец вторжение. После того как вопрос об «Оверлорде» был решен, участники конференции уделили значительное внимание проблеме сохранения в строгой тайне достигнутой договоренности. Черчилль заметил, что так или иначе противнику в скором времени должно стать известно о приготовлениях союзников, поскольку он это сможет обнаружить по большому скоплению железнодорожных составов, по активности в портах и так далее.

— Большую операцию, как шило в мешке, не утаишь,— сказал Сталин.

Черчилль согласился с этим, но предложил, чтобы военные штабы союзников подумали над тем, как замаскировать эти приготовления и ввести неприятеля в заблуждение.

В этой связи Сталин поделился опытом советской стороны. Он рассказал, что мы в таких случаях обманываем противника, строя макеты танков, самолетов, создавая ложные аэродромы. Затем при помощи тракторов эти макеты приводятся в движение, а разведка противника доносит своему командованию об этих передвижениях, и немцы думают, что именно в этом месте готовится удар. В ряде мест создается до пяти-восьми тысяч макетов танков, до двух тысяч макетов самолетов, большое количество лож-

ных аэродромов. Кроме того, противника обманывают при помощи радио. В тех районах, где не предполагается наступление, производится перекличка между радиостанциями. Ее засекает противник, и у него создается впечатление, что здесь находятся крупные войсковые соединения. Самолеты противника иной раз день и ночь бомбят эти местности, которые в действительности совершенно пусты. В то же время там, где действительно готовится наступление, царит полное спокойствие. Все перевозки производятся ночью.

Выслушав эти объяснения, Черчилль высокопарно заявил:

— В военное время правда столь драгоценна, что ее должны оберегать телохранители из лжи.

Потом более деловым тоном добавил:

— Во всяком случае, будут приняты меры для того, чтобы ввести врага в заблуждение...

Участники конференции договорились о том, что круг лиц, знающих о принятых в Тегеране решениях, должен быть, по возможности, ограничен, что будут проведены дополнительные мероприятия с целью исключить возможность утечки информации.

С советской стороны такие меры были приняты. Нам даже предложили не диктовать содержание последней беседы, как обычно, а сделать от руки запись о точных сроках вторжения и о других решениях с тем, чтобы потом оформить протоколы в Москве. В целях предосторожности мы должны были сдать в диппочту наши рукописные записи тегеранских решений. Они были упакованы в специальные толстые черные конверты и брезентовые мешки, опечатаны множеством сургучных печатей, и их доставили в Москву вооруженные дипкурьеры. Надо полагать, аналогичные меры были приняты и англо-американцами. Но все же сохранить в тайне от врага важнейшие решения Тегеранской конференции не удалось.

Как стало известно уже после войны, Антони Иден, вернувшись из Тегерана в Лондон, подробно информировал о решениях конференции британского посла в Анкаре сэра Нэтчбэлл-Хьюджессена. В зашифрованных телеграммах содержались сведения не только о переговорах, касавшихся Турции, что было бы естественно, но и информация по другим важным вопросам, включая и сроки «Оверлорда». Вся эта информация попала через герман-

ского платного агента Эльяса Базна — камердинера сэра Хью — к гитлеровцам. Базна, получивший из-за обилия важных материалов, которые он поставил гитлеровской секретной службе СС, кличку «Цицерон», регулярно фотографировал и передавал резиденту СС в Анкаре Мойзишу секретные депеши, поступившие к британскому послу. А сэр Хью проявлял поразительную беспечность, нередко оставляя черный чемоданчик с документами в своей спальне без всякого присмотра. Таким образом, секретные телеграммы легко попадали в руки «Цицерона».

В мемуарах, вышедших в 1950 году, Мойзиш рассказывает, как однажды, проведя в фотолаборатории над проявлением полученных от «Цицерона» пленок целую ночь, он обнаружил, что в его руках находятся протоколы Каирской и Тегеранской конференций. Вспоминает об этом в своей книге, опубликованной несколько позже, и Э. Базна. Он пишет, что из документов, сфотографированных им для немцев, можно было «распознать намерения англичан, американцев и русских».

Занимавший во время войны пост германского посла в Турции фон Папен писал:

«Информация «Цицерона» была весьма ценной по двум причинам. Резюме решений, принятых на Тегеранской конференции, были направлены английскому послу. Это раскрыло намерения союзников, касающиеся политического статуса Германии после ее поражения, и показало нам, каковы были разногласия между ними. Но еще большая важность его информации состояла прежде всего в том, что он представил в наше распоряжение точные сведения об оперативных планах противника».

Впрочем, судя по всему, нацистские главари не использовали в полной мере эту бесценную информацию. С одной стороны, они продолжали сомневаться: не подкинуты ли им эти документы англичанами в целях дезинформации. С другой, понимая значение информации, полученной от «Цицерона», они боялись расширять круг лиц, знавших о ней, из опасения раскрыть источник. Поэтому руководство вермахта, по-видимому, никак не использовало эти документы в своих оперативных разработках, а возможно, и вообще не знало о них. Так или иначе, осуществленное на рассвете 6 июня 1944 года англо-американское вторжение в Нормандии было для немецкого командования полной неожиданностью.

Не обогатился на этой операции и сам «Цицерон»: 300 тысяч фунтов стерлингов, которыми с ним расплатились гитлеровцы, оказались фальшивыми.

После того как вышли мемуары Мойзиша, в английском парламенте был сделан запрос относительно утечки к немцам во время войны совершенно секретной информации из британского посольства в Анкаре. Вот что содержится в протокольной записи о заседании палаты общин от 18 октября 1950 года:

«Мистер Шеперд обратился к министру иностранных дел с запросом по поводу сообщений о том, что совершенно секретные документы, включая документы, касающиеся операции «Оверлорд», были украдены из нашего посольства в Турции и переданы немцам. Мистер Шеперд спросил, было ли проведено расследование по данному делу, каковы его результаты и какие меры приняты для того, чтобы предотвратить повторение подобных случаев.

Министр Бевин[1] ответил, что никакие документы фактически не были украдены во время войны из посольства его величества. Но следствие по делу показало, что камердинер посла сфотографировал в посольстве несколько секретных документов особой важности и продал пленку немцам. Он не смог бы сделать этого, если бы посол соблюдал существующие правила хранения секретных документов. После этого случая всем тем, кого это касалось, были направлены новые инструкции и приняты прочие меры с целью предотвратить повторение подобных случаев.

Мистер Шеперд заметил, что заявление, опубликованное в книге Мойзиша по этому вопросу, вызвало большое беспокойство в нашем обществе. И если планы, касающиеся операции «Оверлорд», фактически не были украдены, то почему в таком случае министерство иностранных дел не опубликовало опровержения этого заявления?

Мистер Бевин снова подчеркнул, что документы не были украдены. Их сфотографировали, а это, в конечном итоге, одно и то же».

Таким образом, факт получения гитлеровцами сверхсекретных документов, в том числе и важнейших решений Тегеранской конференции, был официально подтвержден Лондоном.

---

[1] Министр иностранных дел находившегося тогда у власти лейбористского правительства.

ПРОБЛЕМА ТУРЦИИ

Вопрос о том, как побудить Турцию вступить в войну на стороне союзников, был поднят Черчиллем на первом же пленарном заседании Тегеранской конференции 28 ноября.

По мнению британского премьера, вступление Турции в войну позволило бы открыть коммуникации через Дарданеллы и Босфор и направить снабжение в Советский Союз через Черное море. Можно было бы также использовать турецкие аэродромы для борьбы против общего врага.

— До настоящего времени,— продолжал Черчилль,— англо-американцы смогли отправить в северные порты России лишь четыре конвоя. Мешает то, что нет достаточного количества военных кораблей, чтобы эскортировать эти караваны грузовых судов с военными материалами. Но в случае открытия пути через Черное море можно будет регулярно осуществлять поставки в южные русские порты. Мы думаем выделить не более двух-трех дивизий для операций в районе Турции в случае вступления ее в войну, не считая военно-воздушных сил, которые мы также выделяем при этом...

Сталин в этот момент прервал Черчилля и заметил, что конвои, о которых идет речь, пришли без потерь, не встретив на своем пути врага.

Черчилль пропустил мимо ушей это замечание и выдвинул ряд вопросов, которые, по его мнению, следует рассмотреть в связи с проблемой Турции:

— Каким образом мы сможем заставить Турцию вступить в войну? Что она должна делать? Должна ли она напасть на Болгарию и объявить войну Германии? Должна ли она предпринять наступательные операции или же она должна продвигаться во Фракию? Какова была бы позиция русских в отношении болгар, которые все еще помнят, что Россия освободила их от турок? Какое влияние оказало бы это на румын, которые уже сейчас ищут путей для выхода из войны? Как это повлияло бы на Венгрию? Не будет ли результатом всего этого то, что среди многих стран произойдут большие политические перемены?

Обрушив на присутствовавших эти вопросы, Черчилль сделал многозначительную паузу, обвел всех взглядом, пожевал губами и закончил свое выступление так:

— Все это — вопросы, по которым наши русские друзья имеют, конечно, свою точку зрения.

После этого обсуждались некоторые другие проблемы, а к Турции вернулись несколько позже, когда Сталин в свою очередь спросил Черчилля:

— Если Турция вступит в войну, то что предполагается предпринять в этом случае?

— Я могу сказать,— ответил Черчилль,— что не более двух или трех дивизий потребовалось бы для того, чтобы занять острова вдоль западного побережья Турции. Тогда суда с поставками могли бы идти в Турцию и в Черное море. Но первое, что мы сделаем,— отправим туркам 20 эскадрилий и несколько полков противовоздушной обороны. Это не принесет ущерба другим операциям.

Выслушав это объяснение, глава Советского правительства высказал сомнение насчет перспектив привлечения Турции на сторону союзников.

— Она не вступит в войну, какое бы давление мы на нее ни оказывали,— сказал Сталин.— Это мое мнение.

— Мы понимаем это так,— уточнил Черчилль,— что советское правительство весьма заинтересовано в том, чтобы заставить Турцию вступить в войну. Конечно, нам, может быть, не удастся заставить ее сделать это, но мы должны предпринять все возможное в этом отношении.

— Да, мы должны попытаться заставить Турцию вступить в войну,— согласился Сталин.— Было бы хорошо, если бы Турция вступила в войну.

Британский премьер спросил, не следует ли передать вопрос о Турции на рассмотрение военных специалистов? Сталин возразил:

— Это и политический и военный вопрос,— сказал он.—Турция является союзницей Великобритании и находится в дружественных отношениях с Советским Союзом и Соединенными Штатами. Надо, чтобы Турция больше не вела игры с нами и Германией.

После этого слово взял Рузвельт, который до того не высказывал позиции США в отношении проблемы Турции.

— Конечно,— сказал он,— я за то, чтобы заставить Турцию вступить в войну, но будь я на месте турецкого президента, я запросил бы за это такую цену, что ее можно было бы оплатить, лишь нанеся ущерб операции «Оверлорд».

Сталин на это заметил, что надо все же попытаться заставить Турцию воевать, поскольку у нее много дивизий, которые бездействуют.

На состоявшемся 29 ноября и описанном ранее совещании военных экспертов вопрос о Турции был также затронут. Английский генерал Брук, докладывая о военной ситуации, как она представлялась англо-американцам, отметил, что даже если отбросить политические соображения, то с чисто военной точки зрения вступление Турции в войну было бы очень желательным и дало бы союзникам большие преимущества. Это открыло бы морские коммуникации через Дарданеллы и имело бы большое значение в смысле возможного выхода из войны Румынии и Болгарии. Кроме того, англо-американцы могли бы установить контакт с Советским Союзом через Черное море и осуществлять этим путем поставки в Россию. Наконец, создание в Турции авиабаз союзников дало бы возможность осуществлять налеты на важные объекты немцев, в частности на необходимые немцам нефтяные источники Румынии.

Сокращение маршрута при перевозке грузов через Черное море высвободило бы часть тоннажа. Для открытия пути в Черное море достаточно было бы захватить несколько островов вдоль турецкого побережья, начиная с острова Родос. Это, по мнению Брука, не будет трудной операцией и не повлечет за собой использование больших сил. Далее британский генерал пояснил, что в Средиземном море англичане имеют специальные десантные баржи, которые можно было бы использовать для этих операций. В соответствии с основной линией, занятой Черчиллем, Брук подчеркнул, что для осуществления этого плана нужно было бы только отложить операцию «Оверлорд».

Видя, что советская сторона проявила заинтересованность в скорейшем вступлении Турции в войну, англичане попытались обусловить решение и этого вопроса оттяжкой вторжения в Северной Франции. Естественно, что советский представитель на совещании военных экспертов маршал Ворошилов решительно выступил против такого варианта.

На втором пленарном заседании участники конференции вновь вернулись к вопросу о Турции. Черчилль сказал, что Англия, являясь союзницей Турции, берет на себя ответственность за то, чтобы убедить или заставить Анкару вступить в войну еще до нынешнего рождества.

— Если президент,— продолжал Черчилль,— пожелает к нам присоединиться или захочет взять на себя руководящую роль, то для нас, англичан, это будет приемлемо. Но мы будем нуждаться и в помощи со стороны маршала Сталина. От имени британского правительства я могу сказать, что оно готово предупредить Турцию о том, что, если она не примет предложения о вступлении в войну, это может иметь серьезные последствия для Турции и отразиться на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл.

Английский премьер напомнил, что ранее он поставил несколько вопросов, являющихся, главным образом, политическими. В частности, он хотел бы знать, что думает советское правительство по поводу Болгарии? Расположено ли оно в случае, если Турция объявит войну Германии, а Болгария нападет на Турцию, заявить болгарам, что оно будет считать их страну своим врагом? Это, по мнению Черчилля, оказало бы огромное воздействие на Болгарию.

Английский премьер предложил, чтобы британский и советский министры иностранных дел, а также представитель президента Соединенных Штатов изучили этот и другие политические вопросы и представили рекомендации насчет того, как заставить Турцию вступить в войну и каковы могут быть результаты этого.

Впрочем, Черчилль тут же добавил, что эти результаты представляются ему громадными, если не решающими. Объявление Турцией войны Германии будет сильным ударом для немецкого народа. Если умело воспользоваться ситуацией, то это должно также нейтрализовать Болгарию. Что касается других балканских государств, продолжал Черчилль, то Румыния уже сейчас ищет страну, перед которой она могла бы капитулировать, а Венгрия в смятении.

— Словом,— заключил Черчилль,— союзникам пора приступить к жатве.

Рассуждая далее о перспективах вступления Турции в войну, Черчилль отметил, что, если Анкара на это решится, нужно будет прежде всего воспользоваться турецкими авиабазами в Анатолии и захватить остров Родос. Для этой операции будет достаточно одной штурмовой дивизии. Получив Родос и турецкие базы, можно будет изгнать немецкие гарнизоны с других островов Эгейского моря и открыть путь через Дарданеллы.

— Если Турция не вступит в войну,— сказал Чер-

чилль,— то мы не будем горевать об этом, а я не буду просить о выделении войск для захвата Родоса и островов Эгейского моря. Но в этом случае не станет горевать и Германия, так как она будет по-прежнему господствовать в данном районе. Я предлагаю основательно обсудить этот вопрос. Мы потерпим большую неудачу, если Турция не вступит в войну. Кроме того, я хочу, чтобы войска и самолеты, действующие в Египте, были бы как можно быстрее использованы в случае вступления Турции в войну.

Соображения, высказанные британским премьером, не вызвали особой дискуссии и были приняты к сведению.

К турецкой теме вернулись только в последний день конференции, 1 декабря, во время завтрака, в котором приняли участие главы делегаций и их ближайшие помощники.

Когда все сели за стол и обменялись несколькими замечаниями общего характера, Гарри Гопкинс сказал, что хотел бы высказать кое-какие мысли по поводу турецкой проблемы. Вопрос о приглашении Турции вступить в войну, заметил он, связан с вопросом о том, какую поддержку Турция может получить от Великобритании и Соединенных Штатов. Кроме того, необходимо координировать вступление Турции в войну с общей стратегией союзников.

— Другими словами,— вмешался Рузвельт,— Иненю спросит нас, поддержим ли мы Турцию. Я думаю, что этот вопрос необходимо разобрать.

Советский представитель напомнил, что Черчилль обещал предоставить для помощи Турции 20—30 эскадрилий и две-три дивизии.

Английский премьер, который на одном из предыдущих заседаний действительно говорил о выделении двух-трех дивизий в случае вступления в войну Турции, теперь почему-то стал отказываться.

— Мы не давали согласия в отношении двух-трех дивизий,— возразил он.— У нас в Египте имеется 17 эскадрилий, которые не используются в настоящее время англо-американским командованием. Эти эскадрильи в случае вступления Турции в войну послужили бы целям ее обороны. Кроме того, Англия дала согласие на предоставление Турции трех полков противовоздушной обороны. Вот все, что было обещано англичанами Турции. Англичане не обещали Турции войск. У турок имеется 50 дивизий, они хорошие бойцы, но у них нет современного вооружения. Что

касается двух-трех дивизий, о которых говорит маршал Сталин, то британское правительство выделило эти дивизии для овладения Эгейскими островами в случае вступления Турции в войну, а не для помощи Турции.

Черчилль замолчал и стал шарить в кармане жилета. Достав сигару, он аккуратно обрезал ее и приготовился закурить, когда Рузвельт обратился к нему со словами:

— Не правда ли, операция против Родоса потребует большого количества десантных средств.

— Эта операция потребует десантных средств не больше того количества, которое находится в Средиземном море,— ответил британский премьер, раскуривая сигару.

— Мое затруднение состоит в том,— продолжал Рузвельт,— что американский штаб еще не изучил вопроса о количестве десантных судов, необходимых для операции в Италии, подготовки «Оверлорда» в Англии и действий в Индийском океане. Поэтому я должен быть осторожен в отношении обещаний Турции. Я боюсь, как бы эти обещания не помешали выполнению нашего вчерашнего соглашения,— многозначительно заключил Рузвельт, имея в виду согласованное накануне решение о сроках высадки в Северной и Южной Франции.

Видя, что дальнейшее обсуждение проблемы Турции может привести к новым нежелательным спорам вокруг «Оверлорда», а возможно, и к попыткам снова пересмотреть дату его осуществления, Сталин предложил прекратить дискуссию.

— Я думаю, что с этим вопросом покончено,— сказал он.

Однако Черчилль то ли не расслышал, то ли не захотел расслышать это предложение и вновь пустился в рассуждения насчет британских обещаний Турции. Он заявил, что Англия не предлагала ничего такого, чего она не могла бы дать.

— Может быть, американцы добавят что-нибудь к этому количеству?— спросил Черчилль.—Мы обещали предоставить туркам части ПВО, но мы не обещали им никаких войск, так как у нас их нет. Что касается десантных средств, то они потребуются в марте месяце, но я полагаю, что мы можем их найти в период между занятием Рима и началом «Оверлорда».

— Я хочу посоветоваться с военными,— сказал Рузвельт.—Я надеюсь, что Черчилль прав, но мои советники

говорят, что возможны трудности в использовании десантных судов в период между занятием Рима и началом «Оверлорда». Они полагают, что совершенно необходимо иметь к 1 апреля десантные суда, которые будут использованы в операции «Оверлорд».

— А я не вижу затруднений,— отпарировал Черчилль.— Но мы пока никаких предложений Турции не делали, и я не знаю, примет ли их Иненю. Он должен быть в Каире и познакомиться там с положением дел. Я могу предоставить туркам 20 эскадрилий. Никаких войск я туркам не дам. Кроме того, я думаю, что войска им и не требуются. Однако все дело в том, что я не уверен, приедет ли Иненю в Каир.

— Не захворает ли Иненю?— спросил иронически Сталин.

— Легко может захворать,— подхватил Черчилль.— Если Иненю не согласится поехать в Каир для встречи со мной и президентом, то я готов поехать к нему на крейсере в Адану. Иненю приедет туда, и я нарисую ему неприятную картину, которая предстанет перед турками, если они не согласятся вступить в войну, и приятную картину в противоположном случае. Я сообщу вам потом о результатах своих бесед с Иненю.

В разговор вновь вмешался Гопкинс. Он сказал, что поскольку вопрос о поддержке Турции в войне не обсуждался американскими военными, вряд ли целесообразно приглашать Иненю в Каир, пока военные не изучили этот вопрос.

— Следовательно,— перебил его Сталин.— Гопкинс предлагает не приглашать Иненю?

— Я не предлагаю не приглашать Иненю,— возразил Гопкинс,— но подчеркиваю, что предварительно было бы полезно получить сведения о той помощи, которую мы можем оказать туркам. Черчилль поддержал Гопкинса, заявив, что союзники должны договориться о возможной помощи туркам. На это Рузвельт заметил, что он согласен с предложением Черчилля о предоставлении для целей обороны Турции 20 эскадрилий, а также некоторого количества бомбардировщиков.

— Мы предлагаем Турции,— повторил Черчилль,— ограниченное прикрытие с воздуха и ПВО. Сейчас зима и вторжение немцев в Турцию невероятно. Мы предполагаем продолжить снабжение Турции вооружением. Турция

получает главным образом американское вооружение. Но главное в том, что в настоящее время мы можем предложить Турции неоценимую возможность принять приглашение советского правительства участвовать в мирной конференции.

На вопрос советского представителя о том, какого вооружения не хватает Турции, английский премьер ответил, что у турок имеются винтовки, неплохая артиллерия, но у них нет противотанковой артиллерии, нет авиации и нет танков. Мы, продолжал Черчилль, организовали в Турции военные школы, но турки их плохо посещают. У них нет опыта в обращении с радиоаппаратурой. Но турки — хорошие бойцы.

— Вполне возможно, что если турки дадут аэродромы союзникам,— как бы размышляя вслух, сказал Сталин,— то Болгария не нападет на Турцию, а немцы будут ждать нападения Турции. Турция не нападет на немцев, а будет с ними находиться просто в состоянии войны. Но зато союзники получат от Турции аэродромы и порты. Если бы события приняли такой оборот, то это было бы тоже неплохо.

— Я говорил туркам,— вставил Иден,— что они могут предоставить авиабазы союзникам не воюя, ибо Германия не нападет на Турцию. Мой турецкий коллега Нуман Менеменджиоглу не хотел согласиться с моей точкой зрения. Он сказал, что Германия будет решительно реагировать и что Турция предпочла бы вступить в войну по своей доброй воле, а не быть в нее втянутой.

— Это правильно,— вмешался Черчилль.— Но я должен сказать следующее: когда вы просите Турцию растянуть свой нейтралитет путем предоставления нам авиабаз, то турки нам отвечают, что предпочитают серьезную войну, когда же вы говорите туркам о вступлении в серьезную войну, они отвечают нам, что у них нет для этого вооружения. Если турки ответят нам на наше предложение отрицательно, то мы должны изложить им серьезные соображения. Мы должны им сказать, что они не будут в этом случае участвовать в мирной конференции. Что касается Англии, то мы скажем, что нас не интересуют дела турок. Кроме того, мы прекратим снабжение Турции вооружением.

— Я хочу,— заметил Иден,— уточнить требования, которые мы должны предъявить Турции в Каире. Я понимаю, что мы должны требовать от турок вступления в войну против Германии.

— Именно против Германии,— подтвердил Сталин, делая характерный жест указательным пальцем правой руки...

Турецкий вопрос еще раз вскользь упоминался на дневном пленарном заседании конференции за круглым столом. Черчилль внес предложение о переброске в Черное море нескольких британских подводных лодок в помощь советскому морскому флоту. При этом он заметил, что если Турция побоится вступить в войну, но согласится растянуть свой нейтралитет, то, может быть, она позволит пропустить несколько подводных лодок через Босфор и Дарданеллы в Черное море, а также корабли для снабжения этих лодок. Одновременно Черчилль подчеркнул, что Англия не имеет в Черном море ни интересов, ни притязаний.

Сталин довольно сухо ответил, что советская сторона будет благодарна за всякую помощь, но от углубления в эту тему уклонился. Желая закончить дискуссию, советский делегат спросил:

— Вопрос исчерпан?

— Да, — ответил Черчилль.

Больше никто не отозвался, и конференция перешла к другой теме.

На этом обсуждение турецкой проблемы закончилось.

Через несколько дней турецкий президент Исмет Иненю прилетел в Каир. 4—6 декабря там происходили беседы между ним, Черчиллем и Рузвельтом. Встреча эта не дала практических результатов. Турция продолжала уклоняться от вступления в войну против нацистской Германии и воздерживалась от любых шагов, которые могли бы вызвать неудовольствие Гитлера. Только тогда, когда победа антигитлеровской коалиции отчетливо определилась, в Анкаре решили, что пора действовать.

2 августа 1944 года, то есть спустя почти два месяца после открытия второго фронта в Северной Франции, турецкое правительство заявило о разрыве дипломатических и экономических отношений с Германией. Любопытно, что все это время англо-американцы, несмотря на данное Черчиллем в Тегеране обязательство прекратить всякие дела с Турцией, если она откажется вступить в войну, продолжали снабжать ее оружием. Были все основания полагать, что Черчилль, который все еще рассчитывал опередить Красную Армию на Балканах, в действительности не

очень был заинтересован в «преждевременном» вступлении Турции в войну. Он полагал, что ее миллионная армия сможет пригодиться ему позднее для операций на Балканах.

Но этим планам не суждено было свершиться. Советские войска быстро продвигались на запад, и турецкие политики стали опасаться, что могут прийти к шапочному разбору. 23 февраля 1945 года Турция наконец объявила войну Германии и Японии. К тому времени уже были освобождены Болгария, Румыния, Югославия, и фронт отодвинулся от турецких границ на тысячу километров. Турецкой армии уже негде было войти в соприкосновение с врагом на Европейском театре. Тем более ничего не стоило Турции объявить войну Японии, которая была еще дальше от нее, чем Германия. Турецкий министр иностранных дел Хасан Сака, мотивируя в меджлисе решение своего правительства о вступлении в войну, откровенно заявил, что, как его известил английский посол, объявление Турцией войны до 1 марта 1945 года позволит турецкому правительству участвовать в Сан-Франциско в первой конференции Объединенных наций.

ИМЕНИННЫЙ ПИРОГ

На торжественный прием, устроенный вечером 30 ноября в английском посольстве по случаю дня рождения Черчилля — ему в этот день исполнилось 69 лет,— гости стали собираться в начале девятого. Сталин был в парадной маршальской форме. Вместе с ним пришли Молотов и Ворошилов. Приветствуя Черчилля, Сталин преподнес ему каракулевую шапку и большую фарфоровую скульптурную группу на сюжет русских народных сказок. Рузвельт явился во фраке. В руках он держал свои именинные подарки: старинную персидскую чашу и исфаганский ковер. Гости входили через парадную дверь, по обе стороны которой безмолвно застыли бородатые индийские солдаты в огромных тюрбанах.

День был жаркий, но к вечеру из старинного парка потянуло приятной свежестью. К нашему приходу в гостиной уже собралось блестящее общество: военные щеголяли в расшитых золотом мундирах, дипломаты во фраках соперничали с ними яркостью белоснежных манишек. Единственной дамой в этой компании была дочь Черчил-

ая — Сара Черчилль-Оливер. Она стояла рядом с сияющим именинником, и подобно тому как на арене цирка партнерша артиста особенно вдохновенно раскланивается на адресованные ему аплодисменты, так Сара отвечала на приветствия и поздравления, с которыми гости подходили к Черчиллю. Впрочем, и сам виновник торжества весело улыбался и бодро дымил сигарой.

Вскоре все перешли из гостиной в столовую, где стояли длинные столы, заставленные всевозможными яствами. На главном столе возвышался огромный именинный пирог с 69 зажженными свечами.

Произнеся первый тост, Сталин сказал:

— За моего боевого друга Черчилля!..

Сталин подошел к имениннику, чокнулся с ним, обнял за плечо, пожал руку. А когда все осушили бокалы, он с теми же словами обратился к президенту Соединенных Штатов:

— За моего боевого друга Рузвельта!...

Повторилась та же процедура чокания и рукопожатий.

Черчилль решил не отставать, но несколько дифференцировал свое обращение. Он провозгласил:

— За могущественного Сталина! За моего друга — президента Рузвельта!..

После этого Рузвельт, обращаясь к Черчиллю и Сталину, сказал:

— За наше единство в войне и мире!..

Черчиллю понравился русский обычай произносить тосты, американцы поддержали его в этом. В итоге большую часть времени гости провели стоя, так как тосты следовали один за другим, а после каждой речи все поднимались со своих мест. К тому же Черчилль перенял манеру Сталина подходить к каждому, за кого провозглашался тост, и чокаться с ним. Так оба они с бокалами в руках неторопливо разгуливали по комнате. Настроение у всех было приподнятое. В зале стало жарко и шумно.

В тосты, какими бы тривиальными они ни были, каждый из участников встречи, казалось, вкладывал свой особый смысл.

Так же, как и в рабочем зале конференции, Рузвельт и здесь счел нужным напомнить о послевоенном мире, о важности сохранения единства и сотрудничества великих держав не только сейчас, но и в будущем. Здесь, за именинным столом Черчилля, казалось, что задачи борьбы и

победы над общим врагом, которые привели этих людей в разгар жесточайшей войны в иранскую столицу, как бы создали новую атмосферу в отношениях между ними и между их странами. В этом зале как бы собралась одна большая семья, которая всегда будет вместе. Но это ощущение длилось недолго. Его нарушил начальник Генерального штаба Англии генерал Алан Брук.

Дав знать, что хочет произнести тост — обычно каждый в таком случае постукивал ножом по бокалу,— Брук поднялся с места и стал рассуждать о том, кто больше из союзников пострадал в этой войне. Он заявил, что наибольшие жертвы понесли англичане, что их потери превышают потери любого другого народа, что Англия дольше и больше других сражалась и больше сделала для победы.

В зале наступила неловкая тишина. Большинство, конечно, почувствовало бестактность выступления генерала Брука. Ведь все знали — основная масса гитлеровских войск прикована к советско-германскому фронту, а Красная Армия ценой невероятных жертв и усилий шаг за шагом освобождает от оккупантов советскую территорию, превращенную гитлеровцами в сплошное пепелище. Сталин помрачнел. Он тут же поднялся и окинул всех суровым взглядом. Казалось, сейчас разразится буря. Но он, взяв себя в руки, спокойно произнес:

— Я хочу сказать о том, что, по мнению советской стороны, сделали для победы президент Рузвельт и Соединенные Штаты Америки. В этой войне — главное машины. Соединенные Штаты доказали ,что они могут производить от 8 до 10 тысяч самолетов в месяц. Англия производит ежемесячно 3 тысячи самолетов, главным образом тяжелых бомбардировщиков. Следовательно, Соединенные Штаты — страна машин. Эти машины, полученные по ленд-лизу, помогают нам выиграть войну. За это я и хочу поднять свой тост...

Рузвельт сразу же ответил:

— Я высоко ценю мощь Красной Армии. Советские войска применяют не только американскую и английскую, но и отличную советскую военную технику. В то время как мы здесь празднуем день рождения британского премьер-министра, Красная Армия продолжает теснить нацистские полчища. За успехи советского оружия!

Инцидент был исчерпан, но царившая в начале вечера атмосфера непринужденности исчезла.

ПОЛЬША И ЕЕ ГРАНИЦЫ

Проблема Польши была рассмотрена только на последнем пленарном заседании конференции, 1 декабря. Первым эту тему затронул Рузвельт. Он выразил надежду, что советское правительство сможет начать переговоры и восстановить свои отношения с польским эмигрантским правительством, находившимся в Лондоне.

В то время у Советского Союза были все основания относиться с недоверием к этому эмигрантскому правительству, поскольку на протяжении ряда лет оно вело антисоветскую кампанию. Именно эта враждебность польского эмигрантского правительства и вынудила Москву разорвать с ним отношения, восстановленные вскоре после нападения гитлеровской Германии на СССР. Поэтому Сталин, отвечая Рузвельту, прежде всего обратил внимание на то, что агенты польского эмигрантского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами.

— Они убивают партизан,— сказал Сталин.— Вы не можете себе представить, что они там делают.

— Это большой вопрос,— вмешался Черчилль.—Мы объявили войну Германии из-за того, что она напала на Польшу. В свое время меня удивило, что Чемберлен не стал вести борьбу за чехов в Мюнхене, но внезапно в апреле 1939 года дал гарантию Польше. Но одновременно я был также и обрадован этим обстоятельством. Ради Польши и во исполнение нашего обещания мы, хотя и были не подготовлены, за исключением наших военно-морских сил, объявили войну Германии и сыграли большую роль в том, чтобы побудить Францию вступить в войну. Франция потерпела крах, но мы благодаря нашему островному положению оказались активными бойцами. Мы придаем большое значение причине, по которой вступили в войну. Я понимаю историческую разницу между нашей и русской точками зрения в отношении Польши. Но у нас Польше уделяется большое внимание, так как нападение на Польшу заставило нас предпринять нынешние усилия. Я также очень хорошо понимал положение России в начале войны, и, принимая во внимание нашу слабость в начале войны и тот факт, что Франция изменила данным ею гарантиям в Мюнхене, я понимаю, что советское правительство не могло рисковать тогда своей жизнью в этой борьбе. Но теперь другое положение, и я надеюсь, что если нас спро-

сят, почему мы вступили в войну, мы ответим, что это случилось потому, что мы дали гарантию Польше. Я хочу прибегнуть к примеру о трех спичках, одна из которых представляет Германию, другая — Польшу, а третья — Советский Союз. Все эти три спички должны быть передвинуты на запад, чтобы разрешить одну из главных задач, стоящих перед союзниками,— обеспечение безопасности западных границ Советского Союза.

— Я должен сказать,— ответил Сталин,— что Россия не меньше других, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы — за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне. Мы порвали отношения с этим правительством не из-за каких-либо наших капризов, а потому, что польское правительство присоединилось к Гитлеру в его клевете на Советский Союз. Все это было опубликовано в печати.

Пока переводились последние фразы этого выступления, Сталин раскрыл лежавшую перед ним темно-бордовую сафьяновую папку и извлек оттуда листовку. То был кусок желтой довольно плотной бумаги, изрядно потертый, побывавший, видно, уже во многих руках. На листовке была изображена голова с двумя лицами, наподобие древнеегипетского бога Януса. С одной стороны был нарисован профиль Гитлера, с другой — Сталина.

Держа высоко над столом листовку, чтобы все могли ее хорошо разглядеть, Сталин сказал:

— Вот что распространяют в Польше агенты эмигрантского правительства. Хотите посмотреть поближе?

С этими словами Сталин передал листовку Черчиллю. Тот взял ее, брезгливым жестом, двумя пальцами, поморщился и, ничего не сказав, передал Рузвельту, который пожал плечами, покачал головой и вернул листовку Сталину. Выждав немного, Сталин продолжал:

— Где у нас гарантии в том, что польское эмигрантское правительство не будет и дальше заниматься этим гнусным делом? Мы хотели бы иметь гарантию в том, что агенты польского правительства не будут убивать партизан, что эмигрантское польское правительство будет действительно призывать к борьбе против немцев, а не заниматься какими-то махинациями. Мы будем поддерживать хорошие отношения с правительством, которое при-

зывает к активной борьбе против немцев. Однако я не уверен, что нынешнее эмигрантское правительство в Лондоне является таким, каким оно должно быть. Если оно солидаризируется с партизанами и если мы будем иметь гарантию, что его агенты не будут иметь связей с немцами в Польше, тогда мы будем готовы начать с ними переговоры. Что касается замечания насчет трех спичек, то я хотел бы знать подробнее, что это означает.

Черчилль объяснил, что он имел в виду проблему границ и что было бы хорошо здесь, за круглым столом, ознакомиться с мыслями русских относительно будущих границ Польши. Потом он, Черчилль, или Иден могли бы изложить эти соображения полякам.

— Мы полагаем,— продолжал Черчилль,— что Польшу следует удовлетворить, несомненно, за счет Германии. Мы были бы готовы сказать полякам, что это хороший план и что лучшего плана они не могут ожидать. После этого мы могли бы поставить вопрос о восстановлении отношений. Но я хотел бы подчеркнуть, что мы хотим существования сильной, независимой Польши, дружественной по отношению к России.

Сталин, в свою очередь, изложил позицию советского правительства по этому вопросу.

— Речь идет о том,— сказал он,— что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские — к Белоруссии. Иными словами, между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная Конституцией нашей страны. Советское правительство стоит на точке зрения этой границы и считает это правильным.

Молотов пояснил, что обычно эту границу называют линией Керзона.

— Нет,— возразил Иден,— там были сделаны существенные изменения.

Молотов заявил, что Иден располагает неправильными сведениями.

Тут Черчилль извлек карту, на которой, как он сказал, нанесена линия Керзона и линия 1939 года. Тут же была указана линия Одера. Иден, водя пальцем по карте, принялся объяснять, что южная часть линии Керзона не была точно определена, и добавил, что, как предполагалось, линия Керзона должна была проходить восточнее Львова.

Сталин возразил, что линия на карте Черчилля нанесена неправильно. Львов должен оставаться в пределах Советского Союза, а линия границы должна идти западнее. Сталин добавил, что Молотов располагает точной картой с линией Керзона и с ее подробным описанием. Он при этом подчеркнул, что Польша должна быть действительно большим, промышленно развитым государством и дружественным по отношению к Советскому Союзу.

Тем временем Молотов распорядился доставить карту, о которой упомянул Сталин. Через несколько минут принесли большую черную папку. Раскрыв ее, Молотов развернул карту на столе и указал на нанесенную там линию Керзона. Молотов зачитал также текст радиограммы, подписанной лордом Керзоном. В ней точно указывались пункты, по которым проходит эта линия. После уточнения этих пунктов по карте вопрос стал предельно ясен. Позицию советской стороны больше нельзя было оспаривать. Черчилль и Иден ничего не могли возразить. Обращаясь к Сталину, Черчилль сказал:

— По-видимому, участники конференции не имеют существенных расхождений по поводу западных границ Советского Союза, включая и проблему Львова...

Рузвельт спросил, можно ли будет осуществить переселение лиц польской национальности по их желанию в Польшу. Сталин ответил утвердительно. После этого Черчилль сказал, что посоветует полякам принять разработанные здесь предложения. Он добавил, что приготовил проект специального документа по польскому вопросу, который он хочет тут же зачитать. Черчилль оговорился, что не просит соглашаться с данным предложением в том виде, в каком оно представлено, поскольку он сам еще не принял окончательного решения. Затем Черчилль зачитал следующий текст: «В принципе было принято, что очаг польского государства и народ должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах».

Сталин согласился в принципе с формулой, предложенной Черчиллем.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СПОР О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКАХ

Хочу рассказать об одной неофициальной встрече, на которой между советским и английским делегатами произошло серьезное столкновение. То был совместный обед трех лидеров и их ближайших соратников, который поначалу проходил очень мирно. Тостов было много: за здоровье участников конференции, за успехи разных родов войск, за победу над общим врагом, за послевоенное сотрудничество. Были и весьма конкретные политические тосты. Например, с советской стороны среди других был провозглашен такой тост:

— Предлагаю тост за будущие поставки по ленд-лизу. Пусть они прибывают вовремя, не запаздывая, как сейчас!

К концу обеда Сталин поднялся с места и стал говорить о нацистских военных преступниках.

— Я предлагаю поднять тост за то,— сказал он,— чтобы над всеми германскими военными преступниками как можно скорее свершилось правосудие и чтобы они все были сурово наказаны. Мы должны, действуя совместно, покарать их, как только они попадут в наши руки. Пусть ни один из них не избежит кары, пусть ни один из них не спрячется даже на краю света. Думаю, что таких нацистских преступников наберется немало...

Едва закончился перевод этой речи на английский язык, как Черчилль, словно ужаленный, вскочил с места. После каждого из ранее произнесенных тостов он добросовестно осушал по рюмке коньяку и был уже в весьма возбужденном состоянии. Теперь британский премьер резким жестом отодвинул рюмку, она опрокинулась и коньяк разлился большим желтым пятном по скатерти. Черчилль не заме-

тил этого — он уже едва владел собой. Его лицо и шея побагровели, глаза налились кровью. Размахивая руками, он выкрикнул:

— Подобный взгляд коренным образом противоречит нашему английскому чувству справедливости! Англичане никогда не потерпят такого массового наказания. Я решительно убежден в том, что ни одного человека, будь он нацист или кто угодно, нельзя казнить без суда, какие бы доказательства и улики против него не имелись!

Все посмотрели в сторону Сталина. Он совершенно спокойно реагировал на бурную речь английского премьера. Его, казалось, даже забавляла нервозность Черчилля. Его глаза чуть-чуть посмеивались.

Сталин принялся невозмутимо и весьма обстоятельно опровергать доводы Черчилля, чем приводил последнего в еще большее бешенство. Советский представитель подчеркнул, что никто не собирается наказывать нацистских преступников без суда. Дело каждого должно быть тщательно разобрано. Но уже сейчас очевидно, что при массовых зверствах, совершаемых гитлеровцами, среди них должны быть десятки тысяч преступников, закончил Сталин. Потом, обратившись к Рузвельту, который молча наблюдал за этой сценой, Сталин осведомился о его мнении.

— Как обычно,— сказал президент,— мне, очевидно, придется выступить в качестве посредника в этом споре. Совершенно ясно, что необходимо найти какой-то компромисс между вашей позицией, маршал Сталин, и позицией моего доброго друга, премьер-министра.

Советские представители и американцы, оценив ответ президента, рассмеялись. Но англичане, поглядывая на своего лидера, сидели молча, с мрачными лицами. Черчилль опустился в кресло, но чувствовалось, что в нем все еще клокочет ярость.

— Давайте прекратим эту дискуссию,— сказал Гопкинс.— До Германии еще много миль, а до победы над нацистами еще много месяцев...

Но Сталин продолжал опрашивать каждого из присутствующих о его мнении. Наконец, очередь дошла до сына президента Эллиота Рузвельта, который также присутствовал на обеде. Он поднялся с места и несколько смущаясь, но довольно твердо сказал:

— Не слишком ли академичен этот вопрос? Ведь когда наши армии двинутся с запада, а русские будут продол-

жать наступление с востока, вся проблема и разрешится, не так ли? Русские, американские и английские солдаты разделяются с большинством из этих преступников в бою...

Сталину понравился этот ответ. Обойдя с бокалом вокруг стола, он остановился около Эллиота, обнял его, улыбаясь, воскликнул:

— Превосходный ответ! Предлагаю тост за ваше здоровье, Эллиот!

Тут Черчилль снова взорвался. Перегнувшись через стол и грозя Эллиоту пальцем, он прорычал:

— Вы что же, хотите испортить отношения между союзниками? Вы понимаете, что вы сказали? Как вы осмелились произнести подобную вещь?..

Эллиот плюхнулся в кресло с растерянным видом и так забавно прикрыл лицо руками, что все присутствующие разразились смехом. Напряжение было снято.

Вскоре все перешли в соседнюю комнату пить кофе. Но Черчилль в этот вечер не подходил к советским делегатам. Его помрачневшее лицо покрылось красными пятнами, и он еще более энергично, чем всегда, дымил сигарой.

Бурная реакция Черчилля на предложение покарать нацистских военных преступников была не случайна. Само по себе это требование не могло быть неожиданным для английского премьера. Его подпись стояла под Декларацией глав правительств трех держав антигитлеровской коалиции, опубликованной 3 ноября 1943 года во время происходившего в Москве совещания министров иностранных дел трех держав.

В «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», которая была также скреплена подписями Рузвельта и Сталина, говорилось: «...немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров, или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников, или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или истреблении населения на территориях Советского Союза, которые сейчас очищаются от врага, должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия. Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе

виновных, ибо три союзных державы, наверняка, найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие...»

Казалось бы, после этой Декларации предложение покарать гитлеровских военных преступников не могло вызвать возражений. Ведь речь шла именно о наказании нацистских преступников, а не о мести по отношению к невинным. Но, по-видимому, Черчилль рассматривал Декларацию трех держав лишь как пропагандистский жест, а в душе думал совсем другое. К тому же, по мере того как советские войска продвигались дальше на запад и все ближе подходили к территории третьего рейха, Черчилль стал задумываться о том, как бы использовать гитлеровских разбойников при осуществлении уже бродивших у него в голове планов создания нового «санитарного кордона» вокруг Советской страны.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН РАСЧЛЕНЕНИЯ ГЕРМАНИИ

От тегеранской встречи до победы над гитлеровской Германией было еще очень далеко. Советским армиям предстояло в тяжелых боях пройти сотни километров, форсировать крупные водные рубежи, взять штурмом множество городов. И еще многие тысячи советских, американских, английских воинов, борцов Сопротивления должны были отдать жизнь в этой титанической схватке. Предстояли тяжелые бои на Восточном фронте, высадка в Нормандии, кровопролитные бои в Арденнах, освобождение Франции и других стран, оккупированных нацистами.

В Тегеране все понимали, что до того момента, когда с востока, запада, севера и юга войска союзников пересекут германские границы и пойдут на последний штурм общего врага, пройдет немало времени. Но то, что этот момент наступит, ни у кого не вызывало сомнения. Все были уверены в конечной победе антигитлеровской коалиции.

Естественно поэтому, что на Тегеранской конференции встал вопрос о том, как следует союзникам поступить с

Германией после победы. То, что державы фашистской «оси» должны безоговорочно капитулировать, не вызывало разногласий: тут царило единодушие. Но надо было думать и о том, что предпринять, чтобы Германия, которая на протяжении жизни одного поколения дважды ввергла человечество в мировую войну, никогда больше не смогла развязать новую агрессию.

Впервые этот вопрос подвергся обсуждению после позднего обеда 28 ноября. День был довольно напряженный, и Рузвельт, который выглядел усталым, попросив у своих коллег прощения, отправился к себе сразу же после того, как все встали из-за стола. Черчилль, Сталин, Иден и Молотов перешли в соседнюю комнату, где был подан кофе.

Раскуривая сигару, Черчилль заметил, что союзники должны нанести такой сокрушительный удар по Германии, чтобы она никогда больше не могла угрожать другим народам. Сталин согласился с этим, но добавил, что, если не будут приняты особые меры, Германия скоро восстановит свой потенциал и будет снова представлять угрозу для мира. Черчилль не согласился с этой точкой зрения. Он сказал, что уже сейчас в результате огромных потерь на советском фронте, а также бомбардировок, которым подвергает Германию авиация союзников, ее людские резервы и военно-промышленный потенциал в значительной мере истощены, а к концу войны Германия подвергнется таким ударам и будет настолько разрушена, что никак не сможет скоро восстановиться.

— Вы, я вижу, большой оптимист,— улыбнулся Сталин. Поставив чашку с недопитым кофе на столик, он провел белым платком по усам и более серьезно добавил:— К сожалению, я не могу разделить этого оптимизма. Специфические условия Германии с ее юнкерством и крупными военными концернами таковы, что она может еще не раз представлять угрозу для мира. Но мы, конечно, могли бы попытаться изменить эти условия...

Черчилль, почувствовав, что Сталин коснулся вопроса об общественном строе послевоенной Германии, резко перевел разговор на другую тему. Больше в этот вечер к германскому вопросу не возвращались.

Когда на следующий день Сталин встретился с Рузвельтом один на один, он рассказал ему о разговоре с Черчиллем.

— Когда вы ушли,— сказал Сталин,— я имел разговор с Черчиллем относительно сохранения мира в будущем. Черчилль очень легко смотрит на это дело. Он считает, что Германия не сможет скоро восстановиться. Я с этим не согласен и думаю, что это может скоро произойти. Для этого ей потребуется всего 15—20 лет. Если Германию ничего не будет сдерживать, то я опасаюсь, что она скоро сможет восстановить свою силу. Первая большая война, начатая Германией в 70-м году прошлого столетия, закончилась в 1871 году. Всего через 42 года после этой войны, то есть в 1914 году, немцы начали новую войну, а еще через 21 год, в 1939 году, они вновь начали войну. Как видно, срок, необходимый для восстановления Германии, сокращается. Он и в дальнейшем, очевидно, будет сокращаться.

Рузвельт слушал, не перебивая. Его заинтересовал ход мыслей Сталина. Лишь изредка в знак согласия он кивал головой и легонько постукивал пальцами правой руки по подлокотнику коляски.

Между тем Сталин продолжал говорить о том, как трудно добиться того, чтобы Германия не стала снова угрожать другим народам. Какие бы запреты мы ни налагали, сказал он, немцы будут иметь возможность их обойти. Если мы запретим строительство самолетов, то мы не можем закрыть мебельные фабрики, а известно, что мебельные фабрики можно быстро перестроить на производство самолетов. Если мы запретим Германии производить снаряды и торпеды, то мы не можем закрыть ее часовых заводов, а каждый часовой завод может быть быстро перестроен на производство самых важных частей снарядов и торпед. Поэтому Германия может снова восстановиться и начать агрессию.

На этот раз Сталин не упомянул о социальных условиях Германии. Возможно, резкая реакция Черчилля подсказала ему, что в вопросе о социальной структуре Германии он может встретить лишь сопротивление англо-американцев. Во всяком случае, теперь он говорил только о стратегических мерах, которые могли бы помочь союзникам держать побежденную Германию в определенных рамках.

— Для того чтобы предотвратить агрессию,— пояснял свою мысль Сталин,— тех органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возмож-

ность занять наиболее важные стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии. Должен быть создан специальный орган, который имел бы право занимать стратегически важные пункты. В случае угрозы агрессии со стороны Германии или Японии эти пункты должны быть немедленно заняты с тем, чтобы окружить Германию и Японию и подавить их...

— Я согласен с вами на 100 процентов,—сказал Рузвельт.— Я могу быть так же тверд, как маршал Сталин. Конечно, немцы могут перестроить свои заводы на военное производство, но в этом случае необходимо будет действовать быстро, и если будут приняты решительные меры, то Германия не будет иметь достаточно времени для того, чтобы вооружиться.

— В таком случае все обеспечено,— улыбнулся Сталин.

Во время пленарного заседания 1 декабря участники конференции вновь вернулись к вопросу о Германии. Рузвельт сказал, что имеется предложение о расчленении Германии и что этот вопрос следует обсудить подробнее.

Вслед за американским президентом слово взял Черчилль, который, видимо, уже был подготовлен к такой постановке вопроса. Он энергично поддержал Рузвельта:

— Я за расчленение Германии. Но я хотел бы обдумать вопрос относительно расчленения Пруссии. Я также за отделение Баварии и других провинций от Германии.

Предложение Черчилля прозвучало несколько неожиданно, и в зале воцарилось молчание. Снова заговорил Рузвельт.

— Чтобы стимулировать нашу дискуссию,— заявил он,— я хотел бы изложить составленный мною лично два месяца тому назад план расчленения Германии на пять государств.

— Я хотел бы подчеркнуть,— перебил Черчилль,— что корень зла Германии — Пруссия.

Рузвельт одобрительно кивнул и продолжал:

— Желательно, чтобы мы сначала имели перед собой картину в целом, а потом уже говорили об отдельных компонентах. По моему мнению, Пруссия должна быть, по возможности, ослаблена и уменьшена в своих размерах. Она должна составлять первую самостоятельную

часть Германии. Во вторую самостоятельную часть должны быть включены Ганновер и северо-западные районы Германии. Третья часть — Саксония и район Лейпцига. Четвертая часть — Гессенская провинция, Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна, а также старые города Вестфалии. Пятая часть — Бавария, Баден и Вюртемберг. Каждая из этих пяти частей будет представлять собой независимое государство. Кроме того, из состава Германии должны быть выделены районы Кильского канала и Гамбурга. Этими районами должны будут управлять Объединенные нации или четыре державы. Рурская и Саарская области должны быть поставлены под контроль либо Объединенных наций, либо попечителей всей Европы. Вот мое предложение. Я должен предупредить, что оно является лишь ориентировочным...

В обстановке тех дней, когда еще почти вся Европа находилась под фашистской пятой, предложение Рузвельта о расчленении Германии звучало как-то нереально. К тому же сразу возникло сомнение — можно ли в середине XX века заставить немецкий народ примириться с возрождением карликовых государств времен курфюрстов? Не слишком ли смело решил перекроить карту Германии американский президент?

Но Черчилль, этот опытный и хитрый политик, как будто поддерживал идею Рузвельта.

— Вы изложили полный короб всякой всячины,— сказал он, обращаясь к президенту.— Я считаю, что существуют два вопроса: один — разрушительный, а другой — конструктивный. У меня две идеи: первая — это изоляция Пруссии от остальной Германии; вторая — это отделение южных провинций Германии — Баварии, Бадена, Вюртемберга, Палатината[1], от Саара до Саксонии включительно. Я держал бы Пруссию в жестких условиях. Я считаю, что южные провинции легко оторвать от Пруссии и включить в дунайскую федерацию. Люди, живущие в дунайском бассейне, не являются причиной войны. Во всяком случае, с пруссаками я поступил бы гораздо более сурово, чем с остальными немцами. Южные немцы не начнут новой войны.

[1] Административный район «Оберпфальц» на границе с Чехословакией.

Эти рассуждения Черчилля вносили новый элемент в вопрос о судьбе Германии. Выступая за расчленение Германии и подавление Пруссии, он в то же время клонил дело к созданию некоего нового образования, наподобие лоскутной габсбургской монархии. Именно так можно было понять смысл его рассуждений насчет дунайской федерации. Само собой разумеется, что, по мысли британского премьера, такая федерация должна была находиться под контролем западных держав и изолировать Советский Союз от Западной Европы. Этот план явно перекликался с идеей самого Черчилля о высадке англо-американских войск на Балканах с целью «опередить» русских в Юго-Восточной Европе.

Сталин весьма отрицательно воспринял этот план.

— Мне не нравится план новых объединений государств,— сказал он ледяным тоном.— Если будет решено разделить Германию, то не надо создавать новых объединений. Будь то пять или шесть государств и два района, как предполагает Рузвельт, этот план может быть рассмотрен. Что же касается предложений английской стороны, то надо иметь в виду следующее. Черчиллю скоро придется иметь дело с большими массами немцев, как приходится сейчас нам. Он увидит тогда, что в германской армии сражаются не только пруссаки, но и немцы из остальных провинций Германии. Лишь австрийцы, сдаваясь в плен, кричат: «Я — австриец!» — и наши солдаты их принимают. Что касается немцев из отдельных провинций Германии, то они дерутся с одинаковым ожесточением. Как бы мы ни подходили к вопросу о расчленении Германии, не нужно создавать какого-то нового нежизнеспособного объединения дунайских государств. Венгрия и Австрия должны существовать отдельно друг от друга. Австрия существовала как самостоятельное государство до тех пор, пока она не была захвачена Гитлером.

Рузвельт согласился со Сталиным в том, что между немцами, происходящими из разных германских провинций, не существует разницы. Пятьдесят лет тому назад эта разница существовала, сказал президент, но сейчас все немецкие солдаты одинаковы.

После этого снова выступил Черчилль.

— Я не хочу, чтобы меня истолковали так, будто бы я не за расчленение Германии,— заявил он.— Но я хотел бы сказать, что, если раздробить Германию на несколько

частей и не создать комбинации из этих частей, тогда, как это говорил маршал Сталин, наступит время, когда немцы объединятся.

— Нет никаких мер, которые могли бы исключить возможность объединения Германии,— возразил глава советской делегации.

— Маршал Сталин предпочитает раздробленную Европу?— язвительно спросил Черчилль.

— Причем здесь Европа?— отпарировал Сталин.— Просто я не знаю, нужно ли создавать четыре, пять или шесть самостоятельных германских государств. Этот вопрос нужно обсудить...

Рузвельт спросил, не следует ли создать для изучения вопроса о Германии специальную комиссию или, быть может, передать этот вопрос в Лондонскую комиссию представителей трех держав. Сталин согласился передать этот вопрос в Лондонскую комиссию.

Эта проблема была вновь поднята западными державами на Крымской конференции в феврале 1945 года. Но и там их идея расчленения Германии не встретила поддержки с советской стороны. Советский делегат в трехсторонней комиссии отклонил предложения англо-американцев о расчленении Германии. Тем временем позиция Советского правительства в этом вопросе была четко определена. Выступая 9 мая 1945 года в День Победы над гитлеровской Германией, глава Советского правительства заявил, что Советский Союз «не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию».

Западные пропагандисты любят разыгрывать фальшивую карту, утверждая, будто Советский Союз повинен в расколе Германии. Это злобная выдумка. Наоборот, именно благодаря принципиальной позиции Советского правительства англо-американские планы расчленения Германии, впервые выдвинутые на Тегеранской конференции, не были претворены в жизнь.

На проходившей летом 1945 года Потсдамской конференции трех держав были приняты важные решения о денацификации, демократизации и демилитаризации Германии как единого целого. Если бы эти решения были выполнены полностью, то и сейчас Германия существовала бы как единое государство. Но решения Потсдамской конференции не были выполнены в западных зонах оккупации, и западные державы, не добившись раздробления

Германии, раскололи ее явочным порядком. В Западной Германии начался процесс ремилитаризации. Военные монополии вновь набрали силу. Были созданы так называемая «бизония», а затем «тризония». Наконец, была провозглашена Федеративная Республика Германии, в которой пышным цветом расцвели милитаризм и реваншизм.

В этих условиях демократические силы немецкого народа на востоке страны создали государство рабочих и крестьян — Германскую Демократическую Республику.

Так появились два германских государства, которые в наши дни идут различными историческими путями. ГДР идет по дороге социализма и мира. В ФРГ, где попрежнему господствуют старые правящие классы, создана благоприятная почва для возрождения реваншизма, милитаризма, неофашизма, что чревато опасностью новой войны.

ПОСЛЕВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Участники тегеранской встречи лишь в общих чертах коснулись проблемы послевоенного устройства мира. Несмотря на противоречивость интересов держав, представленных на конференции, уже на этом этапе войны делались попытки найти общий язык в отношении обеспечения сохранности мира после победы антигитлеровской коалиции. Лидеры западных держав видели, что народы всего мира, прилагавшие титанические усилия для разгрома фашизма, для избавления человечества от угрозы порабощения, кровно заинтересованы в том, чтобы больше никогда не повторилась мировая бойня. Эти настроения широких кругов общественности оказывали сильное давление на лидеров капиталистических государств, воевавших против держав «оси». Особенно чувствителен к этому давлению был Рузвельт. Он, несомненно, много думал над будущим устройством мира.

В беседе со Сталиным 29 ноября Рузвельт сказал, что хотел бы обсудить вопрос о будущем устройстве мира еще до отъезда из Тегерана. По мнению американского президента, следует создать такую организацию, которая действительно обеспечила бы длительный мир после войны. Встретив положительный отклик с советской стороны, Рузвельт сказал, что, как он себе представляет, после окончания войны должна быть создана мировая организация, которая будет основана на принципах Объединенных

наций. Эта организация не будет заниматься военными вопросами. Она не должна быть похожа на Лигу наций. В нее войдут 35, а может быть, 50 Объединенных наций, и она будет лишь давать рекомендации. Никакой другой власти эта организация не должна иметь.

Рузвельт высказал мнение, что такая организация должна заседать не в одном определенном месте, а в разных местах. На вопрос, идет ли речь о европейской или о мировой организации, президент ответил, что это должна быть мировая организация.

Сталин спросил, из кого должен состоять исполнительный орган этой организации. Рузвельт ответил, что, как он полагает, Исполнительный комитет должен включать Советский Союз, Великобританию, Соединенные Штаты, Китай, две европейские страны, одну южноамериканскую, одну страну Среднего Востока, одну страну Азии (кроме Китая), один из британских доминионов. Рузвельт сказал, что Черчилль согласен с этим предложением, поскольку в данном случае англичане будут иметь два голоса — от Великобритании и от одного из доминионов. Далее Рузвельт предложил, чтобы Исполнительный комитет занимался бы сельскохозяйственными, продовольственными, экономическими проблемами, а также вопросами здравоохранения.

По мысли Рузвельта, должен также существовать Полицейский комитет, состоящий из стран, которые следили бы за сохранением мира и за тем, чтобы не допустить новой агрессии со стороны Германии.

Советская сторона не выдвигала в Тегеране конкретных предложений по вопросам послевоенного устройства. Сталин в беседе с Рузвельтом ограничился тем, что ставил уточняющие вопросы и высказывал лишь самые общие соображения.

Когда Рузвельт упомянул о Полицейском комитете, советский представитель поинтересовался, будет ли этот комитет принимать решения, обязательные для других стран?

— Что было бы, если бы какая-то страна отказалась выполнять принятое этим комитетом решение? — поинтересовался Сталин.

— В таком случае страна, отказавшаяся выполнить решение, была бы лишена возможности в дальнейшем участвовать в решениях этого комитета, — ответил президент.

— Будут ли Исполнительный комитет и Полицейский комитет частью общей организации или же это будут самостоятельные органы?

— Это будут три отдельных органа. Общая организация из 35 Объединенных наций. Исполнительный комитет из 10 или 11 стран. Полицейский комитет — из четырех держав. Если возникнет опасность агрессии или же нарушения мира каким-либо иным образом, то необходимо иметь такой орган, который мог бы действовать быстро, так как тогда не будет времени для обсуждения даже в таком органе, как Исполнительный комитет.

— Следовательно,— уточнил Сталин,— это будет такой орган, который принуждает.

Не давая прямого ответа, Рузвельт сказал, что он хотел бы привести такой пример: когда в 1935 году Италия без предупреждения напала на Абиссинию, он, Рузвельт, просил Францию и Англию закрыть Суэцкий канал, чтобы не позволить Италии продолжать эту войну. Однако ни Англия, ни Франция ничего не предприняли, а передали этот вопрос на разрешение Лиги наций. Таким образом, Италии была предоставлена возможность продолжать агрессию. Предлагаемый сейчас орган, в который входили бы только четыре державы, будет иметь возможность действовать быстро, и в такого рода ситуациях он мог бы, не мешкая, принять решение о закрытии Суэцкого канала.

На замечание Сталина, что он понимает это, Рузвельт выразил удовлетворение тем, что ему удалось познакомить советского премьера со своими соображениями. Эти наметки, пояснил он, носят еще общий характер и нуждаются в дальнейшей разработке. Но суть их в том, чтобы избежать ошибок прошлого.

Выслушав американского президента, советский представитель высказал некоторые общие соображения. Он заметил, что, как ему кажется, малые страны Европы будут недовольны такого рода организацией. Может быть, было бы целесообразно создать европейскую организацию, в которую входили бы три страны: Соединенные Штаты, Англия и Россия и, быть может, еще какая-либо из европейских стран. Кроме того, существовала бы вторая организация, например по Дальнему Востоку. Сама схема, предложенная президентом, по мнению советской стороны, хорошая. Но может быть, следует создать не

одну организацию, а две организации: одну — европейскую, а вторую — дальневосточную, или, может быть, мировую. Таким образом могли бы быть либо европейская и дальневосточная, либо европейская и мировая организации. Каково мнение президента?

Рузвельт ответил, что это предложение до некоторой степени совпадает с предложением Черчилля. Разница только в том, что Черчилль предложил одну европейскую, одну дальневосточную и одну американскую организацию. Но дело в том, что Соединенные Штаты не могут быть членом европейской организации. Рузвельт пояснил, что нужно только такое огромное потрясение, как нынешняя война, чтобы заставить американцев направить свои войска за океан.

— Ели бы,— сказал Рузвельт,— Япония в 1941 году не напала на Соединенные Штаты, то я никогда не смог бы заставить конгресс послать американские войска в Европу...

В то время в этой фразе как будто нельзя было усмотреть ничего особенного: простое объяснение причин, побудивших конгресс дать президенту необходимые полномочия. Но подобного рода высказывания Рузвельта, которые он делал неоднократно, позже дали повод ко всякого рода домыслам. Еще и сейчас многие в США придерживаются мнения, что Белый дом в 1941 году сознательно игнорировал поступавшие из разных источников сигналы о готовившейся японской атаке на Пирл-Харбор. За послевоенные годы опубликовано много документов и мемуаров, свидетельствующих о том, что в Вашингтоне было известно о намерениях японцев. Американцам, в частности, удалось раскрыть японский дипломатический код и расшифровать важные телеграммы, поступавшие японскому послу в Соединенных Штатах: они свидетельствовали о том, что атака готовится в районе Тихого океана. Об этом точно знали в Вашингтоне за несколько часов до нападения на Гавайские острова, но по какому-то странному стечению обстоятельств гарнизоны американских баз в районе Тихоокеанского театра, в том числе и в Пирл-Харборе, не были предупреждены и не подготовились к отражению атаки. Японские самолеты, поднявшиеся с подкравшихся почти вплотную к Гавайским островам авианосцев, нанесли сокрушительный удар по крупнейшей американской военно-морской базе Пирл-

Харбор, уничтожив или выведя из строя стоявший там тихоокеанский флот США.

До сих пор тайна катастрофы в Пирл-Харборе не разгадана. Но так или иначе, после этого шока конгресс США проголосовал за вступление в войну.

...На замечание Рузвельта об условиях, при которых американское правительство смогло послать войска за океан, Сталин реагировал вопросом:

— В случае создания мировой организации, которую предлагают Соединенные Штаты, придется ли американцам посылать свои войска в Европу?

— Это не обязательно,— ответил Рузвельт.— В случае, если бы возникла необходимость применения силы против возможной агрессии, Соединенные Штаты могли бы предоставить свои самолеты и суда, а ввести войска в Европу должны были бы Англия и Россия.

Для применения силы против агрессии, продолжал президент, имеются два метода. Если создастся опасность революции или агрессии, или другого рода опасность нарушения мира, то страна, о которой идет речь, может быть подвергнута карантину с тем, чтобы разгоревшееся там пламя не распространилось на другие территории. Второй метод заключается в том, что четыре нации, составляющие комитет, могут предъявить данной стране ультиматум прекратить действия, угрожающие миру, указав, что в противном случае эта страна подвергнется бомбардировке или даже оккупации.

На этом, собственно, и закончилось обсуждение проблем послевоенного устройства в Тегеране. Этот вопрос в дальнейшем явился предметом переписки между тремя лидерами, а потом уже практически разрабатывался на конференции в Думбартон-Оксе летом 1944 года.

Любопытно сделанное Рузвельтом замечание насчет «опасности революции» как «нарушения мира», а также предложение установить «карантин» в отношении стран, в которых создастся революционная ситуация. Несомненно, американский президент отражал тут позицию определенных англо-американских кругов, опасавшихся, как бы победоносная антифашистская война не привела к подъему революционных сил, к борьбе народов за социальные преобразования.

Сталин оставил без внимания все эти замечания Рузвельта и, мне кажется, сделал это не случайно.

Известно, что накануне войны, да и в военные годы западная пропаганда не уставала твердить, будто Советский Союз преследует цели «мировой революции» и намерен «экспортировать революцию» в другие страны, особенно в те, куда войдет Красная Армия. Эта пропагандистская кампания, подогревавшаяся ведомством Геббельса, была направлена на то, чтобы вбить клин между союзниками, вызвать подозрения, осложнить их единство в борьбе против гитлеровской Германии. Учитывая все это, Сталин старался не давать повода для подобного рода обвинений и подозрений.

БОЛЬШАЯ ТРОЙКА ПОКИДАЕТ ТЕГЕРАН

2 декабря утро было серое и хмурое. Внезапно похолодало. Порывистый ветер кружил по парку желтые листья. У подъезда главного здания советского посольства стояло три военных «виллиса». Вокруг сновали американские детективы. Их пиджаки оттопыривали спрятанные под мышкой автоматические пистолеты. Все было готово к отъезду президента Соединенных Штатов.

По предварительной договоренности конференция должна была работать на протяжении всего дня 2 декабря. Но снег, внезапно выпавший в горах Хузистана, вызвал резкое ухудшение метеорологических условий и вынудил Рузвельта поторопиться с отлетом. Поздно вечером 1 декабря в спешном порядке была согласована заключительная декларация. Уже не было времени ни начисто перепечатать ее текст на русском и английском языках, ни устроить торжественную церемонию ее подписания. Пришлось собирать подписи под этим важнейшим документом как бы методом «опроса». Каждый из главных участников конференции в отдельности наскоро поставил свою визу. У нас в руках остался изрядно помятый листок с подписями, сделанными карандашом. Внешний вид листка никак не гармонировал с торжественным содержанием этого документа, который вскоре стал известен всему миру как Тегеранская декларация трех держав.

Вот ее текст:

«Мы, Президент Соединенных Штатов, Премьер-Министр Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение последних четырех дней в столице на-

шего союзника — Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время.

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга.

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего. Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мировую семью демократических стран, когда они пожелают это сделать.

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

РУЗВЕЛЬТ
СТАЛИН
ЧЕРЧИЛЛЬ

Подписано в Тегеране 1 декабря 1943 года».

Среди других решений, связанных с ведением войны, была достигнута договоренность об оказании всесторонней помощи югославским партизанам.

Была также согласована Декларация трех держав об Иране. Она гласила:

«Президент Соединенных Штатов, Премьер СССР и Премьер-Министр Соединенного Королевства, посоветовавшись друг с другом и с Премьер-Министром Ирана, желают заявить об общем согласии их трех правительств относительно их взаимоотношений с Ираном.

Правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства признают помощь, которую оказал Иран в деле ведения войны против общего врага, в особенности облегчая транспортировку грузов из-за границы в Советский Союз.

Эти три правительства сознают, что война вызвала специфические экономические трудности для Ирана, и они согласились, что они будут по-прежнему предоставлять Правительству Ирана такую экономическую помощь, какую возможно будет оказать, имея в виду те большие требования, которые налагают на них их военные операции по всему миру и существующий во всем мире недостаток транспортных средств, сырья и снабжения для гражданского потребления.

Имея в виду послевоенный период, Правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства согласны с Правительством Ирана в том, что любые экономические проблемы, которые встанут перед Ираном после окончания военных действий, должны быть полностью рассмотрены наряду с экономическими проблемами, которые встанут перед другими членами Объединенных Наций,— конференциями или международными организациями, созванными или созданными для обсуждения международных экономических вопросов.

Правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства едины с Правительством Ирана в своем желании сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана. Они рассчитывают на участие Ирана совместно с другими миролюбивыми нациями в установлении международного

мира, безопасности и прогресса после войны в соответствии с принципами Атлантической хартии, которую подписали все четыре Правительства.

ЧЕРЧИЛЛЬ
СТАЛИН
РУЗВЕЛЬТ

1 декабря 1943 года».

...Я стоял напротив широкого крыльца с белыми колоннами. Вокруг толпились фоторепортеры и кинооператоры. Каждый из них старался протиснуться поближе к ступенькам сквозь кордон советской и американской военной охраны, чтобы не отстать от других, когда появится Рузвельт. Дверь открылась и на площадке показался президент. Его везли в коляске два филиппинца. Поверх черной накидки, схваченной вверху золотой цепочкой, закрепленной между двумя пряжками в виде львиных голов, на плечи Рузвельта был наброшен клеенчатый плащ защитного цвета. Голову покрывала изрядно помятая старомодная шляпа. Лицо его было таким, каким его привыкли видеть на портретах: пенсне, длинный мундштук с сигаретой в крупных зубах, раскрытых в широкой улыбке. Но на его облике лежала печать усталости. Это неприветливое утро особенно подчеркивало болезненную бледность президента. Почти физически ощущалось, как трудно Рузвельту — тяжело больному человеку — нести лежащее на нем бремя. Но силы его поддерживались неукротимой волей и внутренней энергией.

К коляске подошли два дюжих американских сержанта, поднесли ее поближе к «виллису» и пересадили Рузвельта на переднее сиденье автомашины. Ноги его накрыли толстым ковром, сверху натянули брезент. Тем временем к группе провожающих присоединились Сталин и Черчилль. Сталин подошел к машине, крепко пожал президенту руку, пожелал ему счастливого пути.

— Я считаю, что мы проделали здесь хорошую работу,— сказал Рузвельт.— Согласованные решения обеспечат нам победу...

— Теперь уже никто не усомнится в том, что победа за нами,— ответил Сталин улыбаясь.

Черчилль также попрощался с Рузвельтом. Шофер включил мотор, и тут же на подножки «виллиса» вскочили четыре детектива. Двое из них, выхватив из-под пиджаков автоматы, легли на передние крылья машины. Все выглядели так, словно машина президента должна прорваться сквозь вражеское окружение. Я впервые видел, как организована охрана американского президента, и мне казалось, что нарочитая демонстрация, которую устраивают детективы, способна лишь привлечь внимание злоумышленников. Но Рузвельт, видимо, считал это близкое к опереточному представление в порядке вещей. Он спокойно улыбался, а когда «виллис» тронулся, поднял правую руку с расставленными указательным и средним пальцами — в виде буквы «V» — «виктория» — «победа». Вскоре «виллис» президента исчез за деревьями парка.

Тут же распрощался с советскими делегатами и Черчилль. Он отправился в свое посольство и вскоре выехал на аэродром.

Советская делегация покинула Тегеран в середине дня. На аэродроме нас ожидало несколько двухмоторных пассажирских самолетов. В первой машине отправилась группа военных, во второй улетел Сталин. Мы ждали, пока не поступило сообщение о том, что он благополучно приземлился в Баку. После этого, с интервалом в несколько минут, в воздух поднялись остальные машины.

Когда мы вышли из самолета на бакинском аэродроме, Сталин еще находился там. Он стоял перед аэровокзалом уже не в маршальском облачении, а в простой солдатской шинели и в фуражке, без знаков различия. Рядом с ним находился главный маршал авиации Голованов и еще несколько военных. Вскоре на поле появилась вереница лимузинов. Сталин сел во вторую машину, рядом с шофером. На заднем сиденье поместилась его личная охрана. Все остальные быстро расселись по другим машинам, и кортеж на большой скорости направился в город, к железнодорожному вокзалу. Там стоял специальный поезд из длинных тяжелых салон-вагонов.

На пути в Москву, помнится, была только одна длительная стоянка — в Сталинграде. Мы оставались в поезде. Но Сталин в сопровождении близких к нему лиц совершил поездку по городу. На четвертый день рано утром наш поезд прибыл в Москву. Его подали к пустынному перрону электрички, курсирующей между Белорус-

ским и Савеловским вокзалами. Как только состав остановился, Сталин вышел из вагона, сел в черный лимузин, поданный прямо на перрон, и уехал в Кремль.

Только на следующий день, 7 декабря, в советской печати было опубликовано сообщение о состоявшейся в Тегеране конференции трех держав и были напечатаны тексты Декларации и других официальных сообщений.

До этого дня никто в Советском Союзе, кроме сравнительно небольшой группы посвященных, не знал о том, что на протяжении четырех дней Большая тройка совещалась в Тегеране.

* * *

Итоги Тегеранской конференции свидетельствуют о плодотворности военного и политического сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы второй мировой войны. Решения конференции способствовали сплочению, укреплению антигитлеровской коалиции. Они могли также иметь большое значение для развития дружественных советско-англо-американских отношений в послевоенные годы. Однако вскоре после окончания второй мировой войны правящие круги США и Великобритании отошли от согласованных решений и стали на путь обострения международной обстановки, на путь холодной войны.

Тегеранская конференция была крупным успехом советской внешней политики. Возвращаясь сейчас, спустя четверть века, к дискуссиям, которые вели в Тегеране лидеры трех держав, перечитывая решения, принятые на этой встрече, особенно ясно видишь ее историческое значение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«С дипломатической миссией в Берлин» печатается с издания 1966 г, и «Тегеран, 1943»—1968 г, издательства АПН, Москва.

Валентин Бережков

С ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИЕЙ В БЕРЛИН, 1940—1941
ТЕГЕРАН, 1943

Издательство «Узбекистан»— Ташкент — 1971

Редакторы С. Красильщик и И. Хохлов
Наблюдала за выпуском Л. Пылаева
Худож. редактор Н. Пирогов
Техн. редактор С. Кадыркаева
Корректор Л. Федотова

Сдано в набор 21/I—1971 г. Подписано в печать 16/IV—1971 г. Формат 84×108 1/32. Физ. печ. л. 6,75. Усл.-печ. л. 11,34. Уч.-изд. л. 11,29. Тираж 100 000. Издательство «Узбекистан». Ташкент, Навои, 30. Договор № 247—70. Бумага № 2.

Ташполиграфкомбинат Госкомитета Совета Министров УзССР по печати, Ташкент, Навои, 30. Зак. № 110. Цена 47 коп.

47 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»

В. БЕРЕЖКОВ